

МАРК БЛИЕВ

ЧЕРКЕСИЯ И ЧЕРКЕСЫ XIX ВЕКА

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ

INTERNATIONAL INSTITUTE OF NEWLY ESTABLISHED STATES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ НОВЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ

Марк Блиев

ЧЕРКЕСИЯ И ЧЕРКЕСЫ XIX ВЕКА

Краткий очерк истории

**Москва
2011**

УДК 479
ББК 63.3(0)
Ч 484

Марк Блиев

Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории. – М.:
Международный Институт Новейших Государств, 2011. – 192 с.

ISBN 978-5-8041-0574-8

Новая книга известного современного кавказоведа, профессора Северо-Осетинского государственного университета Марка Блиева, посвящена истории жизни Черкесии и черкесов в 19 веке. В своем исследовании автор раскрывает истинную сущность и причинно-следственные связи некоторых исторических обстоятельств, существенно повлиявших на судьбы народов Кавказа и всего мира.

Примечательно, что научный взгляд профессора М.Блиева на историю Черкесии и черкесов – это взгляд изнутри семьи кавказских народов.

Книга будет интересна широкому кругу читателей: от представителей федеральных и региональных органов власти до студентов, аспирантов и ученых изучающих историю Кавказа.

ISBN 978-5-8041-0574-8

© М. Блиев,	2011
© Международный Институт Новейших Государств	2011

Кавказ раздора. Вместо предисловия

Северный Кавказ с его неприступными хребтами долгое время оставался непокоренной крепостью, защищавшей народы, которые в разное время мигрировали в эти места. В «просвещенном» мире сформировавшуюся здесь общность стали называть Черкесией, а людей и народы, населявшие эти земли — черкесами. Драматизм их исторической судьбы неразрывно связан с геополитическим значением Кавказа, который всегда был и сегодня остается объектом амбиций и соперничества сверхдержав. Многообразие и сложнейшую систему социальных и политических отношений в Черкесии неоднократно использовали в своих целях пропагандистские машины мировых империй — от Османской и Британской до Третьего Рейха. И в этом, к прискорбию, немецко-фашистские пропагандисты под руководством доктора Геббельса практически неотличимы от современных атлантических идеологов Кавказского халифата и Соединенных штатов Кавказа.

По иронии судьбы, именно Россия стала гарантом сохранения уникальной общности и создала экономические основы выживания для народов Северного Кавказа. Безусловно, северокавказские княжества и вольные общества были обречены на гибель, а их народы — на этническое растворение под иранским и турецким давлением при постоянном умелом влиянии британской разведки. Главной целью британцев на Кавказе всегда было противодействие распространению российского влияния в регионе. Понимая древнее этническое родство и общие ментальные особенности народов Северного Кавказа и народов, населяющих Российскую империю (в первую очередь русского народа), британцы сделали все, чтобы спровоцировать Кавказскую войну.

Историческое исследование известного современного кавказоведа, профессора Северо-Осетинского государственного университета Марка Блиева, посвященное Черкесии и черкесам в 19 веке, раскрывает истинную сущность и причинно-следственные связи некоторых исторических обстоятельств, существенно повлиявших на судьбы народов Кавказа и всего мира. Многие из тех моментов до сих пор используются в антироссийской пропаганде со стороны т.н. «носителей свободы и демократии». Пресловутый «черкесский вопрос» до сих пор остается в антироссийской повестке дня.

В определенном смысле «Большая кавказская война» продолжается и сегодня. Войны в Южной Осетии, Абхазии и Нагорном Карабахе в 90-х, Чеченские войны, развязанные уже внутри России, и, наконец, миротворческая пятидневная война с Грузией за свободу Южной Осетии — все эти конфликты спровоцированы вне России и навязаны народам Кавказа с единственной целью: разорвать прочную историческую связь России и Кавказа, не допустить достойного развития ни в кавказских республиках, ни в соседних российских регионах, связав сознание народов недоверием, враждой, местью.

В 2008 г. грузинский президент, ведомый извращенными амбициями и западными спецслужбами, в день открытия Пекинской Олимпиады 8 августа развязал войну в Южной Осетии. Главной целью операции «Чистое поле» было тотальное уничтожение южных осетин как носителей исторической правды. Правды, которая становится главным препятствием для идеологического обоснования, необходимого для геополитического переустройства Кавказа в интересах США и НАТО.

К чести и мудрости кавказских народов, сегодня на Кавказе происходит осознание истинных причин пережитых бед и разногласий, все яснее понимание того, кто является истинным другом, а кто врагом.

В 2014 г. на российском Кавказе пройдут Олимпийские игры. Сочинская Олимпиада будет не только ярчайшим событием в мире спорта. Первая Кавказская Олимпиада станет символом окончания Большой кавказской войны. Символом примирения и взаимопонимания народов всего Северного Кавказа, всех народов Российской Федерации. Перефразируя известный афоризм, хочется заметить некоторым западным деятелям, что XXII зимние Олимпийские игры в Сочи состоятся, какова бы ни была погода в Лондоне и Нью-Йорке.

Алексей Мартынов,
директор Международного института
новейших государств

Предварительные замечания

В последние десятилетия в исторической литературе заметно повысился интерес к черкесам, в прошлом населявшим Северо-Западный Кавказ. Поднимаются вопросы их этногенеза, этнической идентичности черкесов с кабардинцами, российскими адыгами и черкесами. Актуализировалась также тема Кавказской войны на Западном Кавказе. В связи с ней обсуждаются проблемы депортации и «геноцида» исторических черкесов. Острота тематики очевидна и понятна. Сказывается традиция. Любая идеология, независима от ее качества, у малых народов, как правило, утверждается на фоне исторической ретроспективы. Если же в прошлом для своих политических пристрастий они не находят достаточного обоснования, то прибегают к универсальному инструментарию, каким является мифологизм. Избыток его обычно зависим от спроса и идеологического вкуса. Удивляет другое. По таким аспектам проблемы, как происхождение черкесов, их принадлежность к исторически родственной группе народов, этническая сопоставимость с другими народами Северного Кавказа, в частности, с кабардинцами, путаница происходит на уровне справочной литературы, издававшейся в советское время. Например, применительно к черкесам XIX в. не учитывался их родной язык, родственный осетинскому и сванскому языкам. Как правило, не учитываются также разные этнографические корни кабардинцев, относящихся к меотскому племенному миру, и черкесов, восходящих к индоевропейской группе народов. Парадоксы здесь доходят до курьезного. В новейшее время разброс взглядов в этой области столь велик, что вдруг бывшие кумано-половецкие тюркоязычные карачаевцы пожелали стать аланами, а вслед за ними и ряд других народов Северного Кавказа.

Метаморфозы происходят с черкесами и в освещении Кавказской войны. Так, в конце 80-х гг. XX в. актуальность и тематическая востребованность ее с нарастающей динамикой замечалась уже в Кабарде, где, казалось, к этому не было серьезных предпосылок. К 1994 г. в общественной среде Кабарды проблема заняла настолько важное место, что создавалось впечатление, будто Кавказская война происходила не на Северо-Западном Кавказе, а на территории Кабардино-Балкарии. В том же году официально и в массовом порядке отмечалось 130-летие окончания «для Кабар-

ды» «Кавказской войны». На тех «торжествах» автору довелось быть приглашенным. Программа состояла из двух частей – официальной и поминовения. В ее организующем центре находился первый президент Кабардино-Балкарии В. М. Коков. Из его развернутого доклада вытекало, что в Кавказской войне главные тяготы и жертвы выпали на долю Кабарды. Именно в ней якобы Россия осуществила «свой геноцид» кабардинского народа. После доклада руководитель администрации президента России Егоров зачитал телеграмму Б. Н. Ельцина. Президент России приносил извинения перед кабардинским народом за жертвы, понесенные им в Кавказской войне. Слушая все это, нельзя было не изумиться... Переполненный зал был накален до предела. На массу людей особое впечатление произвели цифры, приведенные Коковым: в Кавказской войне будто бы из 350-тысячного населения Кабарды осталось в живых только 35 тысяч.

Автор не берется судить о мотивах, из которых, читая необычный доклад, исходил президент Кабардино-Балкарии.

Известно, что на территории Кабарды не было никакой Кавказской войны. Напомним, имам Шамиль, внимательно следивший за событиями в Черкесии, действительно пытался вовлечь в войну с Россией также Кабарду. С этой целью в 1846 г. он предпринял поход в Кабарду. Здесь Шамиль встретился с представителями знати. От кабардинских князей имам требовал немедленно начать войну с Россией. Князья дружно ему отказали. Это было логично. В Кабардинском полку, наносившем мюридам Шамиля ощутимые удары, 29 новобранцев было из Кабарды. Немного позже их стало 187 солдат¹. Против отрядов имама действовала также в составе 153 человек Кабардинская милиция².

Теперь о цифрах «геноцида», приведенных в 1994 году В. М. Коковым. Цифры такие, в самом деле, существуют. Но они были взяты бывшим президентом Кабардино-Балкарии из совершенно другой исторической ткани, не имевшей отношения ни к Кавказской войне, ни к «геноциду». Собственно, произошла подмена эпидемии холеры и чумы, в 1799-1809 гг. свирепствовавших в Кабарде, Кавказской войной, начало которой относится к 20-м гг. XIX в. Не только в Кабарде, но и в Северной Осетии эпидемии привели к демографической катастрофе. За сравнительно короткий срок из более чем 200-тысячного населения Северной Осетии сохранилось 26-28 тысяч, в Кабарде из 350 тысяч осталось к 1809 году около 35 тысяч. Из-за опасных и неизлечимых в то

время болезней небольшие российские пограничные гарнизоны и карантинная служба закрыли для Осетии и Кабарды границу. Кабарда была также блокирована со стороны Крыма и Черкесии. Не стало соли, одежды и других товаров. Ситуация осложнялась тем, что в 1804 г. началась русско-иранская война, в 1806 г. Россия вступила в войну с Турцией. В связи с этим на российской границе были ужесточены кордон и карантинная служба. Это вызвало недовольство в Кабарде и Осетии. Отдельные отряды из Кабарды совершали нападения на российскую границу с целью запастись в казачьих станицах солью и продуктами. В Восточной Осетии, в свою очередь, российским войскам и транспорту перекрывали Военно-Грузинскую дорогу. В ответ на это в Осетию и Кабарду направлялись карательные экспедиции. Из них шесть экспедиций российское командование снарядило в Кабарду, пять – в Восточную Осетию. По ним в Российском центральном государственном военно-историческом архиве имеются документы с точными описаниями карательных мер и с подсчетами человеческих жертв. Самая жестокая карательная экспедиция, предпринятая в 1810 году генералом Булгаковым в ответ на набеги кабардинских княжеских отрядов, повлекла за собой, – по данным самих князей, – 31 человеческую жертву. Российское командование резко осудило действия генерала в Кабарде. Однако возводить подобные приграничные конфликты в ранг «Кавказской войны» или же «национально-освободительного движения» не слишком ли громко?

В президентском докладе В. М. Кокова главным являлись не исторические факты. Важнее оказался властный императив на будущее. С этой же целью статистика «геноцида» в Кабарде была густо перемешана с событиями в Черкесии, в которых Кабарда не принимала участия. Тогда же в 1994 году зародился и другой миф – об этнической идентичности кабардинцев и черкесов. Таким образом, Кабарда подпадала не только под «геноцид», но и под «депортацию».

Со временем эти подходы, объявленные экс-президентом, приняли форму новых «научных» парадигм. С того памятного 1994 г. ежегодно на Северном Кавказе проводятся «международные» «научные» конференции, неустанно генерирующие одно и то же – антироссийскую идеологию.

Свой вердикт по Черкесии и черкесам вынес также Институт этнологии и антропологии РАН. В виде «Заключения» научное учреждение фактически разделило подходы бывшего президента

Кабардино-Балкарии об этнической идентичности кабардинцев и черкесов Северо-Западного Кавказа, хотя в науке хорошо известно о меотском происхождении кабардинцев.

В настоящем кратком историческом очерке, посвященном Черкесии и черкесам, преимущественно на основе документальных исторических источников автор ставит перед собой задачу осветить наиболее острые в современной историографии стороны черкесской проблемы.

Этногенез (происхождение) черкесского народа. Эдмонд Спенсер о средневековом названии страны черкесов и «черкесских зайцах»

Английский разведчик, в 1830 г. прибывший в Черкесию, был основательно подготовлен к своей профессиональной деятельности. В его задачу входило изучение всех сторон жизненного уклада черкесов, в том числе знакомство с их историей и конфессиональной ориентированностью. В отличие от многих других английских агентов, Спенсер о Кавказе и Черкесии знал «все». К черкесам он строго относил только жителей Северо-Западного Кавказа. Отличие их от соседних народов Спенсер доводил до антропологии. По его свидетельству, «черкесские мужчины никогда не рождаются с какими-либо другими народами, кроме как со своими собственными, они сохраняют их род незагрязненным... князь или уздень никогда не продают своих дочерей в жены, кроме как лицам своей национальности»³. Выясняя у черкесов название их страны, Спенсер уточнил, что черкесы называли свое отечество и самих себя «Атехей». Этноним и одновременно наименование страны Спенсер разделял на «Атех» – долину и «хей» – море. Однако он не указал, из какого языка происходит само слово. Вполне возможно, что слово «Атехей» принадлежало не черкесскому языку, а скорее языку одного из соседних народов. Твердо можно утверждать одно – суффиксальное «ей» – сугубо кабардинское. Но не более... И оно приобретено не ранее XIII в., после расселения черкесов рядом с кабардинцами. Однако у слова «Атехей» есть чисто фонетическое сходство со словом «этей». Так, по данным Рейнегтса, этнических алан называли татары⁴. Но вряд ли на этом шатком основании стоило бы делать какие-либо выводы об этнической природе черкесов.

Э. Спенсер спрашивал – что им, черкесам, известно об их древней истории? Они подтвердили, что являются пришельцами на Северо-Западный Кавказ. Но не стали посвящать разведчика в свое далекое прошлое. Спенсеру показалось – «все это окутано глубочайшим мраком». На самом деле, отвечая на вопрос англичанина, черкесы рассказали легенду, уходившую в седую древность. Она относилась к их более ранней, обетованной родине. Спенсер записал: «Черкесы и абазины в своих преданиях говорят, что страна, перед тем, как их раса заняла ее, была населена народом столь

маленького роста, что заяц служил им конем вместо лошади»⁵. В этой легенде скрывалась суть происхождения горных черкесов Северо-Западного Кавказа. Она была для понимания Спенсера слишком недоступной, и он не придал ей значения. Между тем черкесы поведали разведчику об одном из сказаний *осетинского* «Нартовского эпоса», где для «крохотных» людей зайцы могли служить лошадьми. Например, мотив «героического сватовства»: На «коне ростом с зайца» сидит сын Аца, Ацамаз, который намеревается свататься к дочерям сына Анзора»⁶. Если бы исследователь не располагал ничем другим, кроме сказания «о зайцах», то даже в этом случае должен был бы серьезно задуматься об этнических связях черкесов с древними скифами.

Но у Э. Спенсера есть еще одна несколько неожиданная подробность. Записывая со слов самих черкесов названия племен и насчитывая их «12 или 13», он в качестве племени привел также «осеты»⁷. Судя по данным Спенсера, основное этническое ядро черкесов составляли абадзехи, натухайцы и осеты. В свете других сведений, относящихся к XIX в., черкесское племя с этнонимом «осеты» не должно было явиться для Спенсера случайным. Ну, а то, что «осеты» восходят к скифско-аланскому миру со своим осетинским языком, вряд ли может вызвать сомнения.

И последнее. Спенсер указал на диалекты, на которых разговаривали черкесы. Сложно судить, что подразумевал под «диалектами» разведчик – то ли это разные языки, то ли всего лишь диалекты одного языка. Однако Спенсер подчеркивал, что каждое племя имело свой диалект. Скорее всего, это были действительно диалекты – не могли же черкесы, коих было 13 племен, обладать таким количеством языков.

Свидетельства генерала, князя Бековича-Черкасского о происхождении черкесов

Справка о генерале. Ф. А. Бекович-Черкасский, природный кабардинец, принадлежал к известному и влиятельному в Кабарде княжескому роду. На Кавказе он управлял Сунженской военной линией, блокировавшей Чечню. Позже служил в Генеральном штабе в Петербурге. В июне 1830 г. Ф. А. Бекович-Черкасский получил задание представить развернутую «Записку» о Черкесии и черкесах. В помощь ему был придан полковник Гасфорт. Речь шла о разработке конкретного плана военного покорения черкесов. Это обязывало генерала к особой ответственности и точности всех данных, которые он должен был представить фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу. Заметим также, князь Бекович-Черкасский имел свободный доступ в закрытые черкесские общества. Несомненно, он был более компетентен в суждениях о черкесах, чем его современники и даже последующие авторы, писавшие о Черкесии.

Над составлением своей «Записки» Бекович-Черкасский работал три месяца. В виде «рапорта» он подал ее на имя Паскевича 17 сентября 1830 г.⁸

Касаясь этногенеза западных черкесов, князь подчеркнул: «...по географическому их (черкесов. — М.Б.) положению, равно и образу жизни, ими соблюдаемому, нельзя принимать их за коренных жителей высокого Кавказа»⁹. Бекович-Черкасский обрисовал районы, откуда пришельцами (адыге) были черкесы: «...колыбелю оных (черкесов. — М.Б.) почитать должно северо-западные предгорья и равнины сей горной цепи на нижней части р. Кубани и по Черному морю, начиная от устья Дона до Геленджикского залива»¹⁰. Стоит отметить: на указанной генералом территории автор настоящих строк, руководя Северо-Кавказской археологической экспедицией, производил раскопки. Они подтверждали наличие в этом районе господства сармато-аланской археологической культуры. Бекович-Черкасский настолько углубился в проблему происхождения западных черкесов, что заметил даже их пограничное расселение с Древнерусским государством и присутствие среди черкесов славянского этнического компонента. «Быть может даже, — писал князь — что они (черкесы. — М.Б.) перешли сюда из южной России, ибо господствующий облик их доказывает происхождение Европейское»¹¹.

По Бековичу-Черкасскому, дальнейшее расселение черкесов изменило их древнюю территорию. Генерал отмечал: «Занимая первоначально места на нижней Кубани, они (черкесы. – М.Б.) постепенно распространялись к востоку, по всей плоскости, окружающей подножия северных Кавказских отрогов до Бештомака, т.е. равнины, образуемой соединением Малки с Тереком». Это было новым территориальным пространством, в котором, оседая, черкесы тесно столкнулись с «Кабардей», с племенами «кашаги», «касоги». Судя по всему, новое расселение черкесов произошло под давлением монголо-татар. Бекович-Черкасский установил и этот исторический факт. Он утверждал, что «... по всему описанному пространству, народ сей (черкесский. – М.Б.)... был покорен... татарскими племенами»¹².

Наиболее точное описание черкесских племен, несомненно, принадлежит также генералу Бековичу-Черкасскому. По его мысли, племя Абадзе являлось главным. Его он представлял как нечто похожее на «этническое ядро», считая, что другие черкесские племена относятся именно к этому «колену». Забегая вперед, отметим, Т. Лапинский, другой знаток Черкесии, будет называть всех черкесов «Абыдзе» или же «Абазы», но в то же время Бекович-Черкасский рассматривал «Абадзе» не только как «собирательный этноним» черкесов, но видел в нем также и отдельное племя: «Собственно называемые *Абадзе*, живущие по Черному морю на реках Саше, Субеше и Шахе»¹³. Уточним, топонимика, которой пользовались черкесы на новой территории, принадлежала кабардинцам, как более автохтонным жителям в местностях, на кои указывал Бекович-Черкасский.

К другим племенам генерал относил натухайцев, шапсугов и абадзехов. Он также довольно четко очертил географические координаты расселения каждого из них. Однако для нас важнее другое. Бекович-Черкасский, в отличие от Спенсера, не дробит приведенные им племена по признакам внутренних диалектных и племенных различий. Тем самым становится ясно, что в Черкесии к 1830 г. вполне сложились четыре племенных союза – процесс, весьма характерный для военно-демократической стадии общественного развития.

Естественно, Бекович-Черкасский не забыл напомнить и об общем для черкесов этнониме «адыге», тем более что он сам мог также называться «адыге». Но генералу даже в голову не приходило сколько-нибудь идентичная этническая принадлежность черкесов и кабардинцев к одному и тому же народу.

Этногенез черкесов по Теофилу Лапинскому

Теофил Лапинский, полковник, типичный польский русофоб, в свое время получил европейскую известность. О нем писали разное – одни чернили, другие, напротив, обеляли. Наиболее меткую характеристику дал ему А. И. Герцен. «Лапинский, – отмечал русский демократ, – был в полном смысле кондотьер. Твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог идти с белыми и красными, с чистыми и грязными: принадлежа по рождению к галицкой шляхте, по воспитанию – австрийской армии, он сильно тянул к Вене. Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, неисправимо»¹⁴. Вместе с тем Герцен находил, что Лапинский *«написал замечательную книгу о Кавказе»*¹⁵.

В пору Кавказской войны Лапинский не только проявил интерес к черкесам, конфликтовавшим с Россией, но и провел три года в Черкесии. Он командовал польским отрядом, отрядами черкесов, тем самым последние признали его «своим». Преимущество польского офицера состояло в том, что он изучил межэтнический для черкесов кабардинский язык и имел доступ к широкой информации, касавшейся черкесов и их истории. Важно также отметить, что польский националист придавал особое значение принадлежности народа к той или иной исторически родственной группе народов. Этим обстоятельством объясняется его повышенный интерес к вопросу происхождения черкесов и их отнесения к определенной близкой им группе народов.

Происхождение черкесов Лапинский начинал с этимологии этнонима «черкес», относя его к древности: «Слово «черкес» очень старо», – подчеркивал Лапинский. По его мнению, вначале оно якобы «употреблялось для разбойничьих банд, которые свирепствовали на берегах Днепра»¹⁶. По данным Лапинского, «черкесы» «составлено из турецко-татарских слов – «чер» или «чар» (подстерегать, искать) и «кес» (отрезать, грабить, убивать)»¹⁷. Разбойные по укладу жизни, днепровские черкесы «не признавали ни власти татарского хана, ни турецкого султана», – писал Лапинский. Он считал, что центром созданного на берегу Днепра масштабного стана черкесов являлись Черкассы. Сложно судить об этом, однако, Черкассы, в самом деле, принято считать одним из ранних поселений средневековья. В свое время город относился к Польше, позднее он стал российским. Продолжая свое описа-

ние начальных черкесов, Лапинский отмечал, что со временем к татаро-турской разбойной общине присоединились «многочисленные польские и малорусские беглецы». Они «усилили банды», «одновременно приведя их к расколу»¹⁸. Под давлением пришельцев часть днепровских черкесов «ушла на Дон»¹⁹. Лапинский уточнял, на Дон отступил татарский этнический ингредиент. Как и на левом берегу Днепра, на Дону черкесы основали новые Черкассы. Несомненно, Лапинский создавал вполне логичную схему первоначальной истории черкесов. Но в то же время, похоже, что его версия основана главным образом на одинаковых названиях днепровских Черкассов с донскими. Пожалуй, более убедительными следует считать суждения по поводу дальнейшей судьбы ранних черкесов, населявших территорию Придонья. Реальным, например, следует считать, что на Дону «Под влиянием Московских великих князей» «черкесы смешались с татарскими, московскими, а также русскими пришельцами»²⁰. Следует заметить, Лапинскому явно не было известно автохтонное население той территории, на которой расселились «днепровские» черкесы и пришельцы из Древнерусского государства. Между тем в науке хорошо известно, что донские благодатные земли исторически и автохтонно были населены ираноязычными племенами, начиная со скифских времен. В ту пору, когда явились на Дон черкесы, а вслед за ними русские из Киевской Руси, донские просторы занимали аланы. Не подлежит сомнению и другое, по сравнению с «пришельцами» местное население вряд ли потеряло свое численное превосходство. Во всяком случае, именно здесь, в донских степях, изначально образовался мощный разнородный этнический массив, которому суждено было испытать сложные исторические коллизии. Добавим для не историков. Аланы на Дону относятся к прямым предкам осетин; с осетинского языка «Дон» – река, вода, от осетинского произошло также название реки Дон.

В XIII веке под напором татаро-монгольских орд донские алано-черкесы отступили *на восточный берег Черного моря Северо-Западного Кавказа*. Здесь они заняли горные и лесистые местности, весьма удобные для обороны от внешних врагов. На новой территории автохтонами являлись кабардинцы, известные в русских летописях как «касоги» (на осетинском языке – «кашаг»).

Этноним «адыгей», «адыгэ»

В современном кабардинском языке сохранились едва заметные разные наречия. Этим объясняется двоякая транскрипция слова «адыгей». Столкнувшись в XIII веке с кабардинскими автохтонами, этногенез которых связан с меотами, алано-черкесы, – в дальнейшем будем называть их «черкесами», – получили с кабардинского языка новый этноним – «адыги». Если внимательно отнестись к этому этнониму и читать его в транскрипции литературного кабардинского языка, то в появлении у черкесов второго этнонима нет ничего сложного, тем более такого, что принципиально меняло бы этническую текстуру Черкесии, превращая черкесов в «кабардинцев». С кабардинского языка этноним «адыгей» состоит из двух слов: «ады» или «аде» (потом, позднее) и «гей» (быть или приходить). Из такого прочтения интересующего нас этнонима явствует, что кабардинский язык зафиксировал нам поздно «прибывших» или «позднее» переселившихся на Северо-Западный Кавказ черкесов²¹. В свою очередь, у иностранных путешественников и авторов этноним «черкесы» механически был распространен на кабардинцев. Что касается исторических соседей кабардинцев – русских, осетин, вейнахов и других народностей Северного Кавказа, то они четко различали этноним «кабардинцы» от этнонима «черкесы», никогда не путали одно с другим.

Вплоть до XV века, находясь с кабардинцами в тесном этническом контакте, черкесы стали широко пользоваться языком своих близких соседей. Произошло это, несмотря на численное превосходство черкесов над кабардинцами. Вполне возможно, сказалась традиция, сложившаяся на Северном Кавказе, согласно которой кабардинский язык вплоть до XIX века оставался для местных народов средством межэтнического общения. Могли иметь значение и другие обстоятельства. Например, предрасположенность индоевропейских алан к языкам соседних народов. Село Средний Урух, в котором родился автор, соседствовало с кабардинскими селами. В нем многие могли изъясняться на кабардинском языке. Частые гости из Кабарды в нашем доме общались с моим дедом и отцом на своем языке.

Такого автору настоящих строк не приходилось наблюдать в Кабарде. Предрасположенность черкесов к освоению кабардинского языка, возможно, вызывалась тем, что пришельцы на Северо-За-

падный Кавказ, значительно потеснив аборигенов, должны были освоить не только территорию, но и новый соседствующий народ. Одновременно кабардинский язык мог послужить также средством межэтнического общения с другими соседними племенами, которых на Северо-Западном Кавказе было предостаточно.

Не менее «загадочным» для лингвистов и этнологов оказалось происхождение нового для кабардинцев самоназвания «адыге», ставшее идентичным со вторым этнонимом черкесов. Казалось, объяснение этого языкового факта было на поверхности, между тем одинаковость этнонимов у черкесов и кабардинцев явилось поводом, благодаря которому черкесы и кабардинцы стали рассматриваться в формате этнической идентичности. Отметим и другое. Приход черкесов на территорию автохтонных кабардинцев никак не мог повлиять на приобретение последними нового самоназвания. В этом не участвовали также их соседи осетины, русские и др., твердо придерживавшиеся прежней этнонимической практики (Кабардей, кабардэ). В таком случае, что же вызвало к жизни новый этноним кабардинцев – «адыге», коим в свое время они называли черкесов? Отвечая на этот вопрос, необходимо вести поиски в сфере исторических перемен, серьезно повлиявших на судьбы народа.

Позднее средневековье – одно из тяжелых и жестоких времен на Северном Кавказе. Поэтому не стоит романтизировать отношения, складывавшиеся между черкесами и кабардинцами на Северо-Западном Кавказе. Природно-географическая среда – горные, лесистые и болотистые места – хороши были для самообороны, но они же создавали дополнительную тесноту для хозяйственной деятельности. В этих условиях кабардинцам пришлось решать вопрос о новом жизненном пространстве. Уже в конце XV века среди них наметился устойчивый миграционный процесс. Переселенцы оседали на свободных равнинных землях Центрального Предкавказья. Колонизация новых территорий и полный исход кабардинцев из *обетованной земли* вызывали один и тот же языковой рецидив, ранее состоявшийся в случае с черкесами. Кабардинское слово «адыге» – (поздно пришедшие) – зафиксировало в языке важную для переселенцев историческую переменную. Со временем оно прочно вошло в языковую практику кабардинцев на уровне второго полноправного этнонима. Ничего другого в нем не следует искать.

Индоевропейскость черкесов

Как уже отмечалось, генерал, князь Ф. А. Бекович-Черкасский, превосходно знавший Северный Кавказ, первым, пожалуй, подметил отличие черкесов от других горских народов. При этом, относя их к «европейцам», выходцам «из юга России», он не имел других мотивов, кроме как представить Петербургу точную картину Черкесии. Независимо от Бековича-Черкасского, вопрос о принадлежности черкесов к определенной этнической группе народов интересовал также Лапинского. В отличие от генерала, польский националист хорошо был осведомлен о тонкостях этой темы. Командуя в Черкесии многотысячными отрядами и находясь в гуще народа, ему несложно было заметить индоевропейское происхождение черкесов. Судя по его заключению, в середине XIX в. черкесы еще говорили на осетинском языке. Образованному славянину-индоевропейцу легко могла броситься в глаза родственность осетинского языка со славянскими языками. На этой довольно надежной основе Лапинский приходил к выводу: черкесы *«принадлежат к индоевропейской расе и имеют племенное и языковое родство с ...сванетами и осетинами»*²². Поясним, современные сваны восходят к иранским скифам Закавказья. Вплоть до XIX века различие между осетинским языком и сванским сводилось всего лишь к фонетике. Проявивший интерес к народам Северного Кавказа Ю. Клапрот дополнил наблюдавшуюся в XIX веке среди исторических черкесов языковую картину. Он отмечал: «... в своих разбойных набегах» черкесы *«пользуются тайными языками, которые составлены по взаимному соглашению»*²³. В качестве примера он указывал на два таких языка – язык «шакобше» и «фаршабше»²⁴. По оценке Ю. Клапрота, первый из них являлся совершенно особенным, поскольку не имел ничего общего с черкесским языком. Не исключено, что черкесы, переживавшие военно-демократическую стадию общественного развития, оказались на пути создания нового «военного» языка, – примеров тому немало. Что касается других тайных языков, в том числе охотничьего, девичьего, распространенных на Северном Кавказе, то они, как правило, *основывались на родном языке*, но, естественно, никак не на языке, служившем для них средством межэтнического общения.

Территория. Население

На современной карте Кавказа нет западных адыгов, так называемых «демократических племен», подавляющая масса которых эмигрировала в страны Ближнего Востока. К ним относились абадзехи, шапсуги, натухайцы и ряд других более малочисленных племен. Западные адыги составляли основной адыгский этнический массив, игравший важную роль в соперничестве крупных держав в Причерноморье и на Северном Кавказе. Среди «демократических племен» натухайцы были одним из многочисленных. Они занимали территорию от нижнего течения реки Кубань до реки Джугби на юге. На востоке граница их расселения пролегла по течению реки Адагум и захватывала Кавказский хребет. Западная граница натухайцев шла вдоль Черноморского побережья. В отличие от горцев Северо-Восточного Кавказа натухайцы, как, впрочем, и шапсуги, как правило, не создавали компактных поселений, а жили «одиночными» дворами и при этом прочно держались родовых уз.

К востоку от натухайцев селились шапсуги, делившиеся на Большой шапсуг и Малый шапсуг. Первый занимал территорию к северу от Главного Кавказского хребта (между реками Адагумом и Афипсом), Малый к югу от него выходил к Черному морю. Значительную территорию в Кавказских горах занимали абадзехи, относившиеся также к многочисленным племенам («метрополия» их располагалась от бассейна реки Афипс до бассейна Лабы). Абадзехи жили небольшими аулами и хуторами. Разноречивы сведения о численном составе западных адыгов. Среди последних данных – статистика, приведенная М.В. Покровским: по его сведениям, к середине XIX в. общая численность западных адыгов составляла «примерно» 700–750 тыс. человек²⁵.

Занятия: скотоводство, земледелие и война как ремесло

Историк Кубанского казачьего войска Ф. А. Щербина, «хорошо знавший литературу вопроса и соответствующие архивные документы»²⁶, дал общую оценку экономике черкесов. Он полагал, что в конце XVIII – первой половине XIX в. «черкесов ни в коем случае нельзя было назвать народом земледельческим», они «были бедны и нуждались в самых необходимых предметах. В громадном большинстве случаев у них не хватало хлеба», «руки же он (черкес – М.Б.) берег для войны»²⁷.

По мнению военного историка Н. Ф. Дубровина, у черкесов «земледелие вообще находилось в первобытном состоянии». Главным их богатством он считал «огромные табуны лошадей и отары овец»²⁸.

В советское время первым обратил внимание на хозяйственную жизнь черкесов Северо-Западного Кавказа М. Н. Покровский. По его оценке, в конце XVIII в. экономике черкесов наблюдался некоторый подъем. Он четко разграничил хозяйства жителей равнинных и горных. Первые успешно развивали земледелие: «... насколько интенсивна была земледельческая культура – показывают и до сих пор остатки искусственного орошения, фруктовых садов и виноградников около развалин черкесских аулов»²⁹. Что касается горцев, то они главным образом занимались скотоводством. «Как и следовало ожидать от горных местностей, – подчеркивал М. Н. Покровский, – основу богатства составляло скотоводство»³⁰. Вслед за М. Н. Покровским, в духе дореволюционной историографии, проблему освещали и другие советские авторы.

К скотоводческому типу хозяйства была приспособлена общественная организация всех «демократических племен» Северо-Западного Кавказа. Эта особенность жизни горцев достаточно широко проиллюстрирована В. К. Гардановым в его монографии о черкесах. Данные В. К. Гарданова позже дополнены материалами Б. М. Джимова³¹ и М. А. Меретукова³². Этнографам удалось обосновать тезис о сохранении у «демократических племен» патристической семьи и объяснить причины ее консервативности. Так, по сведениям М. А. Меретукова, у шапсугов встречались семейные общины, насчитывавшие по 40, 50, 60, а иногда более 100 человек. В таких общинах родство доходило до четвертого по-

колениа. Наличие столь крупных семейных общин и устойчивость в них родовых порядков обуславливались скотоводческим типом хозяйствования, требовавшим применения коллективного труда крупных родовых союзов. М. А. Меретуковым опубликован полевой материал, согласно которому патронимические семьи шапсугов держали скот в больших количествах; семья Тлиф Сафчах из 34 душ имела 400 овец, 60 коз, 30 коров, 6 быков, а семья Непсэу Мшеост из 24 членов содержала 300 овец, 50 коз, 20 лошадей, 5 быков, 4 коровы и т.д. На основании изучения патронимической семьи, ее внутренней организации М. А. Меретуков пришел к выводу о скотоводческом направлении хозяйственной деятельности этой семьи³³.

Подводя итог, отметим, что в XVIII – первой половине XIX в. в «вольных» обществах Северо-Западного Кавказа основная роль в экономике принадлежала скотоводству. В условиях горной зоны Большого Кавказа эта отрасль консервировала отсталые формы хозяйствования, являлась носительницей патриархально-родовых начал в общественной жизни. Вместе с тем в «вольных» обществах Большого Кавказа в скотоводстве были скрыты потенциальные силы, которым при определенной историко-экономической ситуации суждено было изменить коренным образом облик горских обществ. Начало преобразований этих обществ лежало в появлении частной собственности на стада, ведущей «к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в товары»³⁴.

В отличие от скотоводства горское земледелие – второстепенный вид хозяйствования – обнаруживало интенсивные формы труда, но оно лишено было главного – экономического эффекта. Кроме того, земледелие не обладало социальной потенцией, которую таило в себе скотоводство: оно не являлось сферой формирования частной собственности, способной привести общество к кардинальным социальным переменам. В рассматриваемое время и скотоводство, и земледелие в условиях гор и высокогорья не были рассчитаны на производство излишков продукции, что сдерживало поступательное хозяйственное развитие «вольных» обществ, обеспечивая общинно-родовым отношениям достаточную устойчивость³⁵. В этом, казалось, замкнутом круге, не дававшем «вольным» обществам стать на путь прогресса, выход виделся в двух предпосылках: в обнищании и набегах («завоеваниях»), которые подорвали бы общинно-родовую связь – основу господствовавшего общественно-экономического уклада.

Набег как система, как общественный уклад

В поступательном развитии «демократических» племен особая роль принадлежала набеговой системе, сопровождавшей на переходном этапе все социальные процессы черкесского общества. Источники свидетельствуют о раннем зарождении у черкесов системы набегов³⁶. Уже во второй половине XV в. итальянский путешественник Дж. Интериано, посетивший Черкесию, мог наблюдать, как черкесы «постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже на Босфор вплоть до Херсонеса Таврического, той провинции, где находится колония Каффы, основанная в древности генуэзцами»³⁷. Он заметил, что черкесы занимаются набегам «сезонно» («охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает») – признак «вырастания» единичных набегов в систему набегов. Дж. Интериано полагал, что набег «в здешней стороне» – «обычное явление»³⁹. В конце XVII в. это наблюдение подтвердил немецкий путешественник Э. Кемпфер: Судя по его данным, наиболее распространенной среди черкесов конца XVII в. формой набегов являлась организация небольших отрядов. Вечером черкесы «выезжают на место сбора, – писал Э. Кемпфер, – где их собирается 30-40 и более людей и договариваются, когда и куда идти на добычу»⁴⁰. Эти набег производятся не только на соседние страны, но и в их собственной земле, так как они «похищают все, что можно, и продают друг друга туркам, персам и прочим в качестве крепостных»⁴¹, – продолжал Э. Кемпфер. О системности и масштабах набеговой практики можно судить и потому, что черкесы, часто попадавшие в зависимость к крымскому хану, платили ему дань пленниками, которых они захватывали во время своих набегов. Размер этой дани был немалый. Французский путешественник Абри де ла Мотрэ указывал, что «черкесы платили прежде ежегодную дань в размере 6000 рабов и столько же лошадей хану»⁴².

Однако общественные структуры эпохи военной демократии, как правило, обнаруживают более высокую социальную потенцию, чем соседние народы, независимо от того, насколько они отстали или ушли вперед по общему уровню своего развития. Так, Крымское ханство, представлявшее собой раннефеодальное государственное образование, рано или поздно должно было отступить перед мощной энергией черкесского военно-демократического

общества. По сообщению Абри де ла Мортэ, «вследствие военной хитрости черкесов» хан в одном сражении с горными адыгами потерял 40 тыс. своих воинов⁴³, в другом – был разбит со своей сотысячной армией⁴⁴. В том и состоит особенность племенных образований с военно-демократическим устройством, что они проявляют не только беспрецедентную агрессивность, но и способность противостоять во много раз превосходящим силам противника. К XVIII в. набеговая система достигла такого уровня, что фактически стала определять всю общественную и политическую жизнь горных адыгов. Общественное сознание оправдывало набеги, обосновывало их необходимость. Известный путешественник И. Гербер писал о сложившейся у черкесов системе воспитания подростков, которых с раннего возраста готовили к набегам⁴⁵. О «набеговом» правосознании свидетельствовал итальянец Ксаверио Главани, автор начала XVIII в. На его вопрос: «Почему дозволяются подобные набеги?» – черкесский бей ответил: «В нашей стране нет ни денег, ни рынков; откуда же взять нашим молодым людям средства для приобретения одежды? Мы не изготавливаем никаких тканей, но купцы являются с товарами в период набегов и снабжают нас всем необходимым. Разве испаги делают беднее от того, что у них отнимают ежегодно трех детей? Эти рабыни, рожая каждый год, заменяют потерю, а между тем наша молодежь приобретает посредством набегов возможность хорошо одеваться. Если у испаги отнимают трех детей, то потеря эта вознаграждается, быть может с избытком, детьми, похищенными в других округах. Таким образом, это есть простой обмен между округами, а между тем он дает нам возможность развивать воинственный дух в молодежи»⁴⁶.

XVIII – первая половина XIX в. для горных черкесов – время наиболее интенсивных набегов, которые охватили максимальную территорию. Направления набегов теперь не столько зависели от «слабости» или «силы» противника, сколько от «экономической» эффективности выбранного для набегов направления. По мнению Палласа, шапсуги, например, свою экспансию довели до таких масштабов, что «турки в отчаянии от их набегов», которые достигают «окрестностей Анапы»⁴⁷. Набеги шапсугов были ориентированы не только на Юго-Западный Кавказ, но и на север, где они подвергали вооруженным нападениям местные кавказские племена, казачество, российскую пограничную линию и побережье Черного моря. По оценке Ю Клапрота, экспансия шапсугов на Северо-За-

падном Кавказе приняла столь угрожающий характер, что российскому правительству следовало предпринять чрезвычайные меры для «их усмирения, иначе, – считал он, – они (шапсуги. – М.Б.) будут так же опасны для западной части линии, как опасны для восточной части ее чеченцы»⁴⁸. Более того, Ю. Клапрот полагал, что шапсуги по своей вооруженной силе и способности к обороне превосходят даже чеченцев и «если с русской стороны не будет принято против них что-либо энергичное, то, – как прогнозировал Ю. Клапрот, – к этому присоединится и все население за Кубанью, которое они постоянно беспокоят»⁴⁹. Частота набегов шапсугов на северо-запад объяснялась не какой-то «особой» ненавистью к жителям этого района, а экономическими выгодами. Ю. Клапрот высказывал и такое опасение: «Если же их (шапсугов. – М.Б.) усмирение еще дольше задержится, то соседние народы заметят, какую большую добычу они захватывают у черноморцев, и последуют их примеру»⁵⁰. Подъем набеговой системы замечался не только среди шапсугов, но и абадзехов и нутхайцев. По Ю. Клапроту, последние, как и шапсуги, стали совершать «набеги на далекие расстояния»⁵¹.

В периоды наивысшего подъема в набеговой системе, когда военная добыча становилась «фетишем», как правило, реже формировались крупные военные ополчения, но зато широкий размах принимали набеги малыми отрядами, применявшими тактику, отличную от ополченческой. Эту особенность заметил шотландский путешественник Р. Лайэлл. По его наблюдениям черкесы из «демократических» племен большей частью нападали малыми силами и широко пользовались тактикой внезапности⁵². Р. Лайэлл обратил также внимание на то, что «их главной целью является захват высокопоставленных пленников, за которых они могут получить большой выкуп»⁵³. Для подобных пленников создавались особо тяжелые невольнические условия: адыги обращались с пленниками «строго, даже жестоко, с тем чтобы они имели повод жаловаться своим друзьям на невзгоды, а их письма они любой ценой доставляют адресатам»⁵⁴, – писал Р. Лайэлл. Путешественник отмечал, что «с тех пор, как русские овладели Грузией», черкесы захватили много пленных и получили от них большие выкупы»⁵⁵.

Жесткий сценарий набега

Среди горцев Большого Кавказа, в XVIII – первой половине XIX в. оказавшихся на стадии военной демократии и перехода к феодальной организации общества, не было этноса, который бы, подобно «демократическим» племенам, довел набеговую систему до столь высокого уровня совершенства. На Северо-Западном Кавказе набеги не только приняли характер системы, но и имели вполне сложившуюся организационную модель, которая поддается научной реконструкции, если обратиться к источникам и описаниям, дошедшим до нас. Остановимся на ее описании, которое в первой половине XIX в. дал С. Т. Званба, первый абхазский этнограф.

С. Т. Званба, современник набеговой системы, не раз имевший возможность наблюдать ее непосредственно, воспроизвел набеговую модель, связанную с зимними походами убыхов – одного из западноадыгских племен. В превосходном этнографическом этюде⁵⁶ С. Т. Званба не смог до конца объяснить мотивы набегов. Однако в отличие от многих авторов, объяснявших набеги только исходя из «суровых природных условий» и «материального недостатка», абхазский этнограф подчеркнул: набеги убыхов происходили «не вследствие недостатков средств к существованию»⁵⁷. Наибольший интерес в этнографическом этюде С. Т. Званба представляет оценка набега как сложившейся «организации», устоявшегося института, неотъемлемой части общественной жизни убыхов.

Организация набега начиналась с «объявления» предводителя о решении идти в поход: право быть предводителем имел воин, получивший известность «своей храбростью». Происхождение в данном случае не имело никакого значения. Убыхи, как и другие черкесские племена, хорошо знали своих «военных вождей», в мирное время не обладавших никакими привилегиями, кроме почета. Однако в условиях похода предводитель приобретал неограниченные полномочия: воин находился от него в «безусловном повиновении», он должен был сносить от него «брань и даже побои»⁵⁸. Походные сборы занимали не более двух недель. Участие в походе считалось делом добровольным; в нем могли принять участие все, кроме детей и стариков. Набеги совершались относительно крупными отрядами – от 800 и до 3000 человек⁵⁹. Организация похода продумывалась во всех деталях⁶⁰. «Регламентирова-

лось все», начиная от интендантской службы и до чисто военных аспектов набега. Так, воины-убыхи брали с собой в поход бурку, полушубок, две или три пары обуви, теплые носки. Съестные припасы состояли из пшена, копченого мяса, сыра, масла, перца и теста, варенного на меду. Месячный запас такой провизии воин мог нести на себе. Запрещалось «припасать» больше того количества вещей и продуктов, которое предусматривалось «правилами» похода. Перед выступлением в поход в объявленный день все сходились на место сбора. Здесь предводитель уточнял число участников предстоящего набега. Он же делил отряд или ополчение на отделения «от 10 до 100 человек». В каждое отделение назначался старшина или начальник. Затем предводитель набега формировал авангард и арьергард основных сил.

Убыхи, о которых писал С. Т. Званба, совершали свои набеги зимой, как правило, в январе – феврале⁶¹. «Сезон» набегов объяснялся двумя обстоятельствами – тем, что зимой общинники-горцы были относительно свободны от хозяйственных забот, а также лесистой местностью, которую занимали «демократические» племена. Участники набегов, опасаясь, что в летнее время в густых лесах зарослях возможны засады, предпочитали ждать до полного листопада, когда можно было просматривать местность. Момент выступления в поход зависел не только от расстояния, которое предстояло преодолеть, но и от погодных условий. Само нападение происходило «традиционно» и в высшей степени организовано. Убыхи совершали налет на аул, село или станицу только ночью, за полчаса до рассвета. Перед тем, как совершить нападение, предводитель производил перегруппировку сил; он делил отряд на три части: самые отборные, опытные воины входили в первые две группы, третья составляла интендантскую службу, которая во главе с одним из воинов одновременно являлась и резервом. Из двух основных частей предводитель формировал специальную группу, предназначенную для грабежа. Из них же создавались новые авангард и арьергард, которым теперь предстояло действовать в условиях отхода, возвращения домой. Подойдя к «объекту грабежа», вновь образованный авангард оцеплял поселение. Одновременно в деревню врывалась специальная группа, выделенная для грабежа. В момент нападения эта группа разбивалась на мелкие партии «по четыре и более человек». Именно эти партии устремлялись в жилые дома и, захватив их обитателей врасплох, связывали людей, в случае сопротивления убивали, забирали «все, что

попадало под руку»⁶². Грабеж, как правило, продолжался недолго, не более 30-40 минут. Деревню оставляли по сигналу предводителя. При отходе вновь производилась перегруппировка сил. Теперь часть отряда, ранее являвшаяся арьергардом, брала на себя функции авангарда, обязанного охранять только что захваченную добычу. Бывший авангард, в свою очередь, автоматически превращался в арьергард: в его задачу входило прикрытие от возможных преследователей отступающего отряда.

Возвращение происходило организованно и строго по плану. Предводитель и его помощники продумывали все – остановки, отдых, уход за ранеными, пленными, ночлеги, дозоры и пр. Строгая регламентация всех действий, связанных с возвращением на сборный пункт, вводилась в интересах безопасности и сохранения военной добычи.

Традиция и организованность царили и тогда, когда отряд возвращался домой на сборный пункт. Здесь в «отдельном месте» отряд оставлял пленных и другую военную добычу; здесь же он строился боевым порядком. Вперед выступал «старый седой воин», произносивший молитву. После торжественного ритуала приступали к дележу военной добычи. Право первой доли принадлежало тому, кто совершал молитву – ему полагалась из добычи «одна из лучших вещей»⁶³. Затем «по обычному своему праву» предводитель «выбирал для себя одного пленного или пленницу и из всех награбленных предметов по одной вещи»⁶⁴. Остальная часть военной добычи, за исключением пленных, делилась «по равной части между участвовавшими в походе». Меньше доставалось кашеварам и дровосекам. Из добычи две доли выделялись родственникам за каждого не вернувшегося из похода – убитого или пленного. Часть добычи предназначалась для поминок, другая – на выкуп попавших в плен участников похода. Особый порядок существовал для распределения пленных – наиболее важной части военной добычи. Делить пленных, число которых, как правило, не совпадало с количеством участников набега, не всегда было удобно. Поэтому приходилось разбивать отряд на столько частей, сколько было пленных. Затем каждая такая часть продавала своего пленного на рынке и делила между собой полученные за него деньги⁶⁵. По завершении распределения военной добычи люди из отряда расходились по домам. По традиции, это сопровождалось песнями, стрельбой, извещавшими родных и близких об окончании похода.

Естественно, набеги не всегда заканчивались благополучно. С. Т. Званба приводит факт, когда в 1825 г. отряд убыхов численностью 1000 человек во главе с военным вождем Сааткереем Адагва-ипа Берзеком был полностью уничтожен абхазами⁶⁶. Нередко отряд, совершавший поход зимой, становился жертвой природной стихии. В таких случаях воины, погибшие в походе, окружались ореолом боевой славы: о них сочиняли песни, рассказывали легенды.

Обычное право и традиции предусматривали не только организацию набега, его основные принципы. Они предписывали также определенную «мораль»: по К. Пейсонелью, за отрядом, совершавшим набег, признавалось «право» захватить скот, одежду, людей, которые отныне должны были считаться его «законной добычей», не подлежащей возврату⁶⁷. Однако сложившаяся правовая практика учитывала также интересы потерпевшей стороны: если отряд, например, имел «несчастье быть захваченным», все люди, находившиеся в нем, оставались рабами тех, на кого совершалось нападение⁶⁸. Это положение не распространялось на предводителя отряда; его не держали в плену, но, отпуская, отрезали уши и хвост его лошади⁶⁹; считалось, что этого достаточно для наказания незадачливого предводителя.

Убыхская модель набега являлась типичной для всех «демократических» племен Северо-Западного Кавказа. Отличия могли касаться лишь направления экспансии. У каждого этнического подразделения из «демократических» племен было свое традиционное направление и направление, которое могло появиться в силу каких-то конкретных обстоятельств. В XVIII в. наиболее устойчивым для черкесских обществ направлением становилась русская пограничная линия, русские города и рынки. По Хан-Гирею, объектами нападения «демократических» племен являлись: «первое – против границы черноморского казачьего войска, начиная пониже Екатеринодара, вниз по течению Кубани до Таманского острова, и второе – против линии, занимаемой линейными казаками, начиная повыше Усть-Лабинской крепости, вверх по Кубани до истока этой реки из гор, а именно шапсхском и абадзехском племенах»⁷⁰. Указанные Хан-Гиреем направления набегов считались постоянными. Вместе с тем в «промежутках означенных пунктов» – против Таманского полуострова, между Екатеринодаром и Усть-Лабинской крепостью – набеги горцев совершались значительно реже⁷¹; эти районы были «нетрадиционным» направлением экспансии.

Поскольку наш подход к набеговой системе существенно отличается от общепринятого и его критики настаивают на том, чтобы набеги были «феодальными» походами или «феодальной» междоусобицей, то остановимся еще на одном аспекте проблемы – на различиях между набегами горских «вольных» обществ и феодально-княжескими походами, достаточно распространенными на Кавказе.

Различия эти были существенны. Они касались, прежде всего, внутренней организации отряда, ополчения, войсковых формирований, с помощью которых совершались набеги как общинниками, так и феодальной знатью. Напомним: у «демократических» племен должность предводителя отряда, ополчения являлась выборной. В княжеском воинском формировании роль предводителя выполнял сам князь или им назначенное лицо. В отряде или ополчении князя господствовала та же социальная иерархия, которая действовала в повседневной жизни княжеского удела; в походе князь имел своеобразную прислугу, выполнявшую обычные для феодально зависимых людей обязанности: обеспечение охраны княжеской личности, уход за его конем, приготовление пищи и пр. В набеговой практике «демократических» племен решительно отвергался подобный институт прислужничества. По С. Т. Званба, во время набегов убыхи для перевозки провизии и других грузов не имели лошадей, транспортных средств, поэтому все необходимое воины несли на себе. От этой обязанности, подчеркивал этнограф, «никто не освобождался»⁷², кроме предводителя, да и то только «потому, что во время похода он по обстоятельствам» должен был «перебегать от одного фланга партии к другому»⁷³.

Несходство в организации княжеского формирования и отрядов общинников замечал также Хан-Гирей: «В войсках, состоявших из воинов, собранных в княжеских владениях, более бывает порядка, повиновения и подчиненности, нежели в войсках, составленных из племен, имеющих народное правление»⁷⁴. Хан-Гирей обратил внимание и на то, как «во время походов в высшем классе» «младшие» оказываются в «величайшем повиновении старшинам»⁷⁵.

Принципиально отличались функции князя от обязанностей предводителя у свободных общинников в момент нападения и грабежа. В это наиболее ответственное время предводитель у «демократических» племен развивал энергичную деятельность. Его касалось все: начиная от пленения людей и собирания военной добычи до организации самого грабежа. При этом он не избегал

ни личных поединков, ни участия в пленении людей и грабеже. Иную картину представляло собой нападение княжеского отряда. По Хан-Гирею, «в минуту нападения» все «в беспорядке» бросались на добычу. В этом, однако, не участвовали «старшины, князья и дворяне», «которым приличие не позволяет брать добычу и которых удел есть сражаться»⁷⁶.

Наконец, – и это, пожалуй, главное – существовал неординарный принцип распределения военной добычи: князь являлся единоличным собственником всей добычи, доставшейся его отряду. Небольшая ее часть могла быть выделена для приближенных, особенно отличившихся воинов, однако делалось это в виде княжеских «подарков». У свободных общинников воинская добыча составляла собственность всех участников набега: некоторые привилегии при ее распределении, предусмотренные обычным правом в пользу предводителя и старейшины отряда, не имели значения.

В целом на Северо-Западном Кавказе фактически функционировали две модели набега – княжеская и «военно-демократическая». Каждая из этих моделей была тесно связана с «собственной» общественной структурой и, естественно, выполняла «собственные» «формационные» задачи: княжеский отряд, ополчение, участвовавшие в набегах, не только расширяли собственность князя, но и способствовали созданию княжеского войска, без которого было немыслимо создание централизованной феодальной государственности (на пороге образования подобной государственности в XVIII – начале XIX в. были «аристократические» племена Центрального Кавказа, в частности, Большая и Малая Кабарда, «Социальная задача» отряда, ополчения свободных общинников состояла в другом – в «ускорении» классовобразующих процессов. Предводитель отряда и старейшина, имевшие неоспоримые преимущества при распределении военной добычи, явно шли к новым социальным отношениям.

И последнее: набеговую систему как закономерное явление в жизни народов Большого Кавказа нельзя проецировать на характер взаимоотношений кавказских народов, стоявших на пути исторической культурной общности. Этого не следует делать и при оценке столкновений этой системы с политикой России на Кавказе; подобное «проецирование» вызвало немало ошибок в освещении проблемы присоединения Кавказа к России и Кавказской войны.

Образ жизни: «Любовь к приключениям и рыцарским подвигам»

Среди материалов «разведчиков-путешественников», посетивших горные районы Северо-Западного Кавказа, воспоминания русского офицера Ф. Ф. Торнау отличаются своей правдивостью⁷⁷. Его свидетельства относятся к 30-м гг. XIX в. – началу военно-политического покорения горных черкесов. Ф. Ф. Торнау был одним из первых русских, кто трижды побывал на Западном Кавказе и более двух лет в качестве заложника прожил среди абадзехов. Несмотря на предательства, пытки и лишения, он не ожесточился, сохранил свое аристократическое достоинство, что обеспечило объективность его мемуарным запискам. Для нас важно, что «разведчик», получивший задание произвести рекогносцировку местностей, занятых горными черкесами, передает всю военную и идеологическую напряженность, создавшуюся после 30-х гг. XIX в. на Северо-Западном Кавказе.

В эти годы «все Закубанье» находилось в «неприятельских руках» и было свободно от российского влияния. Между Кубанью и горами были выдвинуты два укрепления – «на Урупе и на Чанлыке», «сторожившие» «широкие» и открытые пространства. За рекой Сагуашею начиналась «земля абадзехов», покрытая «сплошным лесом». Против низовьев Кубани жили «шапсуги и натухайцы». По Ф. Ф. Торнау, «эти три одноплеменные народа вели» с русскими «открытую войну»⁷⁸. Он же свидетельствовал, что у абадзехов «скрывалось» множество «выходцев из Кабарды, с Кубани и из других мест, покоренных русскими». Переселившиеся к абадзехам, как правило, были из фрондирующей знати, у которой российские власти в качестве наказания «отобрали» подвластных крестьян и переселили последних в Россию; Ф. Ф. Торнау был заложником у бывшего кабардинского владетеля А. Тамбиева, добивавшегося обмена своего пленника на возвращение подвластных крестьян. Таких переселенцев абадзехи называли «гаджерет», российские власти – «абреками», людьми, посвятившими себя постоянной и беспощадной войне с русскими. Вместе с абадзехами и другими «дальними горцами» «они водили» на российскую территорию отряды «для грабежа», «жгли русские дома, угоняли скот и лошадей, убивали каждого встречного, захватывали детей и женщин»⁷⁹.

В свою очередь «пограничные казаки, одетые и вооруженные совершенно сходно с горцами и не менее их привычные к войне... столкнувшись с абреками, когда сила брала, истребляли их до последнего человека».

По оценке Торнау, «война велась со всем ожесточением кровной народной вражды». Столкновение военно-демократического общества, занятого войной как важным ремеслом, с государством, жившим идеологией великой и непобедимой державы, доводило ожесточение до остроты феномена. По заключению Торнау, «не было ни средства, ни хитрости, ни вероломного обмана, считавшихся недозволенными для черкеса, когда дело шло убить русского, и для казака, когда предвиделась возможность подкарать черкеса»⁸⁰.

Несмотря на достаточно хорошо продуманную систему обороны на правом фланге Кавказской линии, а также на «выдвинутый» к этой Линии казачий Кордон, черкесские отряды «проникали в глубину края, к Ставрополю, к Георгиевску и в окрестности Минеральных Вод»⁸¹. Чаще нападая небольшими отрядами (10-20 всадников), они могли «проскакать за Ставрополь, напасть там на деревню или на проезжающих и перед рассветом вернуться с добычей»⁸². Торнау приводил пример, как «сорок абреков прорвались из-за Кубани в Астраханскую степь, ограбили рыбных промышленников» и, пробыв там «более месяца», «вернулись потом счастливо в горы»⁸³. Он констатировал, что «набеги горцев» так «умножились и приняли столь дерзкий характер, что казаки не находили, наконец, безопасности посреди своих станиц» и что единственным средством остановить «хищнические нападения» могли стать только «наступательные действия» российских войск и «карательные набеги на их аулы»⁸⁴.

Вооруженные набеги, разбой и грабеж, похищение людей и их продажа за пределы Кавказа, главным образом в Турцию, не нуждались в особом оправдании или религиозном освящении. Эти виды «деятельности» рассматривались в общественном сознании как более важные, чем скотоводство и земледелие. Черкесское общество отвергало людей, не занимавшихся набеговой практикой, не нападавших на Кавказскую линию и не убивавших русских. Семидесятилетний черкес, рассказывал Ф. Ф. Торнау, явился к русскому укреплению, попросил, чтобы к нему вышел командир гарнизона, и, когда выполнили его просьбу, он выхватил кинжал... Офицера спасли его ноги. На вопрос о мотиве его поступка черкес

ответил, что получил публичный упрек, что стар и не может даже убить русского. Алим-Гирей, приятель Торнау, «принадлежал к числу самых добродушных людей», каких «русский разведчик» знал среди абадзехов. По характеристике Торнау, он «не был в состоянии кого-либо ненавидеть». При этом «с русскими он дрался только потому, что с детства привык видеть в этом религиозную обязанность»⁸⁵. По сравнению с основной массой горцев Алим-Гирей, «сколько можно», избегал «раздражать русских против себя и своего народа». При этом «набеги горцев» на русские поселения и «русских за Кубань» «находил в порядке вещей, но никак не хотел признать» права российских властей «строить укрепления и утверждаться на черкесской земле»⁸⁶. Понять Алим-Гирея было можно – российские укрепления и «утверждение» России на «черкесской земле» вели к разрушению всего мироздания горца и не оставляли ему никаких видов на будущее, даже надежд. «Однажды» «при большом числе абадзехских гостей» Алим-Гирей обратился к Торнау с просьбой «объяснить ему, на чем русские основывают свое право отнимать землю у черкесов, когда она им принадлежит с незапамятных времен и Бог дал всем людям одинаковое право жить на свете и пользоваться воздухом, водою и землей»⁸⁷. Торнау рассказал абадзехам сказку «про баранов и волков» и спросил, почему они, защищая баранов, гонятся «за волком» в лесу – в «дарованном» ему Богом убежище. Абадзехи в один голос ему ответили: «Потому что от баранов мы имеем прок, а волк только вреден». Дав понять, что горные черкесы «волки» для русских поселений на Кавказской линии, Торнау объяснил – «оставить вас в покое, так вы их всех поедите»⁸⁸.

Не столь религиозное общество горных черкесов, среди которых господствовала массовая безграмотность, основывалось на традиционной идеологии, выработанной в условиях военной демократии. Русофобия как важный элемент этой идеологии являлась более поздним приобретением, однако конъюнктурность не снижала остроту его накала, позволяя этому настрою быть принятым массовым сознанием в качестве стержневой установки в рамках традиционной идеологии. Неприятие всего российского являлось своеобразной охраной своей закрытости, препятствовавшей любому вторжению в «воинский мир» горных черкесов. Тайна, окружавшая этот мир, была важнейшей составляющей каркаса традиционной идеологии. Отсюда проистекала та особая тревога, которую вызывала опасность разрушения этой несущей стены,

а вместе с ней – и веками возводившегося здания. Как опытный охотник, прислушивавшийся к любому шороху, горный черкес был чуток к переменам, происходившим вокруг. Банальный слух, в сущности не имевший основания, в горных обществах мог стать причиной глубокой тревоги. Этим умело пользовались различные «агенты», «эmissары» и муллы, пытавшиеся в собственных интересах влиять на горцев. Ф. Ф. Торнау рассказывал, как при нем мулла знакомил своих слушателей с Кораном. Посвящая их в историю бегства Мухаммеда из Мекки в Медину, мулла говорил, что к этому пророка вынудили «гяуры». Кто-то из присутствовавших спросил: «Кто же были эти гяуры?» «Кто? – отвечал мулла не запинаясь. – Известно – русские!» Все «обратили» на Торнау свои «взгляды, полные негодования»⁸⁹. Чтобы выйти из неприятного положения, русский офицер попросил у присутствовавшего здесь же князя Магомета Атажукины буссоль (геодезический прибор, имеющий магнитную стрелку – кабалар), которую богатые черкесы обычно имели при себе. Торнау обратился с просьбой, чтобы ему указали, где находится гроб пророка Мухаммеда. Уточнив, что на юге, он спросил: «А где живут русские?» Ему указали на противоположную сторону. Тогда Торнау потребовал объяснить, как же это «русские, проживая на севере, успели выгнать» пророка из Мекки. Рассерженный мулла настаивал: «Если бы даже не русские преследовали пророка, так это были их братья и сродники: все гяуры принадлежат к одной семье и одинаково ненавистны Аллаху, который терпит их на земле только в наказание за наши грехи»⁹⁰. Подобных «толкователей» Корана было немало среди горцев, в их числе находились вполне опытные и грамотные турецкие муллы⁹¹. Им принадлежала роль генерирования русофобии, и без того широко распространившейся.

Офицер русской армии Иоганн Бларамберг, имевший гуманитарное и инженерное образование, был командирован на Кавказ. В 1830 г. он ознакомился с «образом жизни» горцев Закубанья и в том же году в составе экспедиции под командованием И. Ф. Паскевича принял участие в карательных мерах против шапсугов. Европейски образованный офицер проявил недюжинный интерес к горцам Большого Кавказа, описал их быт, нравы и культуру. По его сведениям, численность горных черкесов составляла более 600 тысяч⁹²; по данным Ф. Ф. Торнау, их было меньше – около 500 тысяч⁹³. Бларамберг считал, что закубанцы могли выставить войско в «60 тыс. человек»⁹⁴. Но по его мнению, в результате

племенной разрозненности они не могли объединиться и сформировать войско такой численности, в противном случае «они представляли бы большую угрозу для своих соседей... они были бы непобедимы в своих краях»⁹⁵. Бларамберг характеризовал «образ жизни» горных черкесов как «военный». «Черкесы, – писал он, – не любят работу, и их главными занятиями являются война, охота и разбой. Тот, кто в этом отличается, пользуется среди них самым большим уважением»⁹⁶. Как и Ю. Клапрот, русский офицер отмечал использование горцами «особого языка» в целях сохранения тайны своего вооруженного набега; этот факт указывал на глубокие традиции военной организации общества, сохранявшиеся среди закубанских черкесов. Их главную собственность составляли «прекрасная лошадь и доброе оружие», позволявшие им предпринимать походы и «разбойничьи» набеги⁹⁷. Среди черкесов многие занимались морским пиратством. На небольших «барках», вмещавших 40-100 человек, они подплывали к судам, неподвижным из-за безветрия, и шли на абордаж, часто кончавшийся для них успехом⁹⁸. Шапсугов Бларамберг относил к наиболее могущественным среди черкесских племен. Они же были «известны своей непримиримой ненавистью к русским и упорным нежеланием подчиниться или жить в мире с Россией»⁹⁹. По свидетельству русского офицера, благодаря воинскому упорству шапсуги пользовались «славой непобедимых». Считалось также, что если бы России удалось подчинить себе шапсугов, то «прочие» черкесские племена «последовали бы их примеру».

В менее удобных, чем шапсуги, природных условиях жили натухайцы. «Их долины окружены скалами и покрыты редким лесом», – писал И. Бларамберг. Они занимались скотоводством, но «беспрерывные войны», которые они вели, «и их склонность к разбою» оставляли «им мало времени для того, чтобы заниматься хозяйством»¹⁰⁰. Что касается абадзехов, то, по мнению И. Бларамберга, ранее они занимали «снежные горы Западного Кавказа»; «с течением времени абадзехи» «спустились до сланцевых и черных гор и усилились за счет захвата людей, которых они обращали в своих пахарей»¹⁰¹. Русский офицер отмечал и другое – большое число беженцев, поселившихся среди абадзехов. Судя по его наблюдениям, племя абадзехов находилось на последней стадии военно-демократической организации общества. Здесь явно обозначилась старшинская знать, пользовавшаяся принудительным трудом пленных рабов. И. Бларамберг представителей этой знати

называет «дворянами». По его описанию, у каждого из них «свой собственный участок земли, небольшой лесок и выгоны скота... каждый житель носит имя своего хозяина»¹⁰². Однако не все абадзехи находились на одном и том же стадийном уровне развития. По оценке И. Бларамберга, тубинцы, одно из абадзехских племен, селившееся в наиболее «высокогорных и труднодоступных» местах, не имели над собой знатных, но «охотное подчинялись» «хорошему всаднику» или «хорошему воину»¹⁰³.

Называя горных закубанцев общим именем «черкесы», Бларамберг описал одежду и вооружение шапсугов, абадзехов и натухайцев. По его наблюдениям, «никогда черкес не выходил без оружия. К ношению воинских доспехов была приспособлена одежда. Она состояла из «легкой» и «высококачественной ткани», «обычно дорогой». Сверх рубашки надевался шелковый жилет с вышивкой, а на него – сюртук, короткий, плотно облегающий тело, с карманами для патронов. Оружие являлось своеобразным продолжением одежды: оно состояло из кинжала, шашки, пистолета, ружья, лука и колчана со стрелами, кольчуги, шлема, латных рукавиц и налокотницы¹⁰⁴. Во время похода черкесы «под кольчугу» надевали специальный жилет из ваты, благодаря «эластичности» которого пули отскакивали от корпуса воина. Офицер подчеркивал: «Можно было бы подумать, увидев воина, столь перегруженного оружием, что его движения должны быть стесненными и неуклюжими, однако черкес на коне со всем этим оружием являет собой пример подвижности, ловкости и прекрасных качеств всадника»¹⁰⁵. Главную ценность у черкеса составляло его оружие. Оно передавалось «по наследству от отца к сыну»¹⁰⁶. Одежда и оружие «черкеса», несомненно, отражали «состояние» общества, в котором война как ремесло занимала важнейшее место.

По оценке Т. Лапинского, пожалуй более верной, чем у предыдущих авторов, горные черкесы управляются старшинами» и «вся страна» черкесов представляет собой «федерацию маленьких республик»¹⁰⁷. Лапинский считал «абазов» более «цивилизованным» народом, «чем крестьяне многих европейских стран». Рассматривая подробно внутреннюю организацию общественной жизни, он указывает на «уоркские фамилии», «некогда» господствовавшие среди «абазов», но со временем настолько потерявшие социальный вес, что «на многих своих народных собраниях серьезно обсуждали, не будет ли лучше уничтожить всю эту чужую касту или прогнать к русским»¹⁰⁸. Подобное отношение к бывшей

«княжеской знати», очевидно, обусловило политическую ориентированность «уорков» на Россию¹⁰⁹. Лапинский также подчеркивал, что «каждый черкес является тфохотлем (тфокотлем. – М.Б.), свободным, принадлежащим племени»¹¹⁰. Интересно другое наблюдение: «пши и уорки», т.е. представители «феодальной знати», «когда их принимают в племя, также становятся» тфокотлями¹¹¹. Это важное свидетельство, поскольку подтверждает «социальную перспективность» в черкесском обществе старшинской знати, состоявшей из тфокотлей. Привлекает внимание характеристика социального положения «пшитли» – зависимой категории людей, которых Лапинский называет «рабами»; однако он поясняет, что положение их не связано со значением, которое придается слову «раб». В Черкесии пшитли – «это, – по мнению Т. Лапинского, – потомки военнопленных, женщины и дети, похищенные в Южной России, в Черномории, Грузии и при различных раздорах между племенами»¹¹². Такой «раб» (пшитли) работал не больше, «а часто меньше своего господина». «Он вооружен, и его движимое имущество» составляет его личную собственность. Пшитли имеют «собственное жилище», землю и скот. Владелец не имеет права обращаться с ними по собственному произволу: «раб» мог подать на своего владельца при его жестоком отношении к нему в суд. Решением последнего он мог получить право «выбрать себе нового хозяина»¹¹³. Как видно, пшитли, которых Лапинский настойчиво называет «рабами», являлись основной массой, призванной стать крестьянством. Наибольшее число «рабов», от 80 до 100 человек обоего пола, было у «пши» и «уорков» – бывших «князей». Ими обладали также тфокотли – старшинская знать имевшая все перспективы занять место уорков. Переходное состояние от военнотемократического общества к феодальному особенно заметно сказывалось на положении «рабов», представлявших собой категорию полусвободного крестьянства.

В жизни горных черкесов важное значение имела работорговля. Эту тему Т. Лапинский раскрывает довольно полно. Не только родители, относившиеся к пшитли, но и их дети являлись собственностью своего хозяина. Тем не менее «ни один ребенок раба» не мог быть продан «без согласия своих родителей»¹¹⁴. При продаже ребенка («раба») «пятая часть платы» за него поступала «семье проданного». Основной рынок горцев, куда сбывались рабы, являлась собой Порта, где «работорговцы-турки» имели своих «компаньонов». «Наибольший спрос», по свидетельству Лапинского, имели

дети «от 6 до 12 лет и молодые люди, способные к военной службе»; последние покупались турками «для сдачи вместо себя в армию»¹¹⁵. Пожилые люди продавались крайне редко. Общественное сознание относилось к работорговле как к «естественному» явлению, не подвергая ее какому-либо осуждению. По Т. Лапинскому, «многие» горные черкесы, «как благородные, так и свободные», привозили «собственных детей» и «продавали» «их в рабство»¹¹⁶. По мнению польского офицера, это подвергалось порицанию. Вместе с тем он подчеркивал, что «часто» «свободные» брат и сестра «входят в соглашение и последняя продается; это дает возможность брату увеличить свое хозяйство, богато украсить свое оружие, обеспечить себя запасом пороха или купить себе жену»¹¹⁷.

Турки предпочитали брать в жены «черкешенок». Многие из них покупались в качестве «девочек-рабынь» или же для пополнения гаремов богатых людей. Наибольшее количество рабов в Турцию поставляли убыхи, имевшие на этой почве тесные торговые отношения с турецкими работорговцами. Масштабы торговли рабами были немалые. По сведениям Лапинского, в середине XIX в. «на Востоке» «рабов-абазов», т.е. черкесов, проданных в Турцию и другие ближневосточные страны, насчитывалось «приблизительно 50 тыс. человек обоего пола»¹¹⁸. Горные черкесы, как правило, не возвращали пленных русских солдат, те использовались на домашних работах или же продавались туркам; цена солдата составляла 25-30 руб.¹¹⁹ Ставшие товаром и проданные в Турцию «абазы» не чувствовали себя «несчастливыми». По Лапинскому, «мысль попасть в Стамбул – золотой город» «преследовала молодых девушек с детских лет»¹²⁰. Этот факт не оставляет сомнения, что работорговля среди горных адыгов получила общественное признание.

Т. Лапинский уделяет немало внимания другому занятию закубанцев – набегам. По его свидетельству, русские крепости «беспрерывно» окружались «группами абреков». «Страсть к добыче, – писал он, – и желание взять пленных, которых потом можно выгодно продать, кровная месть... а также любовь к приключениям и рыцарским подвигам» объединяет большие и малые группы «добровольцев», отправлявшихся в набег¹²¹. Т. Лапинский указывал также, что среди горных адыгов имелось «много бродяг, которые не любят работать и получают главную наживу» в вооруженных набегах¹²². Совершавшие набеги – а в них участвовало все взрослое мужское население, способное носить оружие, – являлись «докучливыми» врагами русских. Однако Т. Лапинский не признавал за

ними «патриотизма»¹²³. Участники набегов «образуют свое общество», «имеют свои сборные места и своих предводителей». «Они лежат часто днями в засаде, перенося с удивительным терпением и выносливостью голод, холод и скуку. В лесу, сидя на деревьях, скрытые густой листвой, в камышах, стоя часто часами по горло в воде», «черкесы» «бросаются как коршуны, как только показывается вблизи слабый транспорт»¹²⁴.

В практике черкесских набегов большей частью предпринимались нападения небольшими отрядами. По мнению Т. Лапинского, объяснялось это двумя причинами. «Набеги больших конных отрядов сделали бы скоро Черноморское побережье необитаемым»¹²⁵, т.е. к русским районам, объектам нападения, горные адыги относились «бережливо», как к своеобразной «ниве». Второй причиной, по которой они избегали совершать набеги крупными силами, было стремление сохранить тайну похода; по свидетельству Т. Лапинского, «как только соберется большая группа воинов, то всегда находятся изменники, которые за хорошие деньги извещают врага, и только чрезвычайно редко удается большой набег»¹²⁶. Набеги предпринимались чаще под «лозунгом» войны с русскими, окружавшими горных черкесов цепью крепостей и укреплении со стороны севера и побережья Черного моря.

Однако именно военная добыча, а не идеи борьбы за независимость являлась главной и самодостаточной целью набегов. Одновременно с набегами на русские районы (Кавказскую линию) черкесы совершали походы в Грузию и Мингрелию¹²⁷, не покушавшиеся на их «свободу». По свидетельству Т. Лапинского, убыхи предпринимали «также часто набеги против своих соседей и соплеменников – южных абазов – под предлогом наказать их за дружбу с русскими, но в основном чтобы захватить добычу»¹²⁸.

Сведения Лапинского подтверждали и русский офицер К. Ф. Сталь. По его свидетельству, у убыхов существовал «особый род хищников, называемых унару (доморазрушители)». Партия унару в 5 или 6 человек ночью врывается в аул, бревном выбивает двери сакли, режет сонных жителей, забирает в плен, грабит имущество, и, пока остальные соседи проснутся, уже унару исчезают с пленом и добычей¹²⁹.

Заслуживает внимания «тактика», которой придерживалось российское командование в войне с горцами. Т. Лапинский отмечает, что «большие экспедиции в глубь» горной Черкесии, предпринимавшиеся вначале (после Адрианопольского договора),

«не приносили» русским «ни малейшей пользы и стоили многих жертв»¹³⁰. Причиной тому были особенности физической географии страны, в которой жили черкесы. «Местность... повсюду заросла густым лесом без тропинок и дорог, и чем дальше проникаешь в страну, тем затруднительнее становятся способы сообщения»¹³¹. Сказывалась также необычность расселения закубанцев. В Дагестане, где поселения концентрировали по сто и более дворов, карательные экспедиции командования достигали цели. В горной Черкесии, как правило, одно «село» было «разбросано» «на двух – четырех квадратных милях»; «пока найдешь раскиданные по лесу дворы и когда, наконец, пойдешь к одному из них, то он уже необитаем и пуст, хлеб зарыт где-нибудь вблизи, жители в безопасности в горах и лесах». Приходилось «всегда терять несколько солдат для того, чтобы сжечь с дюжину мазанок, которые адыг построит в несколько дней»¹³².

Отказавшись от обычных карательных экспедиций в глубь горной Черкесии, российское командование избрало тактику постепенного «блокадного» давления на горцев. Лапинский писал о строительстве «временных» укреплений, к которым приступали обычно весной; вокруг него возводили рвы и валы, вырубались и сжигались леса и рощи, строились дороги, соединявшие укрепление с другими крепостями. В нем размещался гарнизон – «восемь – десять тысяч человек»¹³³. Когда все было готово и наступала осень, а лес освобождался от листьев, гарнизон укрепления предпринимал «набег», чтобы очистить район крепости от живущих в нем адыгов. При этом сжигались «ближайшие дворы и жатвы». Выполнив эту «операцию», в конце ноября гарнизон обычно оставлял укрепление и возвращался к месту постоянной дислокации¹³⁴. Об этой тактике хорошо знали горцы, в свою очередь готовившиеся к обороне. Тактика «осенней» войны обещала быть затяжной. Ни одна из сторон не могла предвидеть ее конца. Военные операции, предпринимавшиеся осенью, тяжело отражались на общинниках, терявших свой урожай. Старшинская знать с лихвой могла компенсировать свои потери за счет зимних походов, предпринимавшихся как в русские районы, так и в другие соседние земли. Что касается российской стороны, то здесь все тяготы ложились главным образом на солдат, «месяцами ни днем ни ночью» не снимавших патронташа; зато офицеры, не подвергавшиеся контролю, «за счет содержания солдат» приобретали «целые состояния»¹³⁵.

Русский кордон

Горцев Северо-Западного Кавказа в отношениях с остальным миром принято рассматривать как «объект» агрессии и «жертву». На самом деле горские общества, в образе жизни которых войны и насилие занимали приоритетное место, совершали набеги, а порой крупные военные походы далеко не во имя безобидного «романтического наездничества». Беспрецедентная воинственность и системность в вооруженной экспансии довольствовались не одной военной добычей. Они оказывали свое собственное влияние на расстановку военно-политических сил на Северо-Западном Кавказе, на весь уклад жизни народов, населявших равнинную территорию Причерноморья и Прикубанья.

После присоединения Крымского ханства и завоевания Россией прикубанской равнины на «северных землях», примыкавших к «горным черкесам», сложился российский Кордон – анклав, адекватный вооруженному натиску со стороны горских племен. «Схему» его воспроизвел Т. Лапинский, занимавшийся его исследованием. По описанию Лапинского, черноморская Кордонная линия (Правый фланг и Черноморская береговая линия) состояла из линейных казаков и так называемых черноморских. В этническом отношении первые включали в себя не только русских переселенцев, давно здесь осевших, но и представителей многих других народов Кавказа, в том числе горских адыгов. Так называемые черноморские казаки расселялись «вдоль реки Кубани», где ранее жили ногайцы. Еще в 1792 г., после раздела Речи Посполитой, согласно указу Екатерины II часть населения Запорожской Сечи (около 300 тыс. человек) была переселена на Кубань. Здесь она составила «передовую линию» на пути набегов горцев. «Во всей стране», т.е. на всей территории Прикубанья, была «целая сеть бесчисленных маленьких и больших военных укреплений»¹³⁶. В них размещались воинские отряды от 50 до 2 тыс. казаков, имевших на вооружении пушки. Две казачьи линии, «хорошо вооруженные» и еще лучше «организованные», по оценке Т. Лапинского, предназначались для защиты от «неприятельских набегов» горцев.

Эту мысль подтверждает также С. Эсадзе, считавший российский Кордон «ограждением» «пределов России от нападений воинственных племен, занимавших северные скаты Главного Кав-

казского хребта»¹³⁷. Четких границ российского Кордона, а также границ территориального расселения у горских адыгов не было, однако каждая сторона хорошо знала зону, «подвластную» ей, и нарушение «границы» в любой его форме встречало вооруженное противостояние.

Несмотря на «закрытость» как Кордона, так и страны горских адыгов, не стоит представлять себе картину взаимоотношения сторон как фатально враждебную, не оставлявшую места для общечеловеческих норм поведения. Советский историк М. В. Покровский приводил немало данных, свидетельствовавших об оживленных торговых отношениях между горцами и Кордоном¹³⁸. В торговле особенно нуждались казаки, оторванные от российских рынков. Несомненно, торговые отношения во многом зависели от сложившегося военного противостояния. Например, торговые сделки могли происходить на приграничной зоне или же на территории Кордона, но не в пределах расселения горных адыгов, старавшихся свои одиночные дома строить с учетом естественного ландшафта, обычно в лесу.

Отношение черкесов к Адрианопольскому договору 1829 года

Русско-турецкая война (1828-1829) завершала присоединение к России всего Закавказья и тем самым подводила крупные военно-политические итоги на Кавказе. Овладение – согласно Адрианопольскому договору – Кавказским побережьем Черного моря от устья Кубани и до северных границ Аджарии являлось логическим требованием русской дипломатии: без этой территории закавказские приобретения России могли бы стать больше символическими, нежели реально практическими. К тому же не только оружием, но и «дипломатией разгромленная» Османская империя не очень дорожила Западным Кавказом, где ее присутствие было или слабым, или же условным.

Однако было очевидно: Адрианопольский мир и его практическая реализация вовлекали Россию в продолжительную войну. Договор, отводивший России горные территории, лежавшие между Кубанью и берегом Черного моря, не был признан адыгскими «вольными» обществами. «Мы и наши предки, – заявляли они, – были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому дру-

гому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить»¹³⁹.

Позже, когда российские войска попытались силой овладеть горными районами Северо-Западного Кавказа, генерал Н. Н. Раевский «сказал однажды шапсугским старшинам, приехавшим спросить его, по какому праву идет он на них войной»: «Султан отдал вас» в подарок, «подарил вас русскому царю». В ответ на это шапсуг заметил: «А! Теперь понимаю...». И показал ему птичку, сидевшую на ближнем дереве: «Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!»¹⁴⁰

После заключения Адрианопольского мира российское командование на Правом фланге некоторое время держало «паузу». Оно не вступало в военные конфликты с горцами и занималось освоением береговой линии: здесь возводились крепости, формировались военные гарнизоны и создавался своеобразный плацдарм для будущих военных действий против горцев. Опасность для себя новой военной линии, возводившейся российским командованием, черкесы хорошо понимали. Она раздражала их также тем, что разрывала оживленную береговую торговлю, которую горцы вели с турецкими судами. Действия командования на Северо-Западном Кавказе, однако, не носили форсированного характера, как нередко это отмечается. Основные воинские силы были отвлечены Кавказской войной на Северо-Восточном Кавказе, где высокую активность проявлял Кази-мулла. Этим пользовались горцы-адыги, совершавшие набеги на Кубань и прибрежные укрепления. Они сравнительно легко преодолевали также «морскую блокаду», призванную помешать торговле между горцами и турецкими купцами: крупные российские корабли из-за мелководья не могли достичь причаливших к берегу небольших турецких судов¹⁴¹.

Планы России в Черкесии

Российское правительство имело собственную, заранее разработанную концепцию организации власти у «черкесов» и конкретную схему административного управления¹⁴². Власти намечали на базе исторически сложившихся племенных образований и с учетом их границ, а также «местных удобств», «единоплеменности» и «старинных дружеских связей» образовать «округа». При этом не допускалось, чтобы при образовании округа усиливались те

из племен, кто был известен «духом непокорности и хищничеством»¹⁴³. Во главе округа предполагалось иметь председателя, назначаемого императором, и «шесть заседателей», избираемых народом сроком на три года. Председатель и заседатели вместе составляли бы Совет, призванный решать вопросы управления округом. Каждый округ должен был наметить административный центр, «выгодный» для управленческой деятельности. Одновременно с округами в Ставрополе создавалась Кавказская комиссия как главное областное управление, которому подчинялись окружные советы¹⁴⁴.

Более важным, чем собственно конструкция власти, являлось видение функции этой власти. Считалось, что советы округов, прежде всего, обязаны были заниматься урегулированием межплеменных («межокружных») отношений, не допуская между ними «распрей», рассматривать дела, касавшиеся «до измены» правительству России, а также «нападений», «грабежей» и «убийств», производимых в «русских пределах». Что касается «до внутренней» жизни черкесов, то российское правительство не намеревалось вмешиваться в нее, оставляя местное управление, основанное на обычном праве, на усмотрение горцев. Оговаривалось, однако, и недопущение применения «обычаев феодализма», «имеющего на Кавказе все оттенки самоуправства средних веков Европы»¹⁴⁵.

Российское правительство также считалось с «закрытостью» обществ адыгских горцев и запрещало «русским подданным» «ходить» без специальных пропусков «за Кубань». В свою очередь без таких же пропусков горцам не разрешалось переходить пограничную линию¹⁴⁶. В планы правительства входило приведение горцев к присяге «на верность подданства России», дабы «жить с русскими, как с братьями, в мире и дружбе»¹⁴⁷. Особое значение придавалось торговле, развитие которой поощрялось отменой всяких пошлин. В Ставрополе предусматривалась организация ярмарок, а Анапе отводилась роль торгового центра для горских обществ. В планах российского правительства рассматривались также вопросы, связанные с созданием аптек, обеспечением лекарствами и введением начал просвещения: горские племена – абадзехи, шапсуги, натухайцы и убыхи – не имели письменности, среди этих племен не было грамотных людей¹⁴⁸.

Активность Турции в Черкесии

Адрианопольский мирный договор кардинально менял положение на Западном Кавказе. Однако реализация его разворачивалась «по-русски» – медленно и неповоротливо. Как и накануне русско-турецкой войны, турецкая сторона все еще продолжала иметь превосходство по части политической активности среди черкесов. В 1830 г. надворный советник Д. Ф. Кодинец доносил российскому командованию о том, что «турки все еще сохраняют сильное влияние на горцев и не упускают никаких случаев к употреблению оного в свою пользу»¹⁴⁹. По его мнению, «постоянное» пребывание среди горных «черкесов» турецкого паши Сеид-Ахмеда – одна из «существенных причин удаления» местных племен от связей с российскими властями.

Паша Сеид-Ахмед в самом деле вел себя в Закубанье как представитель турецкого правительства, убеждал горцев, что Порта уступила Анапу «временно» и «что вскорости турки» вновь «водворят» свое «владычество» на Западном Кавказе¹⁵⁰. Подобные заявления воспринимались с доверием, поскольку горные черкесы сами могли видеть высокую активность турецкой стороны в Закубанье. Еще ранней весной 1830 г., когда на Черном море началась навигация, к пристаням Черкесии стали приплывать турецкие суда. «Беспрестанность» этих судов вызывалась не только торговлей, но и более серьезными намерениями: в 1830 г. здесь, в порту Суджук-Кале, были открыты турецкие магазины, «несколько кофейных домов» и мечеть¹⁵¹. Только в середине июня 1830 г. на черкесском берегу Черного моря в дрейфе лежали 10 турецких судов. Российский бриг «Меркурий» принудил их сняться с якоря, но через некоторое время сюда, в Суджук-Кале, приплыли еще шесть судов¹⁵². Когда же турецкие суда были «высланы» из порта, то, как доносил надворный советник Д. Ф. Кодинец, паша Сеид-Ахмед собравшихся «депутатов натухайского и шапсугского племен пригласил к себе в приморское местечко Джубгу и отправил их в числе десяти человек на особом судне в Константинополь»¹⁵³.

Исламское духовенство, несмотря на свою малочисленность, под руководством Сеид-Ахмеда вело энергичную антироссийскую деятельность.

Что касается торговли, то Порта, придерживаясь низких цен на товары, фактически подорвала торговые отношения России

на Западном Кавказе¹⁵⁴. Торговое преимущество, достигнутое на черкесском берегу Черного моря, широко использовалось Турцией в политических целях. Так, в 1830 г. турки, прибывшие на судне с солью и «другими товарами для черкесов», занялись распространением среди местного населения слухов, «будто бы турецкий посланник» вел в России «переговоры», в результате которых якобы была достигнута договоренность о «возвращении» Россией «султанской Порте» «крепостей, занятых русскими в последнюю войну», «в том числе и крепости Анапы»¹⁵⁵. К этому добавлялось, что «горские народы должны поступить под непосредственное покровительство султана», будто намеревавшегося восстановить крепость Суджук-Кале¹⁵⁶. В 1830 г. от распространения «слухов» и торговой активности на Западном Кавказе Турция перешла к подготовке горских племен к войне с Россией. В декабре этого года генерал Г. А. Эмануэль доносил командующему И. Ф. Паскевичу о шести турецких судах, причаливших в порт Суджук-Кале, в которых во время «обыска» обнаружили «железо, сталь, оружие, порох, свинец и серу в кусках»¹⁵⁷.

По свидетельству Т. Лапинского, в конце 1830 г. Турция доставила горным адыгам «обещанную артиллерию» с «боевыми припасами»; поставки состояли из «15 орудий и приблизительно 300 бочек пороху». «Порох жители разделили между собой, орудия были переданы некоторым уважаемым фамилиям»¹⁵⁸. Лапинский также сообщал, что «четверо турецких артиллерийских унтер-офицеров были отправлены» на Северо-Западный Кавказ, «чтобы научить горские народы обращению с пушками»¹⁵⁹.

Становилось ясным, что Османская империя не только не примирилась с поражением, но и решительно собирается отменить статьи Адрианопольского договора, касавшиеся Западного Кавказа. Поставки оружия и материалов, необходимых для ведения войны, турецкие суда доставляли горцам и ранее, начиная с лета 1330 г. Еще в августе 1830 г. в том же Суджук-Кале на пяти судах наряду с обычными товарами обнаружили «порох, свинец, кинжалы и в значительном количестве серу»¹⁶⁰.

Предложение черкесам о переселении в Турцию

Российское командование на Кавказе было обеспокоено «упадком торговли» на Северо-Западном Кавказе, «смутами и беспорядками», «производимыми» черкесами «под влиянием турок»¹⁶¹. По оценке российских военных, турецкие «эmissары» вели себя в Закубанье, как «разбойники», «державшие возмущать спокойствие народов, подвластных России»¹⁶². В свою очередь российское командование вовлекалось в борьбу не только с контрабандным турецким судоходством и деятельностью эmissаров, но и с набеговой активностью горцев. Командование, занятое войной на Северо-Восточном Кавказе, прилагало усилия, чтобы сохранить спокойную обстановку на Северо-Западном Кавказе. И. Ф. Паскевич направил письмо взятому в плен Сафар-бею, в нем он просил бывшего пашу принять участие в разъяснении статей Адрианопольского мира и сделать все возможное, чтобы «избавить многочисленные семейства адыге и абадзэ от губительной войны»¹⁶³. Командующий предупреждал Сафар-бея, что если он будет «продолжать распространять» среди горцев «слухи», враждебные России, то «заслужит» «преследования» со стороны российского командования. Одновременно Паскевич распорядился возводить на «черкесском берегу» Черного моря укрепления и допускать турецкие суда только в те гавани, где был налажен таможенный контроль. Он также поручил генералу Г. А. Эмануэлю приступить к установлению приставской администрации у закубанских народов, дабы «воспрепятствовать» «хищничествам и разбоям» горских племен, а также оказывать на них свое «влияние»¹⁶⁴. Предполагалось назначить к горным адыгам «одного главного пристава» и «двух частных приставов», обязанных разместиться «на постоянное жительство» среди горцев.

Понятно, что введение приставской администрации в «закрытых» и враждебно к России настроенных обществах требовало от командования превентивных военных мер. Осенью 1830 г. российская экспедиция была направлена к шапсугам и встретила вооруженное сопротивление. Появление российских войск там, где «враг» никогда не был, и преодоление русским отрядом «непроходимых мест» навели «ужас» на шапсугов¹⁶⁵. Последние обратились к натухайцам с просьбой о проведении народного собрания с обсуждением мер «сопротивления против русских»¹⁶⁶. На собра-

нии, проходившем на реке Адагум, участвовал также Сафар-бей. Он «со всею откровенностью» «перед целым народом» объяснял, что «турецкое правительство навсегда отказалось от черкесов» и что им надо или надеяться на свое «мужество», или же «добровольно покориться России»¹⁶⁷. Сафар-бей напоминал черкесам о «могуществе России» и, «чтобы избавить наши семейства от несчастий», предлагал «вступить в переговоры с русскими». Он ссылаясь на прокламацию российского командования, обращенную к горцам, «в которой» «изъяснялись» последствия их сопротивления. На собрании также выступили «шапсугские депутаты, возвратившиеся из Константинополя»; они подтвердили «народу, что турецкое правительство от них отказывается»¹⁶⁸. Они же сообщили, что турецкое правительство в виде «помощи» горцам объявляет срок «для желающих переселиться в Турцию» «до 1 марта 1831 г.»¹⁶⁹.

Как видно, идея о переселении горных адыгов в Турцию высказывалась черкесской делегацией во время ее пребывания в Константинополе еще летом 1830 г. На собрании на реке Адагум его участники склонялись к переговорам с Россией. Но, узнав об отводе российских войск из Шапсугии, «хитрые муллы» воспользовались этим и стали распространять слух о том, «что против России восстала целая Европа»¹⁷⁰. Шапсуги просили натухайцев воспользоваться этим и объединиться в «войне с русскими». «Благоразумнейшие из натухайцев отказали им» в союзе, полагая, что «слухи о всеобщем восстании против России неверны»; натухайцы сослались также и на другое — «русские нас не трогают, следовательно, и мы должны платить им тем же». Шапсуги, пострадавшие от карательных мер российских войск и движимые чувством мести, обратились также к абадзехам с предложением о совместном нападении на российскую границу. Но и те не поддерживали своих соседей, заявив о своем намерении принять подданство России. Если же такое подданство они не примут, то даже в этом случае, отвечали абадзехи, будут «удерживать народ от всеобщего нерасположения к России»¹⁷¹. Абадзехи, однако, были не так категоричны, как натухайцы, и допускали, что и им придется вести войну с Россией. Тем не менее влиятельный темиргоевский старшина Джембулат, известный как «враг» России, решил принять присягу на подданство ей. Абадзехи «употребляли» «все меры», чтобы удержать его от такого «намерения». Джембулат же отвечал: «Советую и вам последовать моему примеру»¹⁷².

Завершенность черкесского мироздания

Адыгский мир, за века сложившийся на Большом Кавказе, отличался необычайной завершенностью. В нем для горцев, казалось, не было недостатков. Своей «простотой» и «доступностью» он не требовал лишних объяснений. Этот мир был столь же основательным, сколь и хрупким. Он отвергал «чужое» и признавал только «свое», потому что любое насильственное в него вмешательство разрушало всю его «рядовую систему». В этом адыгский мир напоминал горный ландшафт, где камень, сорвавшийся с вершины горы, способен вызвать лавину камнепада...

Темиргоевский старшина Джембулат принял твердое решение стать подданным России. Однако представление о «подданстве» у него было свое собственное – оно не должно было менять его образа жизни, лишать свободы. Джембулат – рыцарь по духу – готов был принять присягу верности России, но в словесной (устной) форме. Когда же ему предложили «присяжной лист», чтобы скрепить его присягу в виде «письменного акта», он решительно отказался от присяги, считая, что его желают лишить свободы и «обратить в казаки»¹⁷³. Пришлось долго объяснять, что «присяжной лист» не меняет его обычаев, религиозных верований, права и собственности, не лишает его свободы, а лишь «закрепляет» слово о верности, данное России. Джембулату потребовалось еще время, чтобы принять решение. Согласившись на присягу, он подчеркнул, что его сомнения были вызваны «ответственностью», которую он брал на себя, и нежеланием стать «клятвопреступником»¹⁷⁴.

Вместе с Джембулатом присягу верности приняли также темиргоевцы. Еще более сложно вторжение российских военных в военном-демократический мир горских адыгов выглядело у шапсугов.

Здесь стоит более подробно остановиться на остром конфликте, который был вызван «вторжением» русского офицера Г. В. Новицкого к шапсугам. Имея задание от командования «исследовать» горских «черкес», Новицкий появился в среде шапсугов в качестве путешественника. Он заранее осведомился о наиболее влиятельных среди шапсугов людях. Ему называли двух братьев – Бесленея и Убыха Аббатовых. Последние славились наездничеством, удачливостью в набегах, их считали «грозою Кубанской линии»¹⁷⁵. Головы братьев оценивались русским начальс-

твом высоко. Г. В. Новицкий просил устроить ему встречу с ними. Через несколько дней ему сообщили, что братья Бесленей и Убых будут ждать его «в двух верстах от Анапы», но чтобы он приехал к ним без конвоя. Русского офицера, немало рисковавшего своей жизнью, привлекала популярность братьев: Бесленей являл собой не только храброго в набегах военачальника, он обладал еще «необычайным даром слова» и «был способен увлекать за собой народ». Братья встретили русского офицера, явившегося к ним лишь с переводчиком, с отрядом воинов. Завидев его, одетого в штатское, Бесленей произнес: «...не рискуя, получим за него хороший выкуп». Услышав это, Г. В. Новицкий соскочил с коня, и смело подойдя к Бесленею, подал ему руку, объяснив: «Я свободный путешественник, без роду и племени и ничего не имею для выкупа... Я только хотел познакомиться с храбрыми черкесами и видеть их лучших, прославленных вождей». Оценив проявленное мужество, Бесленей пригласил Новицкого сесть. После долгой беседы черкесский военачальник, которого окружал его отряд из 500 всадников, протянул руку «путешественнику» и сказал: «Благодарю тебя за доверие; ты поверил моему слову и приехал один; такой поступок мы ценим высоко»¹⁷⁶.

Через некоторое время Бесленей и Новицкий встретились вновь. «Ты непонятный для меня человек, но... внимательный и добрый. Обычай гостеприимства, – продолжал Бесленей, – мы ценим свято, и, соблюдая его, я спрашиваю: чем могу служить тебе лично?» Воспользовавшись расположением, Новицкий ответил: «Я в восторге от твоих рассказов об адыге и абадзе; доставь мне удовольствие видеть их патриархальный быт, посетив их жилища, познакомиться с их обычаями». Бесленей догадался, что имеет дело с русским офицером, но не стал отказываться от предложенного гостеприимства: «Я дал слово и сдержу его... но знаешь ли ты, во что обойдется мне твое путешествие? Самое меньшее – жизнь; да притом, Боже сохрани, если нас узнают, тебя живого разорвут на куски...»

Бесленей дал Новицкому в качестве проводника своего брата, а сам незаметно следил, чтобы в случае опасности вовремя прийти на помощь. Русский офицер под охраной братьев выполнил свою задачу и благополучно вернулся к месту службы. Вскоре слух о «проезде русского офицера» «через земли закубанских народов» «облетел все горы» и стало известно участие в этом братьев Аббатовых. «Толпы горцев устремились к их жилищу», обвиняя

Бесленея и Убыха в «преступлении» против шапсугского племени; народ требовал от них явиться «к духовному суду». Переговоры велись несколько дней; не зная другого выхода, братья, последовав совету друзей, ночью покинули свои семейства. Однако гнев шапсугов обрушился на их семейства, толпа разграбила имущество братьев, захватила их семьи в плен, жены подверглись насилию¹⁷⁷. От сына Бесленея – Шагин-Гирея, находившегося у натухайцев, потребовали, чтобы он отказался от своего отца и дяди, объявил их своими врагами¹⁷⁸. По совету отца Шагин-Гирей выполнил волю народа. На собрании шапсугов было принято решение разрешить вернуться братьям Аббатовым на их местожительство, если они заплатят штраф за «оскорбление» и объявят себя врагами России¹⁷⁹.

Позже, после череды испытаний, Бесленею удалось избавить свою семью от опасности, которая ей теперь грозила, – он покинул Шапсугию, думая о «соединении своей родины с Россией». Бесленей был представлен императору Николаю I и «обласкан им»¹⁸⁰.

История Бесленея и Убыха – хрестоматийная, она раскрывает нам сложную и строгую по своей устойчивости идеологию военного общества, не допускавшего отступления от установившихся канонов. Малейшие попытки разрушить устои этого общества или же приоткрыть его тайны «стороннему» подвергались жестокому наказанию.

По своей внутренней «конструкции», не отягощенной религиозностью, нацеленной на поступательность развития, она ближе к европейским формам перехода к феодальной структурированности общества. Во всяком случае в этой модели изначально нет ориентированности на «исламскую» форму преодоления эгалитарной стадии и повторение «аравийского» опыта перехода к «новому обществу», как это происходило на Северо-Восточном Кавказе. Военно-демократические общества «черкесов» не лишены внутренних противоречий, они особенно обостряются при их внешних контактах, когда «контакты» касаются «баз», являющихся объектами военных набегов.

Уверовав, что «Европа восстала» против России и российские войска покинули Северный Кавказ, шапсуги совершили нападение на Ивано-Шебшское укрепление. Присутствие здесь войск немало их удивило, и они были вынуждены отступить¹⁸¹. «Отказ» Турции от покровительства горным адыгам и вторжение российских войск к шапсугам раскололи последних на две партии. Это

было заметно, когда шапсуги направлялись набегом на Ивано-Шебшское укрепление. В нем участвовали в основном фокотли – наиболее «динамичное» «сословие», стремившееся к знатности, и не участвовали «уорки» – «первое поколение» шапсугской знати, потерпевшее еще в конце XVIII в. поражение от фокотлей¹⁸². Еще явственнее этот раскол проявил себя на совместном собрании шапсугов и нутхайцев на р. Адагуме. По свидетельству Сафар-бея, участника весеннего собрания 1831 г., «после уверения в истине, что турецкое правительство по Адрианопольскому миру отказалось» «покровительствовать» горцам-адыгам, среди шапсугов «образовались две партии: одна из них желала подчиниться покровительству России, а другая, напротив, сделаться независимыми»¹⁸³.

Сторонники «независимости» оказались в большинстве¹⁸⁴. Среди них решающая роль принадлежала фокотлям, составлявшим старшинскую знать. Еще более глубокими были межплеменные противоречия. При всей своей традиционности они особо обнажились в связи со «вторжением» России в адыгский «закрытый» мир. Встревоженные карательной экспедицией И. Ф. Паскевича, шапсуги требовали от абадзехов присоединения к ним для борьбы с Россией. Большинство абадзехов, как и шапсугов, придерживалось идеи независимости и отвергало пророссийскую ориентацию. Тем не менее абадзехи не пожелали объединиться с шапсугами для войны с Россией. «Мы нисколько не уклоняемся от вашего предложения, – отвечали абадзехи шапсугам, – вспомните, сколько мы терпели от вас; возвратите нам все вами ограбленное, тогда и мы соединенно будем действовать с вами»¹⁸⁵. Несмотря на столь явное расхождение, небольшая часть абадзехов все же присоединилась к шапсугам и готовилась к совместному нападению «на русских»¹⁸⁶.

Ответы Джембулата и Алхаза абадзехам

Политические претензии абадзехи имели к темиргоевцам, в частности к такой заметной фигуре, как Джембулат. С вооруженным отрядом в 300 человек абадзехи явились к Джембулату и «решительно требовали от него, чтобы он отстал от России»¹⁸⁷. Невыполнение требования грозило уничтожением «аулов» темиргоевского старшины. Джембулат был вынужден собрать своих родственников и, получив от них поддержку, ответил абадзехам: «Из всех вас, предлагающих мне отклониться от России, никто не был вернее меня турецкому правительству, когда земля черкесов составляла санджак султана; но теперь я и вы принадлежите российскому императору. Присягнувши раз России, буду верен ей, как был верен прежде Порте»¹⁸⁸. Перед отрядом абадзехов Джембулат подчеркнул: «Напрасно думаете вы, что нашли во мне человека робкого и готового повиноваться всякому; если надеетесь принудить меня к сему, то попробуйте на меня напасть»¹⁸⁹. Такие же требования, как к старшине Джембулату, абадзехи предъявили хамышейскому владельцу Алхазу. Из-за вооруженного нападения абадзехов он «со своими подвластными» «уклонился» в российский Кордон. После боя, в котором абадзехи имели «неудачу», состоялись переговоры. На требования «отклониться от России» Алхаз отвечал: «Я тогда с вами буду дружен, когда во время зимы на снегу будет расти зеленая трава»¹⁹⁰.

Как видно, среди западных черкесов, переживавших начальные формы социального расслоения, «вторжение» России углубило политический раскол. Заметно было, как «каста» военачальников, состоявшая в основном из фокотлей, в свое время не признававшая турецкое покровительство, отстаивает свои политические интересы, видя их теперь в защите независимости от России.

Черкесия – «Ключ к Персии и Индии»

Исходом русско-турецкой войны и условиями Адрианопольского договора была недовольна Англия. Упрочение российских позиций на Черном море и в самой Османской империи углубляло военно-дипломатическое соперничество Англии и России, успешно расширявших сферы своего влияния на международной арене. Сразу же после заключения мира между Россией и Турцией английская дипломатия обратила внимание на Северо-Западный Кавказ – «ахиллесову пяту» России на Кавказе. Порты уступила России то, что ей не принадлежало, и это давало достаточный формальный повод, чтобы активно участвовать в дальнейших событиях, связанных с разрешением черкесской проблемы. На первых порах английское вмешательство в дела «черкесов» ограничивалось «одними советами и внушениями» горцам¹⁹¹, оказавшимся в столице Турции: на этом этапе вопросами Северо-Западного Кавказа занималось английское посольство в Константинополе¹⁹². Среди этих «горцев», чьими усилиями действовали английские дипломаты в Черкесии, были Сафар-бей и «его товарищи». В отношении последних российское командование требовало «удаления» их в «европейскую Турцию», однако султанское правительство намеренно оттягивало высылку лиц, «пользовавшихся тайным покровительством английского посольства»¹⁹³.

Более открыто и остро российско-английские противоречия на Северо-Западном Кавказе стали проявлять себя после заключения между Россией и Турцией Ункяр-Искелесийского договора (1833) – соглашения о дружбе и оборонительном союзе: в ходе турецко-египетской войны (1831-1833) египетский паша Мухаммед-Али нанес серьезные удары по Порте, грозившие Турции распадом. Обращения турецкого султана к европейским державам, в том числе к Англии, о военной помощи не нашли поддержки. На них откликнулась Россия, желавшая усиления своих позиций в Турции. Заключение Ункяр-Искелесийского договора обострило разногласия между Россией и западноевропейскими государствами¹⁹⁴. В этом особенно преуспела английская дипломатия, спешившая осложнить положение России на Северо-Западном Кавказе и в Черном море. В Лондоне хорошо понимали, что Черкесия является барьером, разделявшим кавказские владения России и ослаблявшим ее позиции на границе с Турцией¹⁹⁵.

Уже летом 1834 г. к российским берегам Черного моря и к Анапе направилась яхта английского капитана королевской гвардии Лайонса (Лейсона)¹⁹⁶. Свободно двигаясь вдоль берега Черного моря, капитан вместе с переводчиком турецкого языка «съезжали на берег», «были в доме черкеса» Али-Шабадза, пригласившего из Цимеза «князя» Пшимафа на встречу с английским капитаном¹⁹⁷. Пшимаф прибыл к Али-Шабадза «с несколькими дворянами», «которым англичане привезли из Анатолии поклон от известного изменника Сафар-бея», обещавшего через месяц прибыть в Черкесию. Отсюда натухайские «дворяне» вместе с «англичанами» отправились в село Астыгай, расположенное «к стороне Анапы»; «там собиралось к ним до 150 натухайцев»¹⁹⁸.

Эти показания черкеса Киракоку-Гасан-Мамыра в августе 1834 г. были им же дополнены весьма важными подробностями, из которых обращает на себя внимание следующее: «англичане вручили дворянам», с коими они находились еще у Али-Шабадза, «какую-то бумагу (не письмо), которую мулла Хаджиок прочитал им, и они развеселились, но о чем писано, того другие черкесы не знают»¹⁹⁹. Киракоку-Гасан-Мамыр также поведал, что мулла Хаджиок «на оную бумагу» написал ответ и отдал «англичанам, которые после того ездили в аул Астыгай; их провожали дворяне из Цимеза: Басток-Пшимаф, Чириок-Согамыш, Шириохок, Шабадле и мулла Хаджиок»²⁰⁰. В этом сообщении «черкеса Киракоку-Гасан-Мамыра» наибольший интерес представляет «бумага», которую для горцев привез английский визитер Лайонс. Говоря о ней, черкес подчеркнул, что это – «не письмо!»

Лайонс привез от Сафар-бея также письма, и они стали известны не только черкесам, но и российскому командованию²⁰¹.

«Бумага» английского королевского капитана Лейсона, адресованная черкесам

«Бумага», которую читал мулла Хаджиок, представляла собой более важный документ, и этим, несомненно, объяснялось то, что о ней были осведомлены только «дворяне», скрывавшие ее «от других». В связи с секретной «бумагой», «развеселившей» муллу Хаджиока, стоит предположить, что английский капитан Лайонс привез черкесам текст документа, известного как Декларация независимости Черкесии²⁰². В этом предположении убеждаешься еще больше, знакомясь с содержанием Декларации. Англия, бурно реагировавшая на заключение между Россией и Турцией Ункяр-Искелесийского договора и требовавшая его отмены, решила нанести политико-дипломатический удар не только России, но и Турции, становившейся непослушной Лондону. Декларация независимости Черкесии направлена прежде всего против участников заключения Ункяр-Искелесийского договора и отражает английскую позицию в отношении Турции и восточного берега Черного моря. В Декларации подчеркнуты два ключевых положения: а) «жители Кавказа не являются подданными России и даже не состоят в мире с нею, но уже в течение многих лет втянуты в войну с нею»; б) «...за последнее время Порты неоднократно предавала их (черкесов. – М.Б.) и оставляла их без помощи»²⁰³.

На фоне этой развернутой критики в Декларации особо отмечается, что Россия – не единственное государство в мире, есть государства более великие, чем Россия, которые., будучи достаточно могущественными, настроены благожелательно; они просвещают невежественных; они защищают слабых, которые не дружат с Россией, но скорее враждуют с нею. Англия и Франция, утверждалось в Декларации, являются первыми нациями на земном шаре, они были великими и могущественными еще тогда, когда русские в маленьких лодках просили разрешения ловить рыбу в Азовском море²⁰⁴. Подвергая критике Россию и Турцию, Декларация подвергала осуждению «договоры», заключенные между этими странами, т.е. не только Адрианопольский договор, но и Ункяр-Искелесийский, к черкесам не имевший прямого отношения, но взволновавший Лондон.

Следует напомнить и о другом: Декларация независимости Черкесии составлена на достаточно высоком для 30-х гг. XIX в.

политическом уровне. Об этом свидетельствует хорошая осведомленность «авторов» в международных отношениях, в раскладе сил не только на Ближнем Востоке, но и в Европе. Трудно себе представить подобный уровень политической культуры у горцев, не имевших письменности. Вспомним: мулла рассказывал абадзехам, как русские «заставили» пророка покинуть Мекку и бежать в Медину, и его слушатели охотно верили ему... Ф. Ф. Торнау пришлось объяснять, где находится Россия и в какой «части света» расположена Мекка. Прав был И. Дроздов, отмечавший, что «географические познания» горцев «оканчивались границами аулов, где они жили, а политические – тем, что в Стамбуле живет султан, что он великий и могущественный падишах, что этот великий падишах сжалится, наконец, над кавказскими мусульманами и накажет русских за все зло, которое они сделали черкесам»²⁰⁵.

Похоже, что Декларация независимости Черкесии составлялась не горными адыгами (они не называли свою страну Черкесией), а английскими дипломатами в Константинополе, где частым гостем бывал Сафар-бей. Об этом же свидетельствует публикация Декларации в английской печати²⁰⁶ сразу же после возвращения капитана Лайонса в Константинополь. Декларация о независимости была рассчитана на политико-дипломатический эффект и рассматривалась как средство давления на Россию и Турцию.

Одновременно с Декларацией капитан Лайонс привез в Черкесию «Воззвание» к «абазинским жителям, эффендиям, гаджиям и черному народу», написанное Сафар-беем²⁰⁷. В нем главным призывом являлось: «С врагами же нашими не только быть в согласии и примиряться, но даже и смотреть на них не должно»²⁰⁸. Сафар-бей, обещая скорое прибытие, угрожал тем, кто «помирится» с «врагом», – для них «раскаяние» могло быть уже «бесполезно».

Подобные «Воззвания» были доставлены также к нутхайцам и шапсугам²⁰⁹. Последние «согласились» «собрать с каждой реки» «от 10 до 20 знатнейших людей» и «решать, как вести себя с русскими»²¹⁰. Состоявшееся «сборище» «обоих племен» у «реки Атакум» приняло решение из трех пунктов: 1) «всех жителей» привести «к присяге к непримиримой вражде к русским»; 2) «всех», «кои знакомы с русскими или бывали у них, общим советом рассмотреть таковую связь, и ежели окажется их система предосудительна, то уничтожить того разграблением или взять присягу с порукой, что русским впредь будет врагом»; за связи с русскими предусматривались также штрафы; 3) «...пригласить абадзех к

подобному собранию», и если они не согласятся «на совокупное действие противу русских, то общими силами... принудить к тому оружием»²¹¹.

Как видно, усилия английского посольства в Константинополе и Сафар-бея, направленные на ужесточение противостояния горцев-адыгов России, имели немалый успех. За обстановкой в Черкесии внимательно следили английские дипломаты и военные. Летом 1835 г., т.е. спустя ровно год, на берегах Черного моря вновь появился капитан Лайонс. На этот раз он был на «двухмачтовой яхте» «в сопровождении нескольких английских путешественников, в том числе и секретаря здешнего великобританского посольства»²¹². Российское командование, накануне получившее предписание императора «не допускать» иностранные суда «к осмотру местностей» побережья Черного моря и к сношению с горскими народами, было осторожно в «приеме» непрошенных гостей. Во второй свой приезд, как и в первый, капитан Лайонс доставил от Сафар-бея «много писем для горских главарей» и «взялся» вручить их, «плавая вдоль берега Черкесии»²¹³. В них «содержалось поощрение» горцев «в их упорстве к возмущению» против России.

В июне 1835 г. генерал Г. В. Розен доносил в Петербург о попытке крупного отряда горцев («около 3 тыс. человек») «овладеть Гаграми»²¹⁴.

Вторичное появление Лайонса на Кавказе обещало энергичную деятельность среди горцев различных английских визитеров. В этой же «Записке командованию» на Кавказе отмечалось, что вслед за Лайонсом сюда устремились «английские бродяги» в качестве «посланников и уполномоченных», раздававших горцам боеприпасы и обещания военной помощи Англии, Турции и Египта²¹⁵. Обещания «подкреплялись» «предъявлением в виде правительственных манифестов и воззваний», а также газетными статьями²¹⁶.

Шхуна «Виксен» – провокация Лондона в Черкесии

Подобная деятельность официального Лондона рассматривалась как подготовительная, за которой должна была последовать провокация европейского масштаба – отправка в Черкесию английской шхуны «Виксен». Нагруженная солью и припрятанным оружием шхуна прибыла к порту Суджук-Кале в середине ноября 1836 г.²¹⁷. Она была замечена еще раньше, когда проследовала вблизи Геленджика. Отправители «Виксена» – лорды Пальмерстон и Понсонби, а также судофраховщик Белл – намеренно определили маршрут и причал так, чтобы шхуна не осталась незамеченной. Цель этой провокации была достигнута – шхуну преследовал русский бриг «Аякс», настигший ее в глубине бухты Суджук-Кале, когда команда разгружала соль.²¹⁸ Командир русского военного брига «Аякс» потребовал осмотра шхуны. Англичанин ответил, что его король никогда не признавал блокаду «берегов Черкесии». Он заявил протест и свое намерение «подчиниться только силе»; имея задачу сыграть масштабную провокационную роль, англичанин ожидал от русского капитана таких действий, которые можно было бы истолковать как «насилие». Однако командир брига объявил, что «в случае сопротивления» шхуна будет потоплена, и отдал приказ к приготовлениям. Англичанин, а это был все тот же Белл, не ожидал такого оборота – он сдался, а судно было взято в качестве приза.²¹⁹ Судно подверглось «дознанию» на предмет, «не было ли» на нем «доставлено горцам оружия и огнестрельных снарядов»²²⁰. В результате оно было признано «правильным призом», т.е. судном, провозившим контрабанду и заслужившим применения призового права.²²¹

В дипломатических кругах хорошо знали не только о провокационном умысле инцидента с «Виксеном», но и о цели – «решительно и остро поставить вопрос о блокаде и пересмотреть его»²²². В разгоревшемся скандале один из его устроителей, Уркарт, был назначен на пост секретаря английского посла в Константинополе. Таким образом, замкнулся треугольник (Пальмерстон, Понсонби, Уркарт) организаторов английского политико-дипломатического противостояния с Россией.

Пальмерстон, министр иностранных дел Англии, в международных спорах прибегал к угрозам ввести в действие английский

флот, при этом он обычно трезво оценивал противника и, если ему противостоял достойный соперник, ограничивался впечатляющими угрозами, не предпринимая реальных шагов. Инцидент со шхунной, как и проблеме Черкесии, Пальмерстон намерен был использовать для продолжения традиционной внешней политики Англии, в которой доминировала идея расчленения Европы на «союзы» враждующих между собой стран, ослабляющих друг друга. Под прикрытием дипломатической шумихи, искусственно вызванной на Северо-Западном Кавказе, Пальмерстон вынашивал планы создания европейского союза, направленного против России; в нем Австрии и Франции как «второстепенным» державам предназначалось участие в решении английских планов на Черном море и Ближнем Востоке. Свою собственную роль имели Понсонби и Уркарт. Они должны были нагнетать обстановку в Черкесии и способствовать тем самым сохранению политического накала в регионе. Нанести удар «русскому могуществу» через обострение черкесской проблемы Понсонби и Уркарт считали «великим делом», сулившим им «славу»²²³. Английский посол в Турции и его секретарь явились главными глашатаями шумной истории, связанной со шхунной. С их подачи в английской печати выходили статьи, призывавшие Англию к энергичным действиям на Черном море и в Черкесии. В одной из них автор предвещал, что горцы, если они получают сотню английских пушек, будут совершать набеги на Тифлис, Ганджу, Георгиевск и что это для них станет «обычным делом». Предвосхищая подобную перспективу, автор вопрошал: «Что станет с русской армией?»²²⁴

Британские интересы в «краю разочарования»

Весной 1837 г. Николай I предупредил военного министра и командующего на Кавказе о поездке Белла из Константинополя в Черкесию и требовал «принять меры к преграждению ему всякой возможности проникнуть к горцам»²²⁵.

Тогда же из Синопа к восточному берегу Черного моря направилось «одномачтовое английское судно» с планами «осмотреть весь здешний берег до Анапы»²²⁶. Разведывательная деятельность Англии на Северо-Западном Кавказе была нацелена не только на сбор информации о «черкесах», но и на недопущение мира между горцами и Россией. Между тем именно в 1837 г. Петербург, как никогда до этого, прилагал немало усилий для достижения мира с горскими адыгами. Подобная политическая установка исходила от Николая I, собиравшегося в поездку на Кавказ. Не стоит отвергать

личную нравственность императора, основывавшуюся на православной религии, и отрицать за ним обычные, мирские добродетели. Во всяком случае даже его «декларативные» внушения своим подчиненным проявлять «человеколюбие и милосердие»²²⁷, дабы способствовать к «склонению горцев к покорности на пути мирных убеждений»²²⁸, свидетельствовали о большей цивилизованности его позиции, чем зарубежная политика, направленная на разжигание войны в Черкесии.

В 1837 г. Николай I наметил развернутую программу разрешения черкесской проблемы. Суть ее заключалась в организации переговорного процесса между непосредственно императором, с одной стороны, и «избранными» для этой цели «депутатами» горцев – с другой²²⁹. Направленность переговоров Николай I видел в обсуждении вопроса организации для горских племен «управления», которое бы отвечало прежде всего их внутреннему благосостоянию²³⁰. Одновременно он поручал «начертать» «проект положения об управлении черкесскими племенами, указывая при этом на недопущение «отступления от коренных обычаев горцев»²³¹.

Предстоящим переговорам придавалось важное значение. Подготовка их, как и разработка документов, поручалась видному кабардинскому ученому Хан-Гирею, хорошо знавшему историю и культуру закубанских черкесов. В помощь Хан-Гирею был выделен адъютант военного министра И. А. Вревский²³². Хан-Гирей прибыл на Северо-Западный Кавказ и, поручив дополнительные «наставления» от генерала А. А. Вельяминова, приступил к работе. Он провел переговоры со старшинами Хамышевского, Черченейского и Темиргоевского обществ, проявивших большой интерес к предстоящей встрече с императором²³³. Старшины «изъявили готовность избрать... депутатов для установления среди них местного самоуправления»²³⁴. После Хан-Гирей направился к закубанским черкесам. Он ехал на переговоры в горную Черкессию в тот момент, когда среди шапсугов, натухайцев и абадзехов явно обозначились антианглийские и антитурецкие настроения, распространявшиеся из-за «тщетных обещаний» заморских наставников. В мае 1837 г. военный министр А. И. Чернышев выражал большую надежду на успех миссии Хан-Гирея²³⁵. Последний обязывался доносить о своих переговорах с горными черкесами лично императору²³⁶. Никто, кроме Хан-Гирея, не должен был заниматься организацией мирных переговоров с горными адыгами.

Понимая, что у горцев немалый интерес к переговорам с Россией, «напутствия» английских агентов были больше похожи на

примитивный авантюризм. Агенты убеждали горцев, что «к черкесским берегам» будет направлен «соединенный флот некоторых европейских держав, турецкого султана и египетского паши – всего до трехсот судов с десантным войском и нужными снарядами»²³⁷. Откровенная ложь о «европейских державах», «турецком султани» и «египетском паше» да еще «готовность» остаться в «заложниках» достигли цели. Горцы, по своей природе отличающиеся достаточной наивностью, решили «вооружиться поголовно и действовать единодушно»²³⁸.

Опасаясь визита русского императора и возможных попыток склонения горцев к мирным переговорам, английские эмиссары предприняли упреждающие действия. Среди них было и «Письмо черкесов русскому командованию»²³⁹. В нем – обращение: «О, неверные русские, враги истинной религии...» – и требование отправить в Константинополь «по одному посланнику», чтобы удостовериться у «Султана Махмуда, Мехмеда-Али-паши, королей английского и французского» в том, что турецкий падишах «не уведомил» горцев о передаче их России.

«Письмо черкесов», однако, больше обращает на себя внимание другим. «...Если бы мы знали, – говорилось в нем, – что эти земли (т.е. Черкесия. – М.Б.) вам (России. – М.Б.) отданы, то мы бы (черкесы. – М.Б.) не остались на них жить»²⁴⁰. Впервые, пожалуй, в истории войны на Северо-Западном Кавказе прозвучал тезис о готовности закубанских горцев покинуть свои «земли», если они «отданы» России. Не стоит в этом усматривать расположенность горных адыгов к исламскому мухаджирству. Для этого здесь не было ни социальных, ни религиозных предпосылок. Военные общества черкесов легко направлялись на вооруженное противостояние «во имя своей независимости», которая рассматривалась в единстве с сохранением «своей земли» как родины – в рамках традиционного для горца представления «о независимости». «Письмо черкесов» – явное сочинение английских эмиссаров, готовых для разрешения собственных планов принести в жертву самих горцев. В 1837 г. среди абадзехов, натухайцев и шапсугов не было еще политического единства в решении таких жизненно важных вопросов, как массовая миграция или же совместное ведение войны против России.

Английские эмиссары даже привлекали к участию в вооруженных вылазках на российскую границу беглых русских солдат, а также поляков, служивших в русской армии. Однако «большая

часть» их оказывалась захваченной местными жителями, продавшими их в качестве рабов²⁴¹.

Между тем Лондон не спешил к развязыванию «большой войны», начало которой Белл и его эмиссары в Черкесии так старательно торопили своими усилиями. Здесь продолжали считать более целесообразным продолжение политического «освоения» Северо-Западного Кавказа, а войну с Россией желали вести с помощью горцев. Понимая, что сил одних горцев в войне с Россией недостаточно, Лондон рассчитывал также «поднять восстание в Грузии и Крыму»²⁴². Война на Северо-Восточном Кавказе, ставшая для российского командования главным направлением военных действий, восстание в Закавказье и на Северо-Западном Кавказе рассматривались английским правительством как наиболее предпочтительный вариант борьбы с продвижением России на юг.

В Лондоне к тому же надеялись, что к событиям на Кавказе будет возможно привлечь польских добровольцев²⁴³, проявлявших интерес к событиям на Кавказе; польские националисты сотрудничали в Черкесии с английскими эмиссарами²⁴⁴. Из всего комплекса задач, ставившихся Лондоном на Кавказе, наиболее важной и легкоразрешимой считалось вовлечение горцев Северо-Западного Кавказа в продолжительную войну с Россией. Несомненно, подобный расчет был во многом обоснован, поскольку из-за вооруженных набегов горцев и периодически предпринимавшихся карательных экспедиций командования предпосылок к русско-черкесской войне с каждым днем становилось все больше. Сами по себе адыгские общества горных районов Северо-Западного Кавказа, имевшие четкую военную организацию и занимавшиеся войной как важнейшим ремеслом, имманентно, по свойству внутренней своей жизни, были предрасположены к войне с Россией.

Вместе с тем стоит учесть, что горная Черкесия, в отличие от Северо-Восточного Кавказа, не находилась «во власти» какой-то одной идеологии, к примеру юридикзма. Этот немаловажный факт позволял горцам, при всей их неискушенности в изощренной и авантюристичной политике англичан, трезво оценивать свои силы и понимать всю меру небескорыстности английских эмиссаров. Временами горные адыги, обманутые обещаниями англичан, «начинали» «сомневаться» «в честности иностранных агитаторов», использовавших «их ослепление для разжигания ненависти, которую они сами питали к России»²⁴⁵.

Горцы на тропе войны

В местной (кавказской) и эмигрантской литературе принято рассматривать события на Северо-Западном Кавказе в контексте «агрессивных установок» Петербурга, будто бы фатально преследовавшего две задачи – «покорение» и «геноцид». При этом утверждается, что начавшаяся в 1840 г. война на Черноморском побережье якобы являлась следствием особо экспансионистских планов России. В связи с этим стоит отдельно осветить события, связанные с началом военных действий на Северо-Западном Кавказе. Известно, что до 1836 г. черкесская проблема рассматривалась Петербургом как приоритетная на Кавказе. Так считал командующий Паскевич, предпринявший карательную экспедицию в горные районы Черкесии. Подобной установки придерживался и Розен, пока на Северо-Восточном Кавказе не обозначилась угроза со стороны Шамиля. Российское командование, убедившись в бессмысленности фронтального покорения горных черкесов, сводило свои усилия к трем основным направлениям: к борьбе с набегами горцев; к блокаде Черноморского побережья и борьбе с англо-турецкой контрабандой; к проведению мирных переговоров с горцами и установлению протектората над народами Северо-Западного Кавказа. Последнее давало возможность получить свободный проход на восточном побережье в Закавказье.

Несмотря на немалые затраты и разнообразие способов, к которым прибегало российское правительство, ни одну из этих задач решить не удалось. Петербург пытался блокировать Черкессию как со стороны Черноморского побережья, так и со стороны Кавказской линии. Но парадокс заключается в том, что в Петербурге не сразу заметили, как усилиями английских эмиссаров попытка командования Е. А. Головина блокировать горцев была сведена к «самоизоляции России» от Черкесии. В результате российская политика на Северо-Западном Кавказе оказалась в тупиковом состоянии: ни в Петербурге, ни на Кавказе российские военные и гражданские чиновники не знали реальных путей разрешения черкесской проблемы, все больше приобретающей международный характер.

Между тем к 1840 г. Черкесия стала обнаруживать свою собственную политическую нишу, удобную в острой и сложной обстановке, создавшейся на Северо-Западном Кавказе. Изоляция России и решительное невмешательство ее в дела черкесов – при

явном противостоянии сторон – стали для горцев выгодным «фоном» для вооруженных набегов на Линию. Активизация англо-турецкого судоходства в Черкесию также явилась прибыльной для горцев; англо-турецкие суда доставляли не только боеприпасы, но и значительно расширили торговлю Черкесии. Никогда еще горские черкесы не были в столь экономически «благоприятном» положении, как в условиях соперничества России и Англии на Северо-Западном Кавказе. Но именно в этом соперничестве стоило видеть и другое – главную опасность, грозившую горцам. Извлекая выгоды из англо-русского противостояния в Черкесии, горные адыги не могли оценить всю серьезность международного соперничества, в котором одна из сторон их же усилиями и на их же территории добивалась развязывания полномасштабной войны.

25 марта 1840 г. генералы Н. С. Заводовский и Н. Н. Раевский доносили командующему Кавказской линией о всеобщем и единомышленном восстании всех закубанских племен²⁴⁶. Накануне овладев русским береговым укреплением Михайловским, «восставшие» угрожали захватом других укреплений – Афинского, Абинского и Николаевского. Строго говоря, происходившее представляло собой не «восстание», а начало войны горных черкесов с Россией.

Генерал П. Х. Граббе объяснял причины массового участия горцев в военных действиях против российских войск усилением Лабинской линии, резко ограничившей набеги горцев, а также занятием «восточного берега Черного моря и прекращением постоянных торговых сношений» адыгов «с турками и иностранными купцами»²⁴⁷. К причинам «восстания» горцев Граббе относил также «несообразное устройство береговой линии» и ее «слабость»; объясняя мотивы выступления горцев, он особенно подчеркивал «миролюбивую и чисто оборонительную» политику командования на Северо-Западном Кавказе, побудившую якобы горцев к «дерзости»²⁴⁸. Граббе указывал также на влияние Шамиля, новое восхождение которого придало горным адыгам «единство и силу»²⁴⁹.

Генерал верно оценивал не только причины, послужившие началом войны, но и характер новых событий, происходивших в Черкесии. «Последние события, – писал Граббе военному министру А. И. Чернышеву, – начинают для этого края новую эпоху, совершенно отличную от прежних времен, – эпоху войны народной», отличной от прежних «хищнических» набегов²⁵⁰. Командующий Кавказской линией отмечал, что «нашлись... люди», сумевшие овладеть горцами, «придать им нужное единство и единодушие» и «направлять» их к «обширной цели»²⁵¹.

Уже ранней весной 1840 г. среди убыхов, абадзехов, шапсугов и натухайцев повсеместно начались сборы. К тому времени их совместное ополчение насчитывало от 35 до 40 тыс. воинов²⁵²; «жители покинули дома и семейства свои и обязались общею клятвою не расходиться до взятия ими всех фортов береговой линии и укреплений»²⁵³. Стоит отметить: береговые «форты» и «укрепления», возведенные российским командованием на восточном берегу Черного моря, создавали горцам, английским и турецким судам неудобства, но они не в состоянии были причинить им столь ощутимого вреда, чтобы явиться причиной столь массового нападения. По верному замечанию И. Дроздова, идея «блокировать горцев непрерывным рядом укреплений по берегу Черного моря, от Анапы до Сухуми», на протяжении нескольких сот километров, практически была неосуществима²⁵⁴. Береговые укрепления «растасили» российские войска на небольшие гарнизоны, в которых люди «бесполезно» гибли от лихорадки и цинги. О «бедственном положении» этих гарнизонов докладывал также П. Х. Граббе, считавший, что «миролюбивые сношения с горцами», видевшими слабость русских укреплений и их неспособность к обороне, вдохновляли горцев на войну с Россией²⁵⁵.

Более эффективным проявляло себя «усиленное крейсерство» Черноморского флота, но и оно не в состоянии было «прекратить контрабанду и сношения горцев» с наплывом англо-турецких эмиссаров и торговцев²⁵⁶. Все более очевидным становилось и то, что английское вмешательство в дела Черкесии с целью развязать здесь широкомасштабную войну достигло своей цели.

Весной 1840 г. горские черкесы приняли решение «не производить посева», чтобы освободить себя летом от сельскохозяйственных работ и посвятить свое время войне с Россией²⁵⁷. «Старшины», коими, как правило, были военачальники из фокотлей, обещали «славу и добычу» участникам войны. Пожалуй, впервые в таких масштабах среди ранее разрозненных племен появились символы единства перед лицом «общего врага». «Каждое племя с особенным значком» составляло «отдельную дружину», «подразделенную по аулам на сотни, пятидесятки и десятки, предводимые отважнейшими и храбрейшими, которым» все «повиновались»²⁵⁸.

Нападения на российские укрепления производились согласно «предварительным совещаниям» военачальников; каждому отряду отводилось свое «направление» вооруженного нападения, «каждому человеку» назначалось его «место»²⁵⁹. Бесспорно, подобная

организация воинских сил не обошлась без участия английских эmissаров, профессиональных военных, находившихся в Черкессии. Вместе с тем нельзя было не заметить, что сами по себе черкесские «вольные» общества располагали хорошо сложившейся культурой войны, в организацию которой несложно было внести европейские «образцы», например «штабные» совещания военачальников. Для развязывания войны и придания ей характера непрерывности английские эmissары имели среди горных черкесов все «внутренние» предпосылки. Они свели до минимума элемент стихийности, характерный для массового участия военных сил горцев и обычно наблюдавшийся на Северо-Восточном Кавказе даже при таком полководце, как Шамиль. При захвате русских укреплений горные черкесы забирали «продовольственные запасы» гарнизона; как военная добыча, они надлежали «правильному» распределению «по аулам»²⁶⁰.

Что касается боеприпасов – орудий, снарядов, пороха и пр., то они относились к «ведению... почетнейших старшин»²⁶¹. Последнее было связано с планами «завести у себя артиллерию», в чем помощь горцам оказывали «польские дезертиры», покинувшие российские войска²⁶². Заранее были подготовлены запасы «нового вида оружия», состоявшего из длинного шеста, «к одному концу которого» прикреплялась «коса, чтобы колоть и рубить», а «к другому крючья, чтобы влезать на крепостные верки»²⁶³. Все эти меры, так же как внезапность и массовость нападения горцев на российские укрепления, свидетельствовали о тщательно спланированной и хорошо организованной военной операции, призванной спровоцировать российские войска на активные военные действия.

Нельзя было не заметить и другое – «видимое», внешнее отсутствие главных организаторов войны – английских эmissаров. Их активность наблюдалась лишь во второй половине 1839 и начале 1840 г., накануне открытия горцами военных действий. Так, в августе 1839 г. посол России в Турции А. П. Бутенев сообщал, что «англичанин Нейт», годом раньше находившийся в Черкессии, вернулся в Англию и вновь собрался ехать к «черкесам» «в сопровождении нескольких артиллерийских унтер-офицеров и солдат», взяв с собою также несколько орудий²⁶⁴. В феврале 1840 г. полковник Белл на турецком баркасе причалил «на лимане Хизе», между Сочи и Сукбанси. В Черкессию он доставил «36 бочонков пороха и свинца»²⁶⁵.

Обычно, когда черкесы предпринимали набеги с целью военной добычи, дело обходилось без «идеологии». Лишь после заключе-

ния Адрианопольского мира стала использоваться единственная установка – «борьба за независимость», светская идея, не отягощенная какими-либо другими, религиозными постулатами. Начавшаяся весной 1840 г. война не обошлась без политико-идеологической оснастки. Генерал П. Х. Граббе, называвший военные события «несчастьем» для горцев и русских войск²⁶⁶, доносил военному министру о том, как «мухаммеданское духовенство и агенты» прилагали «усилия» для придания выступлению горцев массового характера. Поскольку в обществах черкесов не было сколько-нибудь заметной идеологической системы, похожей на дагестанский мюридизм, вдохновители войны широко использовали религиозное невежество горцев; «муллы разъезжали» по черкесским селам и, «ссылаясь на... отысканный ими стих» Корана, «предвещали», что 1840 год «должен быть годом торжества мусульман и гибели неверных»²⁶⁷. Этот единственный «отысканный стих» дополнялся политическими воззваниями, согласно которым египетский Ибрагим-паша будто призывает «не покоряться русским» и разрушить их укрепления; обьявлялись «обещания» того же паши и европейских держав о высылке в помощь горцам войск²⁶⁸.

Фактическое отсутствие идеологии не снижало накала жестокости и насилия, к которым прибегали горцы. Формы насилия не были, однако, привязаны к этнической и даже религиозной непримиримости. Они скорее относились к обществу с традиционным воинским укладом, в котором главным героем признан воин, вернувшийся с похода, имея богатую добычу и головы сраженных им противников. По этим канонам, к примеру, вели себя абадзех «предводитель» Бердзек-Береслан и его «дядя Докзе Хаджи Берзек, напавшие с отрядом на российское укрепление – форт Лазарев на р. Псезуашпе». Разгромив укрепление, они вырезали гарнизон – за исключением нескольких пленных и одной женщины²⁶⁹. При этом большинство участников варварского насилия, в том числе и предводитель, до этого «неоднократно» обращались к российскому начальству «с предложением о покорении», т.е. с просьбой о принятии их в подданство России. Стараясь избежать осложнений, российские власти воздержались от «ответа» на эти предложения²⁷⁰.

Развернутое донесение о начатой горцами войне с Россией и тяжелом военном положении на Северо-Западном Кавказе П. Х. Граббе отправил в Петербург с «нарочным». Николай I прочитал его «с полным вниманием» и оценил «важность» случившегося. Но в отличие от генерала, с тревогой писавшего свое доне-

сение, император не посчитал разыгравшиеся на Черноморском побережье и на Кавказской линии события «несчастьем». Петербург, и в первую очередь Николай I, долгое время не находивший перспективы урегулирования черкесской проблемы, в предложенной горцами войне увидел возможность военного ее решения, от которого российские власти долгое время воздерживались. По мысли императора, «общее восстание» горцев не только не грозит «ослабить влияние» России «в горах», «но неминуемо послужит» к большему «его утверждению и даже может вынудить» горцев «к безусловной покорности правительству гораздо скорее, нежели того в обыкновенном положении дел достигнуть было можно»²⁷¹.

Вместе с тем Николай I не соглашался с генералом П. Х. Граббе, считавшим систему небольших фортов и укреплений на побережье Черного моря бессмысленной. Он объяснял назначение этой «системы» как «оборонительной» «для прекращения грабежей» горцев «и в особенности для уничтожения гнусного их промысла – торго невольниками»²⁷². Император находил, что столь легкий захват горцами трех русских укреплений – результат «дурного устройства оборонительных их верков, возведенных с совершенным пренебрежением всех правил инженерного искусства»²⁷³. Отклонял Николай I и предложение Граббе об отправке «против абадзехов и шапсугов» «главной экспедиции». Подобную карательную экспедицию он допускал лишь после «окончания главнейших действий в Чечне», где в том же 1840 г. разразилось антироссийское восстание²⁷⁴.

Одновременно император предлагал усилить оборонительные средства русских укреплений и предпринять «десантные экспедиции» на береговой линии; такие экспедиции осуществлялись с помощью военных судов, транспортировавших дополнительные войсковые силы к месту боевых действий. В конкретных указаниях Николая I, нередко касавшихся сугубо оперативных дислокационных вопросов, терялось общее стратегическое видение происходивших на Северо-Западном Кавказе событий. Возможно, он и замечал в них предтечу будущей Восточной войны, гораздо больше грозившей России, чем «восстание в Чечне». Но император как бы избегал оценки деятельности главных застрельщиков войны – английских эмиссаров – то, о чем писал П. Х. Граббе. Он умалчивал и о возможных международных осложнениях, ожидаемых в связи с началом войны горцев на Северо-Западном Кавказе. Похоже, что Петербург оказался неготовым к черкесской войне и остерегался развертывания здесь крупных военных сил, дабы не

спровоцировать «большую войну» с участием Англии, Франции и Турции, остававшихся крайне недовольными последними договорами России с Турцией; черкесская война началась в пору, когда Пальмерстон наиболее опасным соперником на Ближнем Востоке считал Францию. Поддерживая английского лорда в его стремлении изолировать Францию, «носителницу революционной заразы», Николай I готов был пойти на уступки Англии в отношении проливов. Завязывавшаяся дипломатическая интрига, несколько сблизившая Англию и Россию, заставляла Николая I быть осторожным на Северо-Западном Кавказе и не поднимать вопроса о подлинных вдохновителях черкесской войны.

В то же время горные черкесы наращивали наступательные силы. Принятые генералом П. Х. Граббе меры по обороне береговой линии не достигали цели. Запаздывали также дополнительные войска, прибытие которых ожидалось для подкрепления гарнизонов русских форпостов. Между тем вскоре в укреплении Михайловском разыгралась одна из трагичнейших сцен черкесской войны. Несмотря на то, что в укрепление поступили новые силы, всего его защитников было «500 человек под ружьем»²⁷⁵. Горных черкесов, атаковавших Михайловское, насчитывалось 11 тысяч²⁷⁶. Не ожидая помощи, штабс-капитан, воинский начальник Михайловского укрепления Лико, «объявил при всех, что после взятия горцами Лазаревского укрепления» и жестокой расправы с его гарнизоном «он взорвет пороховой погреб, а не сдаст укрепления»²⁷⁷. Рядовой Архип Осипов из Тенгинского полка вызвался выполнить это решение. Когда в укреплении оставалось около 80 его защитников и в него ворвались горцы, раненый штабс-капитан напомнил Осипову данное им обещание. Пороховой погреб был взорван; погибли все: и защитники, и горцы, оказавшиеся внутри укрепления²⁷⁸.

Российское командование потеряло четыре береговых укрепления. Что касается других укреплений, то вопреки мнению генералов, хорошо знавших положение на Северо-Западном Кавказе и считавших их малоэффективными для обороны, императорским решением они были усилены, гарнизоны увеличены, были сформированы четыре десантных батальона, улучшено довольствие войск и санитарное наблюдение²⁷⁹. До августа 1840 г. командование намечало завершить постройку новых фортов и произвести пополнение войсковых сил на правом фланге Кавказской линии.

На конец августа и начало сентября этого же года П. Х. Граббе думал приурочить «решительные наступательные действия...

для наказания абадзехов, шапсугов и натухайцев»²⁸⁰. Но вскоре обстановка на Северо-Западном Кавказе вновь стала меняться. Горные черкесы, потерпевшие крупное поражение при попытке овладеть укреплением Абин (май 1840 г.), распустили свое ополчение и вплоть до августа ничего не предпринимали. В начале августа Шамилю, знавшему о событиях на Северо-Западном Кавказе, удалось направить «несколько мулл» к абадзехам²⁸¹. Посланцы имама смогли вызвать среди закубанцев «сильнейшее волнение»; вновь собрав крупное ополчение, горные черкесы двинулись «через Лабу к верховьям Кубани» с целью «увлечь с собою в горы» местное черкесское население²⁸². В результате они подняли с насиженных мест «бесланевцев, башильбаевцев и тамовцев» – большей частью это были племена, населявшие равнинную территорию Северо-Западного Кавказа.

Это стало первой попыткой организации мухаджирства, явления, ранее не знакомого черкесским племенам. Здесь явно сказалось влияние прибывших шамилевских мулл, действовавших в Черкесии по наставлениям своего имама. Переселение в горы части равнинных черкесов; осуществленное под религиозным лозунгом установления шариата и войны с «неверными», следует рассматривать как серьезную подвижку во внутренней политической жизни Черкесии. Воинственный дух горцев, пребывавших на подъеме в связи с военными событиями начала 1840 г., легко воспринимал все то новое, которое ориентировало их на непримиримую войну.

Интерес к происходившему среди адыгов проявляла турецкая сторона. Осенью 1840 г. начальник правого фланга генерал Г. Х. Засс сообщал, что шапсугский старшина Казаерасов, побывавший в Турции, привез с собой «20 турок и два орудия большого калибра»²⁸³. Тогда же шапсуги обратились к абадзехам с «приглашением» к совместному выступлению против русского укрепления на р. Шапсуго. Необходимо отметить, что на протяжении лета, осени 1840 и начала 1841 г. горные черкесы проявляли сколько-нибудь серьезной военной активности против российских войск. Значительно спала также и деятельность английских эmissаров. Было видно, что Англия несколько ослабила нажим на Россию в Черкесии в связи с заключением летом 1840 г. Лондонской конвенции, согласно которой в проливы временно вводились вооруженные силы европейских держав; это условие Лондонской конвенции фактически аннулировало Ункяр-Искелесийский договор, столь раздражавший Англию.

Голод и торговля: «Теперь дерись кто хочет, а я еду домой»

Вторая половина 1840 и зимнее время 1841 г. были отмечены серьезным ухудшением экономического положения горских черкесов. Решение о широкомасштабной войне с Россией и отказ в связи с этим от хозяйственных занятий привели к обнищанию населения. Резко спало также английское и турецкое судоходство в Черкессию, что привело к упадку торговли. Усиление российским командованием береговой линии, а также укрепление Лабинского участка ограничило набеговую практику. Контр-адмирал Л. М. Серебряков, «ежедневно» общавшийся с горцами, доносил командованию о бедственном положении горцев²⁸⁴. По его оценке, в 1840 г. «засухи и неурожай довершили их бедствие; голод со всеми своими ужасными последствиями приближался к их ущельям, и наступившая зима грозила гибелью враждебным соседям нашим, не имевшим никаких запасов»²⁸⁵.

Это опасение генерала стало жестокой реальностью уже в конце осени 1840 г. Тот же Л. М. Серебряков в январе 1841 г. доносил о том, что продовольственный «недостаток между горцами достигнет высшей степени; беднейшие продают детей своих зажиточным по ценам столь низким, как еще никогда не бывало, и берут плату большею частью продовольственными припасами»²⁸⁶. Холодная зима 1841 г., постоянная горная стужа приводили целые семьи к гибели. Серебряков приводил пример того, как две семьи недалеко от Цемеса были найдены «погибшими в закрытых и занесенных выюгами саклях своих». В доме «не было следа чего-либо съестного, холодный пепел очага обнаруживал давнее отсутствие огня»²⁸⁷. Многие черкесы, в особенности дети, приходили к русским укреплениям, в которых совсем еще недавно горцы устраивали «лукуллов пир» убийств и разрушений, и получали от солдат хлеб.

Но даже в это время, когда «положение горцев» расценивалось «как самое гибельное»²⁸⁸, черкесские старшины не соглашались на заключение с Россией мира. Они предлагали перенести переговоры на весну, что нельзя было не рассматривать как прямой отказ от мира. Российское же командование требовало заключения мира, т.е. прекращения войны и вооруженных набегов. Со своей стороны горцы на предложение о «мире» выдвигали в

качестве его условия «очистить укрепления и все занимаемые» Россией «пункты от Абина до Анапы»²⁸⁹. Непримируемость и жестокость – неотъемлемые части общественной идеологии военно-демократического общества. Они одинаково «срабатывают» не только в отношениях с противником, но и во внутренней практике общественного дискурса. Оказавшись на переходной стадии развития, общество «захвачено» его внутренними социальными процессами, которые подвергаются своего рода фетишизации. Их детерминированность становится столь глубокой, что теряется всякое осознание нравственных начал и грозящей обществу, народу опасности. Находясь на краю гибели, «зажиточные» черкесы скупают детей у «бедствующих», потому что движимы законами новой социальной среды, обещающей им не только накопление собственности, но и общественное возвышение. Старшины не желают мира, видят в нем отказ от «войны» – запрет на «ремесло», ставшее традиционным занятием. Они рассматривают заключение мира как лишение их того «будущего», во имя которого скупают за бесценок детей бедных.

Бедственное положение Черкесии зимой 1841 г. не оставило равнодушным Петербург и командование на Кавказе. Как и прежде, Николай I придерживался в отношении Северо-Западного Кавказа оборонительной стратегии. Ее он объявил еще весной 1840 г. – в пору, когда горцы еще вели активные военные действия на береговой линии. Позже, осенью того же года, он в «собственноручной записке» предписал «действовать на умы горцев, как признано будет полезнее, для постепенного обуздания их, избегая елико возможно неопределительных экспедиций», которые император называл «бесплодными»²⁹⁰. В связи с этим распоряжением была отменена «решительная экспедиция» в Черкесию, которую П. Х. Граббе думал повести «после листопада». Контр-адмирал Л. М. Серебряков предлагал воспользоваться тяжелым продовольственным положением горцев и привести их в покорность. Он был сторонником жесткой системы торговли с горцами – отпускать им муку и сало в «обмен» на заключение мира. При этом он исходил из собственного понимания политики императора в черкесском вопросе: поскольку главной целью, ставившейся перед командованием, являлось приведение черкесов «в покорность», то, как рассуждал генерал, хороши были все те средства, которые вели «к цели»²⁹¹. На позицию Серебрякова оказывало влияние и другое: когда в Новороссийске в помощь горцам он от-

крыл для них «меновую торговлю на муку», многие «из них, обеспечив себя запасами, отправлялись потом к враждебным» России «сборищам»²⁹². Контр-адмирал писал свой рапорт на имя генерала Н. Н. Раевского, заранее зная, что последний не разделяет его взглядов. Этим объяснялся тот эмоциональный тон, далекий от языка деловой документации, которым контр-адмирал писал о черкесской проблеме.

Не менее бурно вел себя Н. Н. Раевский, разрешавший отпуск муки, соли, меновую торговлю горцам. Он предлагал повысить чином коменданта Анапы полковника Е. Е. фон Бранка за то, что тот налаживал торговые отношения с горцами, облегчая тем самым их бедственное положение. В этих целях полковник «не только истрачивал свою собственность, но даже вошел в долги»²⁹³. Вместе с тем Н. Н. Раевский с гневом писал военному министру А. И. Чернышеву, что «контр-адмирал Серебряков только замышляет о разорении, истреблении, покорении горцев и об опровержении» честных, благородных, бескорыстных поступков²⁹⁴. Поиному, чем Серебряков, понимал Раевский и указания Николая I, которого он называл «милосердным великодушием»²⁹⁵.

Стоит подчеркнуть: черкесская проблема воспринималась кавказским генералом не только в ее военном и политическом аспекте, но и в аспекте нравственном. Этическая сторона этой проблемы особенно обнажилась в условиях катастрофического положения, в котором Черкесия оказалась, начав войну с Россией, приведшую ее к нищете. О серьезности нравственного напряжения, существовавшего среди русского офицерства на Кавказе, можно судить по заявлению того же Н. Н. Раевского, ставшему расхожим в советской историографии. «Наши действия на Кавказе, – писал генерал, – напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами; но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пизарра (Pizarre) и Кортеса (Cortes). Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобно тому, какой оставили эти завоеватели в истории испанской»²⁹⁶. Раевский подчеркивал, что он «первый и один по сие время восстал против пагубных действий на Кавказе»²⁹⁷. Комментируя приведенные высказывания генерала, подавшего в знак протеста в отставку, их обычно отрывают от конкретной черкесской проблематики; фраза же Раевского, как правило, применяется ко всему Кавказу – расширительно и политизировано. Не забывают также упомянуть, что Раевский был «другом Пушкина и декабристов»²⁹⁸.

В связи с этим необходимо привести несколько уточнений. Генерал-лейтенант знал, что кавказская политика определяется, прежде всего, самим императором, да и сами произнесенные им «либеральные фразы» начинались со слов – «ободренный милосердным великодушием государя императора...»²⁹⁹. Последующие слова («я первый и один», кто «восстал») не совсем были правдивы, поскольку тот же полковник Е. Е. фон Бранк, которого Раевский представил к званию генерала, делал гораздо больше, чем Раевский, для помощи черкесам. Но и полковник был не единственным – солдаты, делившиеся с голодными черкесскими детьми, были еще гуманнее. Раевскому было хорошо известно доброе расположение к нему императора. Г. И. Филипсон, близкий друг генерала, свидетельствовал, что Раевский «был плохой подчиненный и то, что он часто писал о своих непосредственных начальниках, никому другому не сошло бы с рук, а его донесения государь читал с удовольствием, хохотал и приказывал военному министру разрешить или дать то, чего Раевский просит»³⁰⁰. Зная, что Николай I отменил карательную экспедицию Граббе в Черкессию, а затем еще «велел» «действовать на умы горцев», «избегая... экспедиции», Н. Н. Раевский, «не отличавшийся» «твердостью политических убеждений»³⁰¹, возможно, своей «левой фразой» пытался представить себя единомышленником императора. Что касается причастности Раевского к движению декабристов, то действительно он «был замешан в драме, кончившейся кровавою развязкою 14 декабря» на Сенатской площади³⁰². Указывая на это, Г. И. Филипсон, отзывавшийся о нем как о личности, «рельефно выдающейся из толпы», отмечал и другое: «главные лица в тайных обществах» декабристов «относились к нему (Раевскому. – М.Б.) недоверчиво. Большую часть декабристов, которые присылались к нему для» участия «в военных действиях, он прежде знал лично, но теперь не хотел узнавать и ни с кем из них не говорил»³⁰³.

Наконец о дружбе с А. С. Пушкиным, объяснявшейся скорее обстоятельствами и конечно же тягой приобщиться к великому таланту; Раевский служил вместе с Львом Сергеевичем Пушкиным, младшим братом поэта. С последним он «был почти неразлучен»³⁰⁴. Предельно лапидарно характеристику командующему Черноморской береговой линией Раевскому дал генерал М. Я. Ольшевский: «Мечтатель, либерал, фразер как на словах, так и на бумаге»³⁰⁵.

Несмотря на эти отзывы, во многом дающие нам понять позицию Раевского по черкесской проблеме, следует учесть, что гене-

рал в своем рапорте военному министру произносил фразы, которые у многих офицеров и генералов были на устах. При том, что эти офицеры и генералы не были повинны в тяжелом продовольственном положении, создавшемся в Черкесии. Куда больше вины за развязывание войны и ее драматические последствия несли в зиму 1841 г. английские эмиссары и черкесские старшины. Но в отличие от последних многие генералы, вышедшие из «золотого века» русской культуры, были «заражены» гуманистической идеологией этой культуры. Не случайно даже Л. М. Серебряков, настаивавший на том, чтобы не отпускать горцам, открывшим войну с Россией, продовольственных товаров и, воспользовавшись голодом, покорить их, признавался, что «мера эта, без сомнения, несколько жестока»³⁰⁶. Вне контекста гуманистической идеологии были бы невозможны и высказывания Н. Н. Раевского, каким бы он ни был «фразером». У «левой фразы», блестяще сочиненной, обвинявшей Россию в завоеваниях на Кавказе, бесспорно, были «слушатели». Ими должны были стать, прежде всего, русские генералы и офицеры, но никак не черкесские старшины и английские военные.

Торговые отношения горцев с казачьим населением и Кавказской линией сложились еще в XVIII в. М. В. Покровский исследовал эту тему, приведя ценнейшие данные³⁰⁷. Торговые связи не прерывались даже в пору, когда на этом настаивали английские эмиссары, а иногда и черкесские старшины. В 1839 г., накануне войны с Россией, «горцы вывезли» через Екатеринодарский карантин товаров на 175 203 руб. В горную Черкесию русских товаров было доставлено на 100 912 руб.³⁰⁸ Покровский указывал, что приведенные сведения о торговле не отражали всего ее объема, поскольку в торговом обороте оставалось много неучтенных товаров. Торговые отношения поддерживались и на береговой линии. Они были прерваны в связи с открытием горцами военных действий, направленных на разрушение этой линии. В связи с голодом, охватившим всю горную Черкесию, российское правительство предлагало командованию на Кавказе рассмотреть состояние российско-кавказской торговли и внести предложения по его улучшению. Отдельно подлежали изучению торговые отношения с горцами Черкесии.

Этой проблемой занимался начальник Черноморской береговой линии генерал И. Р. Анреп. Понятно, что в политическую основу разрешения торговых отношений с горцами не были включены

положения, на которых настаивал Л. М. Серебряков. Однако это не означало, что в налаживании торговли российское правительство не видело средств разрешения черкесской проблемы. Генерал Анреп считал, что «прекращение тайных сношений восточного берега с Турцией, уничтожение вредного... влияния турок на горцев и сближение их с Россией может быть достигнуто одним только торговым соперничеством»³⁰⁹. Он верно указывал на невозможность с помощью береговой линии и черноморского крейсерства покончить с контрабандой, борьба с которой не дала «желаемых результатов»³¹⁰. Рассматривая вопрос о торговле с горной Черкесией, генерал Анреп предлагал «беспошлинный привоз товаров» как «необходимое» «для горцев»³¹¹ мероприятие. Существенным было и другое — «допущение к торговле с восточным берегом» Черного моря «иностранцев на особых условиях»³¹². К этим условиям относились «некоторые ограничения, мало стесняющие торговлю, но служащие преградой непосредственным сношениям с горцами» иностранцев, имевших «вредные» для России «намерения»³¹³. Запрещались также привоз иностранных товаров на небольших судах («кочермах») и причаливание их к берегу, поскольку крейсерский контроль из-за их способности приближаться к берегу был затруднен.

Уже в 1840 г. министр финансов дал согласие на беспошлинный провоз иностранных товаров «для горцев»³¹⁴. Для них разрешался также беспошлинный вывоз всех товаров за границу³¹⁵. Развитие торговли с горцами не преследовало со стороны России «выгоды русских промышленников»³¹⁶. Российские власти понимали, что экономика горцев, оказавшаяся в состоянии полного развала, была не способна обеспечить нормальный двусторонний торговый баланс; такой баланс не был возможен и при более благоприятных условиях, так как горское хозяйствование по определению не отвечало даже скромным требованиям торгового оборота. По этой причине правительство России ставило перед собой задачу «стремиться к тому, чтобы снабжать горцев нужными им предметами за полцены и платить сколь возможно дороже за их произведения»³¹⁷. Понятно, что подобная задача могла решаться с помощью самих «чиновников», но не торговым посредничеством негоциантов. Поэтому при «пожертвованиях со стороны правительства» торговые сделки предусматривалось производить за стенами крепости «под управлением комендантов»³¹⁸ или же таковой и карантинной службы.

Какие же цели преследовала столь «неполноправная» для России торговля с горцами? Не стоит, отвечая на этот вопрос, предполагать за Петербургом злого намерения в отношении Черкесии – будь то колониальное закабаление или «непременный» геноцид. Генерал И. Р. Анреп, которому поручалось представить проект развития торговых отношений с Черкесией, в качестве «единственной?» цели видел то, что «...торговля должна служить единственно способом к укрощению нрава горцев; она должна возбудить в них новые нужды и заставить их заниматься мирными промыслами для произведения предметов, служащих к вымену нужных им товаров»³¹⁹.

С мнением начальника Черноморской береговой линии фактически соглашался председатель комитета об устройстве Закавказского края, военный министр А. И. Чернышев. Последний также указывал, что «народ, не имеющий, кроме невольников, почти никакого товара, естественно, должен ограничиться выменом необходимейших» для себя «предметов на ничтожное количество меда, воска и шерсти»³²⁰. Военный министр считал, что обоюдовыгодная торговля с горцами может наладиться лишь после «усмирения горских племен». При этом Чернышев хорошо понимал, что это «усмирение» – далекая «будущность», «тем не менее, – продолжал он, – правительство обязано заботиться о снабжении горцев по дешевой цене всеми предметами, необходимыми для их домашнего быта»³²¹. Значение этой «заботы» военный министр связывал с надеждой «сблизить» Россию «с непокорными племенами» и «прекратить контрабандную торговлю»³²².

Положение о торговле с горцами Черкесии не распространялось на другие районы Кавказа. Чернышев связывал это с особой обстановкой, создавшейся в Черкесии³²³. Введение целенаправленной торговли, предусматривавшей гуманитарную помощь горцам Северо-Западного Кавказа, требовало от российского правительства строгого ограничения территории, на которую распространялось бы положение о «льготной» торговле. Генерал И. Р. Анреп думал отнести к этой территории помимо Черкесии также Мингелию и Гурию – грузинские районы. На это резко возразил военный министр, справедливо считая, что тогда бы была «подорвана» закавказская торговая система и вместе с этим не решалась бы проблема экономической помощи горцам Черкесии. Не согласился с генералом Анрепом военный министр и в другом – в желании «изумить горцев богатством России», давая понять, что «занятие

восточного берега есть предприятие неизменное, против коего ничтожны» усилия горцев³²⁴. А. И. Чернышев для вынашивания подобной задачи не видел «достаточных причин»³²⁵. Следовательно, военный министр еще больше, чем генерал И. Р. Анреп, отграничивал льготную торговлю с черкесами от политических задач, связанных с черкесской проблемой. Вместе с тем А. И. Чернышев подчеркивал, что система торговли, вводимая для горцев, в силу ее гуманных целей не могла процветать, в связи с чем он рассматривал ее как временную меру.

Генерал Анреп, не столь отличавшийся в сугубо военных предприятиях, придавал важное значение в установлении мирных отношений с горцами вовлечению их в созидательный труд. Отмечая, что основным занятием черкесов традиционно были набеги на русскую границу и «другие горские племена» и сбыт в Турцию «живого товара», он с удовлетворением доносил о переменах, происходивших в Черкесии в связи с введением новой торговой системы. Летом 1841 г. И. Р. Анреп сообщал военному министру о серьезном ограничении турецкой контрабандной торговли и установлении «мало-помалу» другой торговли, основанной «на началах нравственных, совершенно противоположных прежним»³²⁶. Начальник береговой линии с удовлетворением отмечал, что за дрова, доставленные русским, черкесы получили около 15 тыс. пудов соли; излишки соли черкесы обменяли на хлеб с горцами, у которых «уродился урожай»³²⁷. Генерал доносил также о других торговых мерах, принятых в Черкесии, и под впечатлением от них с нескрываемым оптимизмом писал, что «...труд и честно добываемый хлеб будут иметь хорошее влияние на нравственность этого народа и из полукочевых разбойников сделают оседлых хлебопашцев, ослабя настоящий воинственный дух и обратя деятельность их на предметы житейского состояния»³²⁸.

Генералу Анрепу было трудно понять, что общество, с которым его столкнула судьба, имеет свои собственные социальные основания, поддающиеся изменениям лишь под воздействием исторических законов развития, но никак не посредством «воспитательных» мер извне.

Весной и летом 1841 г. российское командование получило в Черкесии заметный «политический простор»: несколько спало ожесточенное неприятие всего русского, ранее нагнетавшееся не без участия английских эмиссаров; последние временно отстали от Черкесии, поскольку английское правительство занималось

дипломатической подготовкой, связанной с полной отменой Ункяр-Искелесийского договора. Российское командование получило большую свободу для обсуждения с черкесскими старшинами политических вопросов, коих было немало в отношениях между Россией и Черкесией. Дело здесь продвинулось столь далеко, что весной 1841 г., когда среди горцев появился турок Осман Гаджи, призывавший не входить в контакты с русскими, генерал Н. С. Заводовский «вызывал закубанских князей... и старейшин из простого народа». Он обсуждал с черкесами деятельность Османа Гаджи, обратившегося к горцам с «воззванием» антироссийского содержания. В беседе с черкесами генерал мог ясно заметить, что, в отличие от прежних времен, среди его собеседников произошел некий «политический раскол» – «часть дворян и князей» «увлеклась воззванием», «все же прочие... не оказывают уважения к воззванию»³²⁹. Что касается до простого народа, доносил Н. С. Заводовский, то он «нисколько не скрывает перед владельцами своими, что если абадзехи решатся силою увлечь их, то они будут драться до последней крайности»³³⁰.

Представители российского командования брали на себя даже задачи урегулирования вопросов, связанных с межплеменными отношениями. Так, еще в мае 1841 г. между джигетами и убыхами разразился конфликт; убыхи претендовали на господство над джигетами, что вызывало у последних недовольство. Усилившиеся на этой почве распри усугублялись взаимными набегами и разорением. Посредником между конфликтовавшими выступил генерал Н. Н. Муравьев. Накануне, до вмешательства генерала, джигеты, желая «спасти» себя «от ига убыхов»³³¹, приняли российское подданство – и это обещало им поддержку командования. С учетом этого убыхи сами пожелали договориться «с миром», но джигеты заявили, что «они без воли начальства», т.е. русских, «ни в какие сношения и переговоры входить не могут»³³². Почти в ультимативной форме от имени джигетов и командования Н. Н. Муравьев выставил убыхам пять условий, среди которых – «трехмесячный срок для принесения покорности» России, прекращение «действовать против» джигетов и вернуть им аманатов, не совершать на их земли набегов³³³. Генерал Муравьев достиг «успеха» – «убыхи присягнули во всем, что от них требовалось»³³⁴.

Другой генерал, И. Р. Анреп, был уверен, что «убыхи уже не будут теми непримиримыми врагами, которые безнаказанно против» русских поднимали «все племена в этой части Кавказа»³³⁵.

Однако начальник береговой линии считал необходимым закрепить достигнутое – и для защиты джигетов, и для окончательного усмирения убыхов. Вмешательство русских генералов во взаимоотношения черкесских племен даже при неподдельном стремлении к миротворчеству лишь подливало масла в огонь. Как и ожидалось, клятва русскому генералу не стала помехой, когда спустя немногим более месяца убыхи решились напасть не только на джигетов, но и на русское укрепление Новагинское. Располагая артиллерией, убыхи вели упорный обстрел русского укрепления, нанося ему немалый вред. Генералу Н. Н. Муравьеву пришлось с помощью дополнительных десантных войск оттеснять убыхов, ведших боевые действия против джигетов. Однако самым главным своим достижением командование могло считать участие джигетов в боевых действиях на стороне российских войск. Но это «достижение» следовало рассматривать как временное. В сентябре и октябре 1841 г. убыхи вновь возобновили свои притязания. Они объявили джигетам, что «если хотя один» из них «присоединится к русским», то «разорят их до конца»³³⁶. Известный военачальник Хаджи-Берзек «перед всем собранием» заявил, «что сбреет бороду и наденет женское платье, если пропустит хотя одного русского в свою землю»³³⁷.

Столь рискованное заявление, грозившее именитому воину всеобщим осмеянием, свидетельствовало не о какой-то особой этнической неприязни к русским, а лишь о той «воинственной охранительности», с которой Хаджи-Берзек и его соплеменники готовы были защитить свое традиционное общество и его жизненный уклад. Даже «русская торговля», казалось выгодная и по существу рассматривавшаяся командованием как экономическая помощь горцам, все же воспринималась как «чуждая», не своя, непривычная. Горцы не желали расставаться с торговлей людьми, достаточно доходной и «освоенной» ими. Натухайцы и шапсуги продолжали совершать набеги, но они стали неэффективными; часть военной добычи (пленные люди) не могла быть «освоена» из-за «блокады» береговой линии.

Осенью 1841 г. горцы вновь потребовали от российского командования скрыть «все крепости за Кубанью»³³⁸. Осень была для них самой активной порой для набегов и торговли людьми. Черкесов, несомненно, раздражало, что той же осенью 1841 г. российская береговая охрана после боевой операции задержала турецкое судно, увозившее из Черкесии 148 юношей, девушек и

детей для продажи³³⁹. Причиной недовольства их служило также решение российских властей в отношении освобожденных людей: одних разместили в Геленджике, других – в Новороссийске. Горцы требовали возвращения им «добычи»; они ссылались на то, что оказавшиеся у командования «пленные» с турецкого судна – их родственники, но сознавались при этом, «что везли их в Турцию для продажи»³⁴⁰.

Российские власти, боровшиеся с торговлей людьми, считали, что попыткой продать «невольников» (даже если это были родственники) «владельцы» потеряли на них право, а потому вопрос об их жизненном устройстве должен решаться русскими. В данном случае избавленные от турецкой неволи женщины были распределены «благонадежным семейным офицерам, девочки отдавались на воспитание, а мальчики – в батальоны военных кантонистов»³⁴¹. Подобные решения, вполне справедливые с точки зрения российского командования, приносили ощутимые убытки горцам, одни из которых продавали своих близких из-за нищеты, другие – чтобы накопить собственность и упрочить свое социальное положение.

Стоит упомянуть: конфликт между командованием и горцами разрастался на береговой линии еще и потому, что горные черкесы кроме сбыта собственных родственников и пленных занимались еще и посреднической торговлей; к ним привозили пленных из других районов Северного Кавказа, а они в свою очередь перепродавали их турецким покупателям.

Но вернемся к Хаджи-Берзеку – убыху, поднявшему восстание против русских, не позволивших ему установить свое господство над джигетами. Собрав более чем пятитысячное войско и соорудив «на каждом шагу» «прочные завалы», убыхи во главе с Хаджи-Берзеком надеялись защитить себя «от русских» и принудить, наконец, джигетов покориться. Однако российские войска, желая отстоять «своих подданных», поспешили к убыхам, прошли через завалы и неожиданно для горцев оказались в центре их страны. После трехдневных упорных боев и многочисленных жертв Хаджи-Берзек, видя бесполезность сопротивления, заявил оборонявшимся: «Теперь дерись кто хочет, а я еду домой»³⁴². После этого «дух убыхов значительно упал», и они вступили в переговоры. Командование считало военные действия против убыхов «успешными» и полагало, что в ходе этих операций ему удалось подорвать «прежнюю славу и влияние убыхов»³⁴³. Оно не обратило внимания на более важное обстоятельство – российские войска направля-

лись к убыхам, чтобы защитить джигетов, но в ходе боя оказалось, что эти самые джигеты были уже в лагере убыхов и вместе с ними держат оборону³⁴⁴. Несмотря на острый конфликт, убыхи для джигетов были несравненно понятней и ближе, чем русские.

Российские военные власти на Северо-Западном Кавказе были в столь сложном положении, что подчас даже самые «верные», казалось, решения на деле становились ошибочными, осложняя их отношения с горцами. Стремясь установить тесные контакты с ними, желая мирными средствами приглушить воинственность черкесов, командование не замечало как само, вопреки своей воле, толкало их на агрессивные действия.

Л. М. Серебряков, узнав о «враждебных» намерениях шапсугов, собиравшихся напасть на русские укрепления, осенью 1841 г. с отрядом войск сам направился к шапсугам. Он объявил им, что не собирается «разорять их жилища», а явился, чтобы ознакомиться с местностью. «Толпа шапсугов» «с доверчивостью» встречала отряд генерала и «проводжала его мирно», но, когда Серебряков уже стал покидать землю шапсугов, горцы открыли огонь³⁴⁵. Эти же шапсуги на следующий день стали «приходить» в Новороссийск «для торговли» и «с уверениями в своих мирных расположениях»³⁴⁶. В эти парадоксальные заверения командование верило. В том же рапорте, в котором сообщалось о нападении шапсугов на отряд Л. М. Серебрякова, генерал Анреп доносил, «что шапсуги, а еще более натахайцы оказывают много желания сблизиться с русскими»³⁴⁷.

Идеология «неприязни» к России здесь не имела «религиозных форм», как это было на Северо-Восточном Кавказе; отсюда проистекала неустойчивость черкесов во взаимоотношениях с российскими властями. Отношения войны и мира, мира и войны между российскими войсками и горцами Северо-Западного Кавказа производили своими «перепадами» странное впечатление, противоречившее подчас здравому смыслу. Возобновив осенью войну, черкесы и командование завершили ее таким миром, который осенние события обращали в бессмысленность. 19 декабря 1841 г. начальник береговой линии доносил о тесных взаимоотношениях командования с натахайцами³⁴⁸. Он писал о том, как старшины этого племени приезжали из «разных аулов», а также о том, как «почетные люди из отдаленных долин земли шапсугов (прибывали. — М.Б.) с мирными предложениями» и в Анапе, где располагалось русское укрепление, «в доме муллы» «совершали ночные

молитвы». В этом же доме обучались черкесские дети, взятые комендантом на воспитание³⁴⁹. «В случае сбора шайки» дальних шапсугов для набегов в окрестностях Анапы, сообщал генерал Анреп, натухайцы «извещали командование» и «не раз не пропускали» через свою территорию подобные «шайки».

Мирная реляция генерала этим не исчерпывалась. С гор в Анапу приезжали также женщины, к которым командование относилось «внимательно», оказывая им помощь в нужном³⁵⁰. «Многие» молодые натухайцы обращались к анапскому коменданту с просьбой принять их на воинскую службу. Полковник Ф. Ф. Рот, «соображаясь со своими средствами», взял 10 человек и сформировал из них конный конвой³⁵¹. Комендант был уверен, что желающих служить в российских войсках хватило бы на «эскадрон». На глазах русских генералов и офицеров происходили события, ранее немыслимые. Так, Л. М. Серебряков решился провести свой отряд из Новороссийска в форт Раевский и в Анапу через горские аулы. Он двигался ночью, а затем и днем. При одной переправе Серебряков встретил трудности, и к нему вышли горцы: «более почетные являлись... с пирогами, пастою³⁵², сыром и бузою³⁵³; простолюдины, с одними топорами» и усердно помогали солдатам, налаживавшим переправу³⁵⁴. «Число горцев было так велико, — подчеркивал Анреп, — что можно без ошибки сказать — тут было почти все окрестное народонаселение»³⁵⁵.

Выводы из этих фактов начальник береговой линии делал утешительные; он считал, что прежняя народная ненависть к русским, освященная торжественною клятвою, теперь у натухайцев решительно не существует, а у шапсугов «мало-помалу ослабляется»³⁵⁶.

Кто вы: друзья ли наши или враги?

Банальная мысль – в мире бесконечное множество тайн и таинств. Немало их было и в Кавказской войне. В одних только воинских традициях горцев, предстающих перед европейцами в образе «диких», присутствовали такие таинства, о которых было не принято говорить вслух: сакральный смысл их был неосознаем, но постоянно и незримо присутствовал, диктуя горцам свои правила поведения. Тайна власти, феномен социальной стихии, таинство молитвы – достояние ли это только нашего воображения, или же за всем этим – особые, но реальные формы «прорыва» инобытия в нашу земную жизнь? Неразгаданность таинства – в этом его незримая сила, заставляющая совершать невероятные, малообъяснимые вещи...

Противостояние горцев Северо-Западного Кавказа и России сводилось не только к военным событиям, вполне поддававшимся описанию и оценке. В нем было гораздо больше сложных явлений, «не терпящих» однозначных оценок и прямолинейных суждений. Как, например, объяснить такое: горцы в стихии набегов и войны подвергали русское население жестокому грабежу, расправлялись с мирными жителями или брали их в плен, превращая в «обычный товар»; а другая сторона в это время обсуждала вопросы оказания продовольственной помощи горцам и развития с ними торговых отношений? Не стоит преувеличивать для территориально необъятной Российской империи значение горных районов Северо-Западного Кавказа, где, кроме густых лесов (в которых Россия никогда не испытывала недостатка) и полунущих, на порядок отставших в историческом развитии племен (а их также было уже предостаточно в империи), ничего другого не ожидало «завоевателей». При всем при этом – что за фатальность? – Россия должна «освоить» край, обречена противостоять «диким» горцам и обязана видеть в них «своих», несмотря на жестокие перипетии войны...

России хорошо было известно, как поступали европейцы с индейцами, мешавшими им осваивать новый континент. Разве после разгрома Османской империи в 1829 г. российские войска были не в состоянии физически истребить горцев, все еще пользовавшихся луком и стрелой? Впрочем, и жестокого голода, наступившего в 1840 г. для горных черкесов, было достаточно, чтобы решить без единого выстрела черкесскую проблему. Такой же шанс Россия

имела зимой 1845-1846 гг., когда Черкесия вновь погрузилась в голод и нищету. Но оба раза Россия, с которой неистово воевали горцы, продолжала обсуждать вопросы установления с ними мира и оказания им продовольственной помощи – так, словно вины горцев в том, что происходит, вовсе нет, а есть лишь «дикость», и в ней – причина.

...Весной 1845 г., когда горные черкесы обсуждали вопросы организации войска и войны с Россией, наместник Воронцов обратился к военному министру Чернышеву с предложением о разработке нового проекта торговых отношений с горцами. Несмотря на серьезные меры, принятые в организации для голодавших черкесов льготной торговли в 1840 г., торговый оборот между горцами и Кавказской линией резко падал. По мнению наместника, главная причина снижения торговли (которая в некоторых местах «вовсе» перестала «существовать») заключалась в военных действиях³⁵⁷. Установлению торговых отношений мешали также карантинные меры и другие ограничения, существовавшие для горцев на Кавказской линии. М. С. Воронцов указывал также на соль как на единственный товар, сбываемый горцам. Отсутствием российской торговли пользовалось небольшое число армянских купцов, «далеких от мысли содействовать благой цели правительств»³⁵⁸.

В рамках «благой цели» предполагалось, «...действуя при производстве меновой торговли твердо и постоянно и отстраняя всякий при сей мене обман и налог... приобрести доверие горцев; приучить их к мирным сношениям с нами; показать совершенную необходимость сих сношений»³⁵⁹. Наместник поручил статскому советнику Швецову представить докладную «Записку» о состоянии торговли с горцами и проект организации меновой торговли на Кавказской линии. Изучив состояние торговли с горцами, Швецов пришел к выводу о ее «совершенном упадке». Даже там, где она в Закубанье поддерживалась, русская торговля утратила свою «политико-гуманитарную» направленность. Более того, согласно Инструкции от 1 июля 1842 г., торговые отношения с закубанскими горцами «были отнесены к статьям общественного дохода», поступавшего, как правило, в пользу Войска³⁶⁰. В результате для горных черкесов вводилась неравноправная торговля: пуд той же соли для казачьего населения стоил 17¹/₂ коп., а для горца – 35 коп., т.е. в два раза дороже³⁶¹.

Советник Швецов и Кавказский комитет, рассматривая вопрос о торговле с горцами, предложили вести свободную торговлю

одинаково для всех – казаков и горцев. Причем цена соли, например, понижалась для горцев до той, по которой она продавалась в Кавказской области. Открывались для горцев и новые меновые дворы, создавались условия для расширения с ними торговых отношений, в частности поощрялся вывоз из Черкесии леса, шерсти, кожи и других «произведений». Значительно раздвигались «границы» торговли: горцы получили право совершать поездки для торговых сделок во «внутренние» районы Кавказской линии, русские и казаки – ездить «за карантинную линию» и вести торговлю рядом с русскими укреплениями, близко расположенными к черкесам. Советник Швецов возражал на это, считая, что из-за опасности разбойных нападений горцев не окажется желающих ездить к пограничным с Черкесией меновым дворам. Но Кавказский комитет настаивал на другом – на приближении торговли к самим горцам³⁶². «Для меновых сношений с горцами» учреждался особый надзор за правильностью «торговых сношений» и «ограждения горцев от обмана и налога»³⁶³. Кавказский комитет выделял «особого» чиновника, занимавшегося торговым попечительством над горцами. Разработанный Швецовым и Кавказским комитетом проект был представлен правительству и утвержден императором³⁶⁴. Реализация его осложнялась набеговой активностью горцев и деятельностью Сулеймана-эфенди. Следует, однако, отметить, что в отличие от своего предшественника, запрещавшего черкесам всякое общение с русскими, в том числе торговое, Сулейман-эфенди «действовал осторожнее» – «только ограничил торговлю», но не стал ее запрещать³⁶⁵. К тому же при довольно «загадочных» обстоятельствах в августе 1845 г. Сулейман-эфенди покинул Черкесию. М. С. Воронцов, сообщая об этом императору, объяснял его «исчезновение» «верностью» России «кабардинцев и карачаевцев», не поддержавших наиба Шамиля³⁶⁶. К этому наместник добавлял «благоразумные» действия генерала А. С. Голицына и полковника Рихтера (начальника Правого фланга)³⁶⁷. Но есть еще более скупое, чем у наместника, сообщение о том, что еще в июне 1845 г. Шамиль писал Сулейману-эфенди, чтобы тот «поспешил» «вооружить» черкесов и не «мешкал» с этим, поскольку он, Сулейман-эфенди, «ему нужен»³⁶⁸. Если учесть, что наиб Шамиля, пребывая в Черкесии, «обнаруживал» немалые успехи в войне с русскими, то скорее всего отъезд его в Дагестан был связан не столько с положением в Закубанье, сколько с новыми планами Шамиля. Напомним: Даггинская экспедиция 1845 г.

принесла Шамилю не только победу, но и остро поставила перед имамом многие внутри- и внешнеполитические проблемы. Среди них особо важной становилась поддержка имамата со стороны соседних народов Северного Кавказа.

Возвращение Сулеймана-эфенди в имамат не было результатом снижения интереса Шамиля к событиям, происходившим на Северо-Западном Кавказе. Напротив, не исключено, что наиб Шамиля отозван был из Черкесии в связи с планами, связанными с широкомасштабным походом в Кабарду и к адыгам. В контексте такого предположения стоит обратить внимание на письмо Шамиля, адресованное «черкесским племенам»³⁶⁹. Оно датировано сентябрем 1845 г. и написано после встречи имама с вернувшимся Сулейманом-эфенди. Шамиль сообщает черкесам о своем намерении приехать к ним, созревшем у него сразу же после отправки своего наиба в Черкесию. В письме он ссылается на занятость летом 1845 г. и напоминает вновь о сражении со «множеством нечестивых сил», «увенчанном успехом». Шамиль выражает удовлетворение всем, что поведал ему возвратившийся из Черкесии Сулейман-эфенди. «Я вами весьма доволен», – писал он черкесам по поводу деятельности своего наиба и их военной активности³⁷⁰. После ряда наставлений («не бойтесь...», «не унывайте...», «не склоняйтесь на богатство»... и др.). Шамиль сообщает о главном: «Я в скором времени пришлю к вам вашего наиба и надеюсь, что буду иметь возможность видаться с вами и поговорить о делах основательным образом»³⁷¹. Шамиль не лукавил, он действительно готовился к походу на Северо-Западный Кавказ.

Между тем отъезд Сулеймана-эфенди и возникшие одновременно с этим острые хозяйственные проблемы уже в конце августа 1845 г. несколько приглушили стихию вооруженных набегов черкесов. М. С. Воронцов слал рапорт императору, сообщая, что «доселе здесь все спокойно»³⁷². Зимой 1846 г., как отмечалось, на горных адыгов обрушился голод. На этот раз командование решило не только оказывать продовольственную помощь горцам, но и воспользоваться их тяжелым положением и добиться у них «покорности». Генерал Н. С. Заводовский провел переговоры со старшинами абадзехов и заключил с ними договор, состоявший из 7 пунктов. «Договор» с абадзехами, означавший их присоединение «к числу верноподданных» российского императора, носил равноправный характер: он касался лишь внешних взаимоотношений абадзехов и России и никак не затрагивал внутреннюю

жизнь горцев. Основной смысл его сводился к «недопущению» «в свое общество» «никаких возмутителей спокойствия» – таких, как «Хаджи-Мухаммед и Сулейман-эфенди»³⁷³. Абадзехи брали на себя обязательство не совершать более на Кавказскую линию набегов, а в случаях, если бы они совершились, «то весь народ» «виновного» подвергал «наказанию по народному обычаю», а «все похищенное» «возвращалось» властям³⁷⁴. Стороны обязывались обмениваться «беглыми людьми» независимо от их социального положения. Абадзехам, пожелавшим совершить поездку в Россию «по всем» ее «губерниям» «по торговым или частным делам», выдавался билет, и это им давало право на передвижение по стране³⁷⁵. С целью установления тесных торговых отношений для абадзехов создавались по собственному согласованию меновые дворы.

В «секретном» рапорте генерал П. П. Ковалевский рассматривал договор с абадзехами как важный шаг к миру. «Теперь, – писал он, – безошибочно можно сказать, что весь абадзехский народ решил положительно быть в приятном к нам положении»³⁷⁶. Вместе с тем он подчеркивал, что договор между российским командованием и абадзехами «имеет дурное влияние на прочие народы» Закубанья³⁷⁷. По свидетельству генерала, никто из народов Черкесии «не хочет и не может понять великодушия» России, «с твердым терпением доказывающей» «выгоды, могущие произойти от мирной жизни»³⁷⁸. Ковалевский с нескрываемым удивлением доносил, что заключившие мирный договор абадзехи, несмотря на «страшный голод», на то, что им приходится покупать хлеб в русских станицах, «мелкими партиями» «постоянно тревожили Лабинскую линию»³⁷⁹. Весной и летом отряды абадзехов, достигавшие численности до 300 человек, совершали набеги на Кавказскую линию³⁸⁰. «На запрос», «почему» абадзехская сторона не выполняет «условий» договора, старшины вначале отвечали, «что молодежь трудно обуздать», затем, когда набеги приняли обычный стихийный вид, эти же старшины ссылались уже на другое – на разделенность абадзехов «на две партии: на желающих мира и желающих войны»³⁸¹.

По свидетельству абадзехских старшин, с ноября 1846-го и до весны следующего года в Абадзехии проходили «народные собрания», на которых обсуждался главный вопрос – «быть ли всем абадзехам в мире или в войне с русскими»³⁸². Между тем набеги абадзехов стали носить угрожающий характер для Кавказской

линии и русских поселений. Тот же генерал Ковалевский с тревогой сообщал командованию, что «держаться» против набегов в «оборонительном положении, чтобы защищать во всякое время каждый пункт, решительно невозможно»³⁸³. Российское командование строго придерживалось соблюдения с абадзехами мирного договора и не позволяло своим генералам и офицерам принимать к участникам набегов карательных мер. Сугубо оборонительная тактика командования, рассчитанная на установление с горными черкесами мира скорее воодушевляла горцев на наращивание масштабов разбойных нападений, нежели на поиски мирного урегулирования своих отношений с Россией.

В самом начале осени 1847 г. П. П. Ковалевский писал начальнику Кавказской линии Н. С. Заводовскому о «необыкновенном энтузиазме» и «неслыханной деятельности», с которыми абадзехи совместно с «шапсугами и убыхами» «принимали меры к составлению огромного сбора в несколько тысяч человек» для войны с Россией³⁸⁴. В связи с многотысячными сборами в поход, происходившими в Абадзехии, генерал Н. С. Заводовский обратился к старшинам с письмом. Оно, как и ответ на него старшин, отражало суть тех отношений, которые складывались между российскими военными властями, с одной стороны, и горными черкесами – с другой. Заводовский писал старшинам, заключившим ранее договор с командованием и давшим клятву, обещая соблюдение мира, что договор нарушается в главном его пункте – в прекращении вооруженных набегов на Кавказскую линию. Генерал указывал на факты нападения крупных абадзехских отрядов – от 300 до 700 участников – на Лабинскую линию, в частности «у Шалоховского поста», на «поселян ст. Лабинской»³⁸⁵. Заводовский выражал свое недовольство и по поводу заявления абадзехских старшин генералу Ковалевскому о том, «что те не могут более удерживать покушающихся напасть на русских»³⁸⁶.

Начальник Кавказской линии призывал: «Образумьте буйных, остановите забывающих свои клятвы. Разве вы не видите, сколько вам пользы от мира с нами, и разве мы в чем-нибудь нарушили свои обещания»³⁸⁷. Письмо генерала Н. С. Заводовского, однако, привлекает внимание другим. Требуя от абадзехов «ответа решительного», он поставил перед ними коренной вопрос, стоявший между Россией и горными адыгами. «Скажите мне громко, – спрашивал генерал, – кто вы: друзья ли наши или враги? Если скажете, что вы друзья, то докажите это делом: уймите разбойников,

живущих на вашей земле, и все останется, как было. Если скажете, что вы наши враги, то я сейчас закрою меновые дворы, а там – посмотрим, что будет»³⁸⁸.

Генерал Г. И. Филипсон писал, что Н. С. Заводовскому, своим происхождением считавшемуся «из простых», была присуща «хохлацкая простота»³⁸⁹. Со свойственной этой черте прямоотой генерал спрашивал абадзехов – за установление ли они между ними и Россией мира или же желают войны. Абадзехи были не менее чем Заводовский, откровенны: к отвечавшим генералу абадзехам присоединились шапсуги и убыхи. Ответное письмо начиналось с одобрения прямооты, с которой русский генерал сформулировал вопрос – «содержание» его «явственно вразумлено нашими понятиями», – подчеркивали горцы³⁹⁰. Было видно, что горцам пришлось «по нраву» генеральская откровенность и они отвечали на нее такой же откровенностью. «Мы не говорим лжи и не вправе этого делать в самых малых делах», – писали черкесы³⁹¹. Они ссылались на Шамиля, которому якобы передали «власть над» собой. Но в этом утверждении уже содержалась неправда. Обосновавшись в 1846 г. в Кабарде, имам ждал энергичных действий со стороны горных черкесов. Однако они проявили подчеркнутую сдержанность по отношению к походу Шамиля, поскольку из-за голода, свирепствовавшего в Черкесии, слишком зависели от России.

Неправда заключалась и в том, что ни в 1645 г., ни в 1846 и 1847 гг. командование не ставило перед горными черкесами требования о покорности; оно было слишком занято на Северо-Восточном Кавказе и, кроме того, понимало отношение черкесов к России. Между тем абадзехские старшины, до этого сами высказывавшие свое желание быть «верноподданными», в категоричной форме объявляли, что «никогда ни в чем» не «покорятся».

Что касается главного – вопроса войны и мира, то горцы-черкесы были предельно честны, говоря, что «мы ваши враги и будем вести с вами войну до тех пор, пока никого из нас не останется»³⁹². Письмо заканчивалось пояснением: «Мы, абадзехи, шапсуги и убыхи – все заодно в этом деле». Вполне было возможно, что ответное письмо горных черкесов писалось, как это бывало во второй половине 30-х гг., с участием заезжего «советчика».

В 1846 г. и в пору, когда составлялся ответ генералу Заводовскому, в Черкесии «появился польский офицер Адам Высоцкий»³⁹³, «с ним» «на контрабандном турецком судне» «прибыл еще другой из числа его же соотечественников и переводчик». «Высоцкий

привез с собою много машин и инструментов для» производства «пороха, оружия и разных огнестрельных снарядов». Он «обещал» горцам-черкесам «открыть у них металлы и соль, научить, как добывать все это»³⁹⁴. Адам Высоцкий и «сопровождавшие его» «называли себя англичанами» и призывали черкесов на войну против русских». Нет прямых свидетельств, что письмо черкесов, адресованное генералу Заводовскому, сочинялось с участием польского эмиссара или же еще кого-то, но, даже если бы так было, не стоит преувеличивать значение «стороннего» участника в составлении самого существа ответа. Письмо горных черкесов, в котором как основной тезис звучало желание «вести войну», выражало глубинное начало их общественной организации. Предпочтение войны миру было не столько знаком неприязненного отношения к России, сколько проявлением образа жизни, основанного на воинском укладе. Заключение мира так, как того требовала от горных черкесов Россия, означало бы прежде всего крушение исторически сложившейся внутренней жизни горцев, для коих война – не только ремесло, но и всеохватывающий пласт социальной культуры, в том числе и образ мышления.

Критерием оценки любого мужчины в таком обществе была его принадлежность к «военной касте», участие в военных походах, владение не только конем и оружием, но и искусством боя, сражения. Генерал Заводовский, ребром поставивший вопрос о мире и войне, получил от горцев искренний, предельно откровенный ответ. Общество, в котором существовал генерал, считало, что войну должно вести профессионально, во имя «политических» и «стратегических» целей. Общество горных черкесов исходило из другого: война и горец есть целостность, а все остальные обстоятельства жизни – нечто второстепенное. Такая ориентированность общества, как и ответ горных адыгов русскому генералу, – историческая данность. Она может подлежать лишь научной оценке, и никакой другой. Точно так же, как не подлежало суду требование, обращенное к горцам Северо-Западного Кавказа, «покориться», дабы добиться от них «мира».

Осенью 1847 г. главным вопросом, обсуждавшимся на собраниях абадзехов, была «война с русскими»³⁹⁵. В сентябре этого же года не только абадзехи, но все закубанцы отправили к Шамилю своих «депутатов» «с просьбой прислать к ним в наибы кого-либо из приближенных к нему чеченцев или лезгин, дабы распространить учение шариата и управлять ими в военных действиях» про-

тив России³⁹⁶. Отправившаяся к имаму делегация частью была «захвачена» российскими военными властями, частью «принуждена» была «бежать». Не исключено, что с помощью «бежавших» Шамиль узнал о просьбе закубанских черкесов³⁹⁷. В Абадзехи сторонники войны с Россией вели решительную борьбу с теми, кто не разделял их политическую позицию; противникам войны «угрожали» «страшным мщением и разорением»³⁹⁸. «Все абадзехи присягнули» в том, что «наказание смертью» постигнет «всякого», «кто» будет уличен в «сношениях с русскими»³⁹⁹. Сразу же после принятия такого решения публично были казнены «два лазутчика», служившие командованию⁴⁰⁰.

Несмотря на «военный психоз», которым были захвачены закубанцы, черкесское общество, находившееся на переходном этапе стадияльного развития, проявляло себя как социально неоднородное. Для него было естественным иметь разные политические ориентации, каждая из которых обладала собственной мотивацией. Абадзех Хаджи-Аджимов в письме генералу Ковалевскому сообщал: «Если ты спросишь о состоянии нашего народа, то скажу тебе, что наибольшая часть наших старшин и мудрых избрали вражду и войну с вами (русскими. – М.Б.); другие же, отвергая это, не хотят быть во вражде с вами, сколько позволяют им их силы и средства»⁴⁰¹. Об этом же писал наместник военному министру Чернышеву. По его свидетельству, в 1847 г. горные черкесы «были заняты спорами между высшими сословиями и простым народом»⁴⁰². М. С. Воронцов ожидал, что чем больше будет «усиливаться» «против дворянства неприязненное расположение простого народа», тем больше шансов станет для «склонения» знати к российской стороне.

Более обстоятельно социальную ситуацию обрисовал генерал А. И. Будберг. По его сведениям, начиная с весны 1847 г. среди нутхайцев и шапсугов развернулось «сильное демократическое движение против узденей»⁴⁰³. Напомним: в черкесском обществе взаимодействовали три социальных слоя – уорки (так называемые «дворяне»), фокотли, т.е. «старшины», они же «уздени», а также общинники, которых относили к «простому народу». Наиболее динамичным в социальном отношении слоем являлась «узденско-старшинская» знать, обнаруживавшая тенденции к общественному восхождению: она, с одной стороны, соперничала с уорками и находилась с ними в «противостоянии», с другой – имела притязания на общинников, стремясь к господству над ними. Старшинс-

кая знать была носителем антироссийских настроений, поскольку именно она, состоявшая из «военачальников» и «жрецов», выступала, как правило, организатором военных набегов на российскую линию. Несмотря на это, «старшинско-узденская» знать периодически, преследуя собственные интересы, вступала в тесные контакты с командованием; эти контакты часто носили «тайный» и временный характер. Так, весной 1847 г., когда среди черкесов бурно обсуждался вопрос о «войне и мире» с Россией, «около 60-ти узденей, желая возвратить» бежавших от них на русскую береговую линию «крестьян своих» и рассчитывая «приобрести другие выгоды, думали вступить в тайные от народа переговоры с черноморским начальством об изъявлении покорности» российскому правительству⁴⁰⁴. Но «народ» узнал о намерении узденей и «потребовал» «их к суду» на «народном собрании»⁴⁰⁵.

По свидетельству А. И. Будберга, «некоторые семейства узденей, избегая угрожавшей им опасности» от народа, «просили дозволения» у контр-адмирала Серебрякова «переселиться в Цемесское ущелье, под защиту Новороссийска»⁴⁰⁶. Судя по всему, черкесское узденство не являлось еще социально окрепшим сословием. Благодаря этому народу удалось наложить на него «тяжкий штраф», «собранный» с его «имущества»⁴⁰⁷. Генерал Будберг ссылаясь на «старшину» Ваха-Исмаила, имевшего «вес в народе» и считавшего, «что уздени одинаково вредны и народу», и русским, «занимаясь одними хищничествами, грабежами и воровством»⁴⁰⁸. По мнению генерала, именно «уздени» придерживались традиционной идеологии, признававшей набеги «воинской доблестью»⁴⁰⁹.

После совместного собрания нутухайцев и шапсугов первые говорили контр-адмиралу Серебрякову, что они «сильно против узденей, обвиняя их во всех внутренних смутах... и в отклонении народа от сближения» с Россией, «обольщая его надеждами на помощь турок, египетского паши и англичан»⁴¹⁰. Шапсуги также явились с отрядом к контр-адмиралу, прислав к нему своего представителя; высказав ему свое «расположение», они удалились, «стреляя из пистолетов» и «джигитуя» «дружелюбно»⁴¹¹.

По законам войны

По свидетельству Т. Лапинского, он и его команда «спустили якорь в Туапсе 27 февраля 1857»⁴¹². Установление этой даты очень важно, поскольку прибытие Т. Лапинского и его отряда в Черкесию не только обострило обстановку на Северо-Западном Кавказе, но и существенно повлияло на политику России по отношению к черкесской проблеме. Заметим, что дата – «ноябрь 1857»⁴¹³, приведенная в «Предисловии» к мемуарам Т. Лапинского Х. С. Кушковым как время, когда польский отряд «пристал» к черкесскому берегу, – ошибочна или, по меньшей мере, неточна.

Начиная с февраля и до осени 1857 г. события в Черкесии стали набирать скорость из-за активного вмешательства в черкесские дела Англии, Турции и вовлечения в эти события польского отряда. Еще накануне прибытия Лапинского в Туапсе, здесь, «близу ущелья Туапсе», около развалин укрепления Вельяминовского, произошло кровопролитное сражение между отрядами Магомета-Амина и Сафар-бея⁴¹⁴. Причиной его послужило разыгравшееся соперничество – «кому повелевает править турецкий султан в Черкесии». Непосредственным поводом к вооруженному конфликту явилось «объявление» Сафар-беем «народу, что он получил от турецкого султана две бумаги, из коих в одной дано ему повеление ниспровергнуть Магомет-Амина и соединить все горские племена в один народ», а в другой – извещение из Константинополя, «что в феврале месяце прибудет... на пароходах отряд в 4 тыс. чел. под начальством Исмаил-паши»⁴¹⁵. Сафар-бей, как и Магомет-Амин, нередко сами распускали слухи, «работавшие» на них. Но в этот раз Сафар-бей-паша говорил правду – еще в январе 1857 г. «при сборе горцев в Озерейском мехкеме» он своим слушателям сообщил о намерении турецкого султана направить в Черкесию 4-тысячный отряд, имея в виду польско-турецкие силы под командованием Т. Лапинского⁴¹⁶. Позже численность отряда стала значительно меньше из-за дипломатического давления Петербурга на Турцию. Сафар-бей как единоличный обладатель важной информации стремился до высадки «турецких сил» покончить с Магометом-Амином; он опасался, что прибывшие войска, призванные защищать черкесов от русских, станут помогать не только ему, но и его главному сопернику.

Как отмечалось, русский посол в Турции, сообщивший в Петербург о масштабных приготовлениях в Константинополе к вы-

садке в Черкесии крупных военных сил, фактически подтолкнул Петербург к экстренным оборонительным мерам на Северо-Западном Кавказе. В переписке официальных российских чиновников – письма шли из Константинополя в Петербург, из Петербурга в Тифлис, а из Тифлиса на правый фланг Кавказской линии – обсуждались вопросы, связанные с подготовкой к военному вторжению на Северо-Западном Кавказе. Генерал и обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса Карлгоф, например, запрашивал: «Занимая вновь Абхазию», «предполагаем ли мы в ней утвердиться, чтобы при будущих морских войнах не оставлять края без боя, или, напротив, имеется в виду всякий раз, когда сильный неприятель будет угрожать нам с моря, очищать край, подобно тому как было это в минувшую войну»⁴¹⁷.

Англо-турецкие приготовления к фактически новой войне на Северо-Западном Кавказе обострили и другой вопрос – экспатриацию черкесов, ставившийся еще в пору Восточной войны наместником Муравьевым⁴¹⁸; последний предлагал заселение Азовским казачьим войском «части Закубанского края». Генерал Бярятинский перед новой военной угрозой стал смотреть на этот вопрос более широко и жестко. По его мнению, «заселение части Закубанского края» (имелась в виду территория «между низовьем Кубани и Черным морем – места расселения натухайцев «до Адагума»⁴¹⁹) «может принести пользу» в таком только случае, если оно начнется и будет продолжаться в обширных размерах»⁴²⁰. В отличие от Н. Н. Муравьева, предлагавшего «изгнание натухайцев», А. И. Бярятинский формально не ставил вопрос так резко, но его меры – заселения Анапы, а затем «отнятия у горцев плоскости» – в сущности означали все ту же экспансию. В общем виде схема овладения территорией натухайцев как стратегически наиболее важной заключалась в вооруженном вторжении к натухайцам, насильственном покорении их и переселении на захваченную территорию казаков⁴²¹. На все это отводилось почти два года.

Уже в январе 1857 г., когда российские власти узнали о милитаристской суете в Константинополе, на Кавказе началась переписка, связанная с поселением в «окрестностях Анапы» и «на месте прежней станицы Благовещенской» 400 казачьих семейств⁴²². При этом переселялись семьи «охотников», способных обеспечить безопасность переселенцев. Вопрос об экспатриации обсуждался в связи с угрозой новой войны, однако на его разрешение никто в командовании особых надежд не возлагал. Слишком близки были

сроки начала войны, чтобы осуществить подобные планы. Тем не менее, нельзя было недооценивать сам факт обсуждения проблемы, что, несомненно, порождало «идеологию» полного отторжения «черкесского мира» от российского.

Серьезны были военные меры, принимавшиеся командованием к обороне от союзных войск. Однако сохранение в случае войны Анапы генерал Филипсон считал невозможным. Он допускал перспективу овладения «союзными войсками» побережьем Черного моря и Азовским морем и предлагал закрепиться на Темрюковском направлении, где бы российские силы могли противостоять «десятикратно» превосходящим войскам противника. Генерал Филипсон также допускал, что союзники ограничатся «содержанием» в Черкесии «флибустьерских отрядов», т.е. десантированием «англо-польского легиона»⁴²³. Видя явные сложности такой акции «союзников», он совершенно справедливо признавал, что «пребывание в земле горцев отряда европейцев с артиллериею, хорошим ручным оружием и с изобилием в боевых припасах, сделает совершенный переворот в этом крае»⁴²⁴.

Г. И. Филипсон – один из наиболее образованных и деятельных генералов – в начале 1857 г. сообщал командованию важные сведения об обстановке вокруг Черкесии. Некоторые из них касались «замышленной высадки» англо-польского легиона. Так, лазутчики доносили ему, что Магомет-Амин, возвращаясь из Турции «на английском пароходе», находился в компании «большой свиты», сопровождавшей двух английских генералов»⁴²⁵. Один из последних, «в больших эполетах», в феврале 1855 г. «бомбардировал Новороссийск»⁴²⁶.

Сообщение о Магомете-Амине и английских генералах было вполне правдоподобно. «Дымовой завесой» могло являться другое – «извещение» о том, что наиб Шамиля вез абадзехам «бумагу», согласно которой Турция отказывалась «от кавказских горцев», призывая их «признать власть Франции или Англии»⁴²⁷. Сама «бумага» подобного содержания вполне могла существовать, но с той, возможно, целью, чтобы с помощью Магомета-Амина, на которого в Турции смотрели как на второстепенное лицо, снять с себя в глазах России ответственность за предстоящие военно-политические события. Как бы то ни было, Магомет-Амин серьезно относился к этой «бумаге» и подверг ее обсуждению с абадзехскими старшинами⁴²⁸. На последних чтение ее «произвело сильное» впечатление⁴²⁹. Многие старшины «с негодованием говорили, что султан

хочет продать горцев франкам», и они «обратились за советом» к Сафар-бею, как наиболее близко стоявшему к главе Турции. Но паша решил воспользоваться ситуацией и направить возмущение старшин против Магомета-Амина⁴³⁰.

Старшинская знать, не принявшая «совета» Сафар-бея, стала высказывать предложение «истребить Магомета-Амина со всеми франками, которые при нем находятся, и решительно покориться русскому царю»⁴³¹. В 1857 г. в связи с усиливавшимися приготовлениями к войне и втягиванием горцев в острые ближневосточные противоречия черкесы постоянно обращались к поиску «надежных» внешнеполитических ориентиров. При этом ни один из этих ориентиров не мог рассматриваться предпочтительным – в смысле нахождения устойчивой поддержки среди узденской знати. Отсутствие стабильной политической ориентации, объяснявшееся острыми внутричеркесскими противоречиями, позволяло крупным державам переносить свое соперничество в Черкесию, превращая ее в международное политическое поле и тем самым угрожая горцам тяжелыми последствиями. Являясь игровым полем для великих держав, Черкесия была не в состоянии постичь козни матерых политиков и дипломатов, приводивших по-горски наивных черкесов в смятение. Даже «бумага» Магомета-Амина, достоверность которой горцы не могли проверить, вызвала неадекватные последствия. Она не только заставила черкесов вновь думать о внешнеполитической ориентации, но и крайне обострила внутренние противоречия: по свидетельству генерала Филипсона, «с того времени вражда между Сефер-беем и Магометом-Амином усиливается»⁴³².

Любопытно: имея в виде внутренней социальной базы главный источник противоречий, лидеры черкесов в борьбе между собой широко использовали внешнеполитический фактор. Сафар-бей и Магомет-Амин, также внимательно следившие за внутренним и внешнеполитическим барометром, в зависимости от «показателей» последнего меняли не только тактику борьбы, но и свои внешние ориентиры. Так, Сафар-бей, видевший ориентированность старшин на Россию, спешил сообщить российскому командованию, «что управляет горцами для их собственной пользы, как природный горский князь», а сын его, Карабатыр, изъявил «желание приехать для свидания и переговоров» с командованием⁴³³.

Надеясь на поддержку российских властей в борьбе с Магометом-Амином, Сафар-бей запретил горцам, ему подвластным, со-

вершать набеги в русские пределы⁴³⁴. Со своей стороны Магомет-Амин, не находя себе союзников, кроме англичан и французов, и веря в скорую войну, «ручается народу, что русские весною оставят Анапу и вообще Закубанский край, требует к себе Сефер-бея и собирается сделать вторжение в землю шапсугов»⁴³⁵.

На тот момент Магомет-Амин был особенно настроен против России из-за того, что «по настоянию» русского посольства он, до этого находясь в Турции, был арестован «и отправлен в ссылку в Дамаск»⁴³⁶.

В январе – начале февраля все вероятней становилось скорое прибытие в Черкесию отряда флибустьеров. «Сомнительным» считалось положение Англии, державшей свой флот в Черном море⁴³⁷. Неизвестным оставалось, пойдет ли Англия на разрыв с Россией и начнет ли против нее войну или же ограничится военной помощью десантированным в Черкесию отрядам. В том и в другом случае обстановку на Северо-Западном Кавказе наместник Барятинский расценивал как тяжелую, требовавшую от России изменения планов. Он считал, что «содержание» союзниками «флибустьерских отрядов» в Черкесии «вынуждает» его «избрать другие меры, более решительные»⁴³⁸. К ним он относил: 1. «Обратить все средства на занятие долины Адагума несколькими укреплениями», т.е. вместо возведения укреплений на узкой полосе морского берега разместить их во внутренней Черкесии. 2. «Сильным занятием Адагумской линии» «отделить натахайцев от шапсугов». 3. «Вторжением во внутреннюю Черкесию российские войска отдалятся от огневой мощи флота союзников» и вместе с тем будут держать «самых горцев в постоянной тревоге»⁴³⁹. 4. Созданием Адагумской укрепленной линии добиться экономической и политической блокады, при которой «местное население» должно было «или безусловно покориться, или совсем покинуть край»⁴⁴⁰.

Свой «предвоенный план» наместник обосновал не только надвигавшейся военной опасностью, но и долговременным опытом политических и экономических связей России с Черкесией. В частности, он указывал, что годами длившиеся надежды «склонить» черкесов «к покорности выгодами мирной жизни и торговли к тем переворотам во внутреннем быте их, который происходит в племенах полудиких от близкого соприкосновения их с народом образованным... ожидания» России «не оправдались»⁴⁴¹. А. И. Барятинский ссылался также на изменившееся для России положение на Черном море, где ни одна из стран, заключивших Парижский

договор, не соблюдает его статей и где, собственно, находились флоты всех участников Восточной войны. Сроки введения войск в Черкессию и создания Адагумской военной линии наместник относил на 1858 г. В текущем 1857 г. он предусматривал подготовительные работы. Однако А. И. Барятинский допускал любые изменения в планах – все зависело от международного положения Северо-Западного Кавказа.

За неделю до высадки отряда Т. Лапинского в Туапсе наместник направил в Петербург письмо военному министру Сухожанету. Судя по его содержанию, российское командование, знавшее о военной суе Англии и Турции в Черном море и среди черкесов, готовилось к продолжению Восточной войны. При всей оборонительной системе в рамках приготовлений к большой войне Россия не собиралась уступать своих позиций на Северо-Западном Кавказе. Напротив, наращивая вооруженные силы, она разрабатывала планы разрешения черкесской проблемы, в третий раз втягивавшей ее в военный конфликт⁴⁴².

Как отмечалось, Лапинскому не удалось десантировать в Черкесии 4-тысячный отряд, как это планировалось вначале. Его небольшие силы, доставленные на двух судах в Туапсе, предполагали серьезное пополнение за счет самих черкесов. В сущности, Англия и Турция войну с Россией перекладывали на горцев. Роль же отряда Лапинского заключалась в организации военных сил черкесов на основе европейских средств вооружения и внедрения новых тактических методов ведения войны. На деле речь шла о превращении Черкесии в поле основных сражений, а черкесов – в пушечное мясо для достижения чуждых им внешнеполитических планов.

Однако Лапинский и его отряд, прибыв в Черкессию, оказались в сложном положении. Сами по себе, без широкого участия горцев, они не представляли для российского командования никакой угрозы. Проблем же с мобилизацией черкесов на войну с Россией было немало. Среди них главной было наличие в Черкесии двух противостоящих друг другу партий. Сафар-бей предлагал Лапинскому «заключить с ним союз и отправиться на север Черкесии» против Магомета-Амина⁴⁴³. Польский флибустьер еще раньше знал о расколе среди черкесов, но не предполагал, что он столь глубокий. До приезда Измаил-паши, собиравшегося доставить в Черкессию боеприпасы, он не соглашался примкнуть к какой-либо из двух главных партий. Вообще, Лапинский не очень одобрял чер-

керский политический раскол и по определению не думал участвовать во внутренних столкновениях черкесов. Его главным девизом было: «Пойду туда, где этого потребует присутствие русских»⁴⁴⁴. Стоит подчеркнуть и другое – ни польский отряд, ни его командир не преследовали никаких миротворческих миссий даже тогда, когда черкесы, на время забывшие о войне с Россией, втягивались в жестокую внутреннюю междоусобицу и когда польские легионеры своим посредническим участием могли снять напряжение. Их единственная задача заключалась в нанесении по возможности сильнейшего вооруженного удара по российским войскам.

Около трех месяцев понадобилось Т. Лапинскому, чтобы дислоцироваться и при посредничестве Сафар-бея, все еще надеявшегося «на войну с Магометом-Амином», мобилизовать черкесские силы. В начале апреля 1857 г. из Константинополя к нему поступили боеприпасы⁴⁴⁵, и он был готов к началу военных операций. К будущим сражениям с русскими немалый интерес проявили местные жители: 17 апреля к Адагуму прибыли 2 тыс. всадников и пеших черкесов. «При известии, что загадочные чужестранцы хотят принять участие в сражении с русскими», возник своего рода ажиотаж – к Лапинскому присоединились еще 3 тыс. нутхайцев⁴⁴⁶. Любопытством и повышенным интересом к себе объяснял Лапинский сборы значительного ополчения.

На самом деле подобные военные сборы в обществе с традиционной военно-демократической организацией не являлись результатом призыва к походу, который предложил черкесам польский командир. Особо стоит отметить: Лапинский, внимательно всматривавшийся в черкесскую жизнь и написавший «замечательную книгу о Кавказе»⁴⁴⁷, так и не смог проникнуть в столь отдаленный мир, каким для него являлся черкесский. В первом же бою с русскими он столкнется с одной из «черкесских тайн»; увидев ее, он останется до конца своей жизни в недоумении.

Однако об этом позже, сейчас же – о военном совете, состоявшемся 18 апреля⁴⁴⁸. Накануне заседания военного совета, в котором участвовали черкесские старшины, Лапинский ознакомился с расположением российского отряда – объекта своего нападения. У него как у военного специалиста уже был план военной операции, предполагавший полный разгром противника.

В самом начале заседания совета черкесские старшины обратились к Лапинскому и заявили, «что они полностью передают» ему и его подчиненным руководство военной операцией и что они

«готовы делать все, что» он найдет «лучшим»⁴⁴⁹. Но Лапинский, желая утвердиться в глазах черкесов как военачальник, не стал первым знакомить старшин со своим планом операции, а предпочел выслушать вначале черкесских предводителей. В своих мемуарах Лапинский, чтобы скрыть эту маленькую хитрость, подчеркнул, что он «предпринял эту первую экспедицию больше от скуки и любопытства»⁴⁵⁰. Черкесские предводители изложили свой план нападения на российский отряд.

Горская тактика ведения боя принципиально отличалась от европейской, в частности австрийской, которой владел Лапинский. Не согласившись с планом черкесских предводителей, польский офицер изложил свой план. Для того времени он был «классическим»: артиллерийский обстрел противника, затем кавалерия и пехота вступают в бой. Эта известная схема была тесно привязана к местности. Лагерь русского отряда располагался на левом берегу Кубани в открытой местности. На расстоянии пушечного выстрела от него «растянулся полукругом высокий и густой лес». На левом крыле лесного полукруга Лапинский расположил в «засаде» пеших воинов численностью 6 тыс.; при первой же команде они должны были «вырваться в атаку и немедленно вступить в рукопашный» бой «с авангардом» русского лагеря. С правой стороны на лагерь должна была напасть черкесская конница. Пехотой командовал наемник – курдский князь Фарас-бей⁴⁵¹. Сам Лапинский, который, согласно плану, начинал сражение с двумя пушками и отрядом прикрытия (300 воинов), расположился в центре лесного полукруга.

Выслушав в сущности безупречный план Лапинского, при котором отряд русских больше напоминал медведя, выбравшего себе место максимально удобное для охотников, черкесские предводители согласились с новым своим командиром. Но согласились из вежливости: по свидетельству самого Лапинского, он «не заметил» «большого удовлетворения» планом, «напротив», командир увидел, что «на лицах стариков и молодежи было написано недоверие»⁴⁵².

Особенность военно-демократического общества заключается в его некоей «завершенности», в наличии в нем собственной внутренней гармонии, не терпящей чуждых ему правил. Черкесское общество представляло собой классический образ военно-демократической организации общества, в котором война являлась и ремеслом, и идеологией, и частью народной культуры. Лапинский,

конечно же, не мог понять, что своим сценарием будущего сражения он пытается вторгнуться в «святая святых» – в организацию войны, которую черкесы рассматривали как данное им богом занятие. Вспомним, что черкесы не соглашались также с тактикой набега, которую в первое время предложил Магомет-Амин – опытный предводитель вооруженных набегов. Общество Магомета-Амина и общество черкесов стадильно были однотипны, но вместе с тем являли собою разные модели одной и той же стадильной структуры. По-своему вели свою войну не только черкесы, но и чеченцы и дагестанцы.

Но вернемся к Лапинскому, расположившемуся на правом берегу Кубани и с лесного массива открывшему пушечный обстрел русского отряда. С первыми же выстрелами из пушек черкесы стали пристально наблюдать за «попаданием в цель». Некоторые из них забрались на деревья, чтобы лучше наблюдать за артиллерийской канонадой Лапинского. Производя артподготовку, польский полковник дал команду флангам вступить в бой после двенадцатого пушечного выстрела; по замыслу Лапинского, после этого, участив огонь, по расстрелянному противнику должны были ударить с флангов пехота и конница – и русский отряд будет сломлен... Но ни пехота, ни конница черкесов не шли в атаку. Лапинский, бросив свою позицию, поскакал к черкесам. Он приказывал, «гнал их вперед, молил, угрожал», но «все было напрасно»: всегда мужественные, отчаянные черкесские воины «кричали и неистовствовали, но» «в атаку не шли»⁴⁵³. В отличие от Лапинского, жаждавшего пролития крови русских и довольствовавшегося именно этим, черкесы никогда не предпринимали походов только ради человеческих жертв. Окажись в русском лагере, по которому польский офицер вел артиллерийский огонь, военная добыча, черкесы сами научили бы Лапинского, как нужно действовать. Впрочем, когда русские войска развернулись в сторону, откуда шла стрельба, и натолкнулись на засаду, черкесы вступили в бой.

Первая же военная операция показала, сколь далеки были интересы Лапинского и его наемного отряда от судеб черкесских племен. Вместе с тем этой неудавшейся военной операции было достаточно, чтобы зажечь пожар войны в Черкесии, напоминавшей пороховой погреб Северо-Западного Кавказа. Не надеясь более на черкесов, Лапинский обратился с прокламацией к полякам, которых немало было не только в русских войсках, но и в качестве дезертиров в самой Черкесии. Но его отряд, насчитывавший 190

человек, пополнился незначительно. Наместник Барятинский издал приказ, согласно которому с каждым попадавшим в плен из отряда Лапинского обращались бы как со «шпионом»: предавали военному суду и приговаривали к смертной казни⁴⁵⁴.

Возможно, подобная мера серьезно помешала вербовке европейских участников для войны с Россией. Но в поисках желающих воевать в Черкесии, где каждый взрослый мужчина был профессиональным воином, не было необходимости. Задача состояла только в одном: поймать тонкую струну в душе черкеса и задеть ее так, чтобы проникнуть в его «загадочный мир»...

Польскому кондотьеру это удалось. В черкесском воинском мире, как и во всех военно-демократических обществах, погибший в бою воин вознаграждался особыми почестями, для чего существовал свой особый ритуал. Интересная подробность: когда хоронили черкесских воинов, погибших в первом бою, проведенном под командованием Лапинского, польский офицер снял свой головной убор. Этот жест черкесы, как правило, не снимавшие головной убор в подобных случаях, отнесли к особым почестям и, обнажив головы, последовали примеру «командира». Стоит учесть, что на похоронах присутствовали 10 тыс. воинов⁴⁵⁵. Даже меткая стрельба из пушек «по русским» не имела того эффекта, какого Лапинский – случайно для себя – достиг одним жестом, позволившим ему приблизиться к традиционной идеологии черкеса. Заметив свой «успех», Лапинский «приказал дать в честь павших орудийный выстрел». Этот жест также был новым – его расценили как отдавание особо высокой чести погибшим; после пушечного выстрела «внезапно все абазские (черкесские. – М.Б.) воины без всякой... просьбы разрядили свои ружья в память о своих новых погибших боевых товарищах»⁴⁵⁶. «С этого момента, – справедливо писал Лапинский, – отношение» черкесов к польскому отряду «совершенно изменилось»⁴⁵⁷. Через неделю на зов польского кондотьера к военным сборам к нему явились «5 тыс. конных и 12 тыс. пеших» воинов⁴⁵⁸. Вскоре он провел еще один бой: трехкратно превышавшие численность русского отряда, силы Лапинского заставили русских отступить⁴⁵⁹. Так черкесы, ранее совершавшие набеги, к которым российская сторона была уже привычна, вовлекались в опасную для них войну.

Т. Лапинский был не единственным из тех, кто в его отряде выполнял роль профессионального военного кондотьера и мобилизовывал черкесов на войну с Россией. Российская сторона,

придававшая значение десанту иностранных легионеров в Черкесии, рассматривая это действие как пролог к большой войне, внимательно следила за каждым новым шагом этого отряда. Повышенный интерес к последнему объяснялся и другим обстоятельством: правильная военная организация черкесов и снабжение их европейскими видами оружия сами по себе были достаточными факторами, чтобы Россия столкнулась с серьезными военными и политическими проблемами на Кавказе.

Информацию об отряде, в котором Англия и Турция видели своего рода центр, призванный решать организационные и снабженческие функции черкесских войск, командование на Кавказе и Петербург получали из разных источников, вполне компетентных. Так, первоначальные сведения о польском отряде русский посол в Турции Бутенев получил от самого Фергат-паши (Штейна), немецкого барона-ренегата, которого в начале прочили в «начальники экспедиции»⁴⁶⁰. Генерала Филипсона, наказного атамана черноморского казачьего войска, снабжал сведениями о польском отряде Исхак Схабо – сын самого Сафар-бея, молочный брат Карабатыра⁴⁶¹. Правда, лазутчик генерала нередко давал ложную информацию: так, сообщая о численности отряда Лапинского, высадившегося в Туапсе, сын Сафар-бея утверждал, что он сам при этом «присутствовал» и что «численность (отряда. – М.Б.) простирается до шести тысяч человек»⁴⁶². Немало внимания польскому отряду уделяла европейская пресса. Кстати, уже тогда в печати (например, «Independence Belge» N 58, 1857 г.) высказывалась идея о том, что польские флибустьеры высадились на Кавказе, чтобы оказать горцам помощь в войне с русскими. «Идеология оказания вспомоществования кавказским горцам» являлась всего лишь дымовой завесой, прикрывавшей истинные планы Англии и Турции, этих главных вдохновителей черкесской войны⁴⁶³.

На пороге «новой фазы войны»

Петербург и российское командование получали информацию, нередко преувеличенную, из которой некоторое время в России не могли понять – началась ли большая война, или же идет только подготовка к ней. Так, русский посол Бутенев накануне прибытия отряда Лапинского в Черкесию, ссылаясь на Фергат-пашу, сообщал, что в Константинопольском порту находится судно «Аслан» под турецким флагом (капитан – Костанди Кабадани), «приготовленное к отправлению на черкесские берега»⁴⁶⁴. Судно было нагружено следующими боеприпасами: 1600 центнеров пушечного пороха, 1 тыс. центнеров пуль, 40 ящиков «с оружием» и «пять-шесть орудий малого калибра»⁴⁶⁵. Нетрудно представить, о каких масштабах войны должны были думать в Петербурге и на Кавказе, читая депешу Бутенева. Не исключено, что английская сторона, рассматривавшая Черкесию как ахиллесову пяту России на Кавказе, намеренно подпитывала милитаристский психоз, заставляя тем самым Россию приступить к широкомасштабным военным заказам. Из-за обострившейся в Черкесии военно-политической обстановки Россия приобрела у Англии и Франции 5 паровых судов и заказала еще 6 таких же судов⁴⁶⁶. Подчеркнем, что все 5 купленных паровых судов были направлены на Сухумский берег Черного моря для усиления боеспособности Черноморского флота⁴⁶⁷. Александр II, обычно не вмешивавшийся в сугубо, воинские проблемы Кавказа, стал отдавать кавказскому командованию личные распоряжения, касавшиеся подготовки к обороне: «к началу войны» император требовал укомплектовать полки 13-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся на Северо-Западном Кавказе, обещал направить «один казачий полк», поручал повысить обороноспособность укрепления на Керченском проливе и др.⁴⁶⁸

Несколько позже наместник, знавший о пребывании «англо-польского» отряда в Черкесии, консультировался с министром иностранных дел Горчаковым по поводу возобновления российского крейсерства на Черном море⁴⁶⁹. Необходимость нового введения крейсерства А. И. Барятинский мотивировал многими обстоятельствами, однако поводом к обсуждению этого вопроса послужил все тот же злополучный отряд Лапинского, о котором несколькими днями раньше наместник получил новые сведения от русского посла Бутенева⁴⁷⁰.

Имело значение и обращение к А. И. Барятинскому управляющего дипломатической канцелярией К. Ф. Лелли, уведомившего наместника о невыполнении турецким правительством условий Парижского договора и о продолжении поставок оружия и боеприпасов для горцев. Управляющий считал, что восстановление крейсерства было способом уменьшить военную опасность для России⁴⁷¹.

Заметим: если Англия добивалась созданием милитаристской суеи заполучить у России выгодные военные заказы, то турецкие власти, отличавшиеся непритязательностью, видели в Черкесии, прежде всего, крупного поставщика живого товара. Туда отправлялись оружие и боеприпасы, обратно турецкие суда везли, как правило, рабов. Тот же управляющий дипломатической канцелярией Лелли сообщал наместнику, что «пленопродавство на границе» «не только не прекращается, но оно даже поддерживается многими из турецких высших сановников, в том числе и главнокомандующим анатолийскою армиею»⁴⁷².

Значительные грузы оружия, амуниции и продовольствия, предназначенные для отряда Лапинского и черкесов, воюющих с Россией, не доходили до адресата, а сбывались на черкесском рынке⁴⁷³. Более реальную помощь этому отряду оказывал парижский «Отель Ламбер» и его завсегдатай Замоийский⁴⁷⁴. Польским флибустьерам деньги и оружие поставляло также тайное черкесское общество, созданное в Лондоне⁴⁷⁵. В начале лета 1857 г. русский посол в Турции сообщал, ссылаясь на уведомление английского министра, «об отправлении в Константинополь корабля «Африканец» с ящиками» оружия, «адресованными на имя Тура»⁴⁷⁶. Последний был «венгерским эмигрантом и агентом тайного английского общества, поддерживающего сношения с черкесами»⁴⁷⁷. Почти одновременно наместник на Кавказе доносил министру иностранных дел России о прибытии в Геленджик «двух кочерм», «на коих» в Черкесию были доставлены «6 орудий, большой запас пороха, свинца, снарядов» «и несколько человек флибустьеров»⁴⁷⁸.

В Черкесии, в долине Адерби, находившейся «в 8 верстах от Геленджика, был расположен главный склад боевых запасов: отсюда «постепенно перевозили боеприпасы» «на урочище шепсугур»⁴⁷⁹. Несмотря на это, в Синоп, а затем в Константинополь выезжал Магомет-Амин, чтобы «уведомить некоторых высокопоставленных лиц» Турции «о том крайнем критическом положении, в котором находятся горцы, и о неурядице гибели всех их планов,

если не последует со стороны друзей немедленная и положительная помощь»⁴⁸⁰. Магомет-Амин сообщал также, что «высаженные на черкесский берег поляки смущены таким положением дел» и некоторые из них «оставили край с твердым намерением более никогда уже не возвращаться»⁴⁸¹.

В своих мемуарах Т. Лапинский сетовал на нехватку оружия, продовольствия, денежных средств и других условий, необходимых для ведения войны с Россией. Он сообщил, что ввел среди черкесов подати, собирал пошину якобы для покупки продовольствия и оружия.

Вместе с тем российское командование на Северо-Западном Кавказе испытывало военное давление горцев, по ночам открывавших пушечную стрельбу и за одну ночь производивших до 100 выстрелов только из пушек⁴⁸²; по данным командования, у отряда Лапинского было 9 орудий разных калибров, обслуживавшихся одними флибустьерами⁴⁸³. Резко изменилась огневая мощь черкесов за счет доставки им «значительных партий» ружей. Российские власти отмечали большое количество иностранных судов, причаливавших «беспрепятственно» в Туапсе, Пшаде, Геленджике и Новороссийске. Только в начале мая 1857 г. в Новороссийск прибыло 2 двухмачтовых судна, 27 кочерм, доставивших грузы для отряда Лапинского и черкесов, в Геленджик и Пшада – «столько же»⁴⁸⁴. Было очевидно, что на поставках в Черкесию и на войне черкесов с Россией наживался не только Измаил-паша «главный почтальон Турции, как то утверждал Лапинский, свою выгоду получали и в Лондоне, и в Константинополе, и в Черкесии. Не исключено, что и сам профессиональный кондотьер, постоянно приbedнявшийся и выставлявший себя в мемуарах бессребреником, не оставался внакладе.

Приближая черкесов к трагическому финалу и сколачивая крупные состояния, организаторы войны в Черкесии муслимовали одну и ту же ложь – о помощи горцам в их борьбе с Россией. Стяжательство и форменный международный бандитизм, обрушившиеся на Черкесию в связи с прибытием польского отряда, втягивали горцев в острые внутренние противоречия, искажавшие закономерные общественные процессы. Лапинский свидетельствовал, как Сафар-бей, его сын и Хаджи-Измаил, собиравшие подати у шапсугов якобы «для войны», а на самом деле лично для себя, довели дело до «общего восстания на реке Антхыр»⁴⁸⁵. 4 тыс. черкесов во главе со старшиной Хонтоху угрожали Сафар-

бею, «главному борцу с Россией», расправой⁴⁸⁶. Потребовалось 8 дней, чтобы улеглись внутренние распри, грозившие черкесам гражданской войной⁴⁸⁷. Т. Лапинский досадовал, что из-за этого конфликта он недополучил податей – «с 21 800 дворов лошадей, скот и зерна» от шапсугов⁴⁸⁸.

Как заурядную байку стоит рассматривать рассказ Лапинского о том, как Карабатыру, которого польский кондотьер считал «безголовым», удалось выпросить у него «печать», с помощью чего он собрал податей на «876 серебряных рублей» и «ушел в горы», не показываясь Лапинскому «на глаза» некоторое время⁴⁸⁹.

На фоне воинского ажиотажа, внесенного отрядом Лапинского в черкесскую жизнь, старшинская знать занималась разорением рядовых общинников. Страсть к наживе и открытый разбой в отношении собственных соотечественников проявляли те же «главные защитники» черкесов от России – Сафар-бей и его сын Карабатыр, сподручные Лапинского. Последний хорошо знал, по какой причине происходили в Черкесии внутренние распри.

Об этом были осведомлены также в российском командовании. Одно из таких столкновений генерал Филиппсон описывал Милютину, начальнику штаба в Тифлисе. По сведениям генерала, в июне 1857 г., когда Карабатыр потребовал от нутухайцев «хлебного сбора, лошадей или быков» «для возки орудий и зарядов, он получил резкий отпор»⁴⁹⁰. Этого было достаточно, чтобы завязалась вооруженная схватка, во время которой под Карабатыром была убита лошадь⁴⁹¹.

«Война с Россией», объявленная в Черкесии флибустьерами, торопила Сафар-бея и его сына в собирании собственности и власти. В том же 1857 г. Сафар-бей совершил нападение на шапсугов, не признававших его власти; не добившись успеха, он довольствовался ограблением нескольких шапсугских аулов⁴⁹². Важно учесть, как бы ни обостряла объявленная европейскими наемниками война с Россией внутричеркесские противоречия, их не стоило рассматривать только в качестве результата этой войны. Причины социальных столкновений, участвовавших в связи с военными действиями отряда Лапинского, имели более глубокие корни и были связаны с особенностями стадийного развития черкесских обществ.

Война подходила к новой своей фазе. Но сначала еще несколько слов о первом ее этапе. Поверхностное, а порой и легкомысленное отношение к событиям, происходившим после Ад-

рианопольского мира на Северо-Западном Кавказе, породило представления о том, будто Россия, ведшая войну с черкесами, натолкнулась на храбрость и стремление горцев к независимости, а потому великая держава более полувека не могла их покорить. Примерно в таком контексте выполнено большинство работ, вышедших в последние годы на Северном Кавказе. На самом деле после Адрианопольского мира 1829 г. и вплоть до 1857 г. между командованием российских войск и горными адыгами сложились уникальные отношения, ничего общего не имевшие с той тривиальной их трактовкой, о которой упомянуто выше. Две-три попытки начать войну с Россией горцы, недовольные возведением на береговой линии русских укреплений, прервавших черкесско-турецкую торговлю, предприняли в 40-е гг.; и эти попытки были жестко пресечены командованием.

Уместно напомнить известную истину: при подготовке к войне важно, прежде всего, оценить поведение различных социальных групп, сословий или классов и установить, чьим интересам война больше всего отвечает. Уникальность взаимоотношений черкесов и российского командования на Кавказе заключалась в том, что каждая из сторон была заинтересована в «формальной войне» и была «против» ее скоротечного окончания. За исключением двух-трех вооруженных нападений, когда черкесы действовали крупными силами, все другие их вылазки не могли быть отнесены к военным действиям, поскольку их главной целью являлась исключительно добыча; подобные набеги, как отмечалось, черкесы предпринимали и на другие соседние территории, и внутри самой Черкесии. Набеги для горцев – промысел, важнейшее средство накопления собственности, ведущей к феодализму. «Идеология вражды» с Россией под знаком русофобии – это своеобразный «духовный инструментарий», выступающий как неотъемлемая часть все той же набеговой практики. Главными вдохновителями и идеологами в организации набеговой системы являются представители старшинской знати. Они за торговые и экономические отношения с Россией, но при этом являются наиболее последовательными противниками любой формы мира, поскольку примирение с Россией ведет их к потере главного для знати занятия – набегов на богатые казачьи станицы Кубани. После Восточной войны и заключения Парижского договора осталось, казалось, гораздо меньше оснований для идеологии противостояния: не стало береговой линии, являвшейся для черкесов барьером в торговле «жи-

вым товаром» с Турцией, отменено было российское крейсерство на Черном море – турецкие и другие иностранные суда фактически свободно бороздили воды. Но именно в этот послевоенный период старшинская и «княжеская» знать, опасаясь мира с Россией, сравнительно легко вовлекается в европейскую войну с Россией.

К этой новой войне особый интерес проявили «варяг» Магомет-Амин и абориген Сафар-бей, для которых она обещала немало новых выгод. Для них, как и для старшинской знати, «идеология вражды» с Россией (а не сама по себе война) была наиболее привлекательной стороной в российско-черкесском противостоянии. Благодаря этой идеологии, а также затяжному характеру «войны» с Россией (в чем оба лидера были крайне заинтересованы!) Магомету-Амину и Сафар-бею не пришлось, как например, Шамилю, решать сложные, основанные на исламских установлениях, идеологические проблемы. Наряду с этим внутренняя социальная стадильность черкесских обществ была такова, что Магомет-Амин и Сафар-бей оказались в русле двух разных по форме, но одинаковых по социальной сути феодальных течений. Оба – крупные феодальные собственники, в равной мере нуждавшиеся в сильном внешнем покровителе и в установлении своей «княжеской власти». Главная проблема, ежедневно их занимавшая, состояла, как уже отмечалось, не в «войне» с Россией, а в сохранении ее «перманентного состояния»: находясь в состоянии феодального междоусобного противоборства, каждый из них мечтал о продлении «войны с русскими» и о победе над своим соперником, чтобы возглавить Черкесию и безраздельно в ней господствовать.

В социальном смысле сложности на Северо-Западном Кавказе испытывал командный корпус России. Бесспорно, Петербург желал скорейшего разрешения черкесской проблемы – овладением Черкесией и восточным побережьем Черного моря Россия закрепляла за собой все другие важные для нее военно-политические завоевания в Закавказье. Но серьезным препятствием к достижению этой цели было, с одной стороны, противостояние горцев, с другой – вмешательство Англии, Турции и Франции, превративших Черкесию в тугой узел международных противоречий.

Наряду с этим у Петербурга был свой собственный внутренний, едва заметный, противник скорого окончания войны. Им был командный корпус российской армии. Господствовавшее среди командного состава войск лихоимство, стяжательство и честолюбие, связанное с получением новых чинов, воинских званий, – из-

за всего этого Кавказская война в немалой степени принимала затяжной характер. За исключением отдельных генералов, командный корпус правого фланга положительно воспринимал вялость российских действий в Черкесии, что давало ему возможность пользоваться всеми «благами» «войны с черкесами». Оттого нигде на Кавказе не были так заинтересованы в продолжительной войне, как на правом фланге Кавказской линии.

Разумеется, речь идет не о том, что здесь, на правом фланге, собирались особо злостные «казнокрады», а о тех условиях, которые самим государством были созданы. О них, этих условиях, весьма любопытные сведения приводил офицер и этнограф М. И. Венюков, служивший на Кавказе и оставивший нам свои «Кавказские воспоминания»⁴⁹³. Он рассказывал о генерале В. А. Геймане, немце по происхождению, с которым сам тесно общался, когда тот был еще полковником. По характеристике военного этнографа Гейман отличался честностью, вечно «страдал безденежьем»: в полку на него была распространена карикатура, на которой он открывает полковой денежный ящик, а из него вылетают воробыи... В то же время доходы полкового командира – по расценкам середины XIX в. – составляли огромные суммы: лично Гейман в год имел доходы от 20 до 25 тыс. руб., остальные же, как правило, получали больше – от 27 до 28 тыс. руб.⁴⁹⁴

Официально казенное содержание полковника в год выражалось в 4 тыс. руб. Другая доходная часть полкового командира состояла из следующих казенных денег, отпускавшихся на нужды полка: 1. Из остатков «фуражных денег на лошадей полкового обоза», коих в трехбатальонном полку было по 250. По свидетельству Венюкова, если бы даже «полковой командир хотел кормить лошадей, больше находившихся на подножном корму, как положено зерном, он бы это зерно не смог достать, между тем на каждую лошадь в год отпускали 60-70 руб. Из них 50 руб. в виде «экономии» доставались командиру, что выходило в сумму – 12 500 руб. в год. 2. От военных палаток, через каждые полгода подлежащих замене, если полк считался в непрерывном походе; отметим, все полки правого крыла относились к «палаточным», т.е. пребывавшим в походе. Вместе с тем все они размещались в «шалашах или домах», построенных при возведении казачьих станиц. Стоимость одной палатки составляла 18 руб., в полку их было 270, доход от них полковой командир имел в 7300 руб. 3. От содержания больных солдат. В походных условиях на дневное содержание

больного отпускалось «15-17 коп. и даже более» казенных, практически при дневном расходе на него «самое большее» уходило 3 коп., остальная сумма доставалась полковому командиру. Это давало ему доход в размере в 8-10 тыс. руб. в сезон⁴⁹⁵. Необходимо учесть, что правое крыло Кавказской линии – это местности лесистые и заболоченные, по этой причине летом и осенью здесь болела лихорадкой большая часть состава.

Очевидно, что для полковых командиров – и не только для них! – так называемая «черкесская война» была сущим Клондайком. Следует принять во внимание, что полк и его командир явились важнейшим звеном при выполнении военных операций. Именно эти полковые командиры, а не чиновники в Петербурге решали, сколько и как должна продолжаться «война» на Северо-Западном Кавказе. Они же определяли характер карательной экспедиции, предпринимавшейся обычно в ответ на набеги черкесов и представлявшей собой еще одну важную статью доходов полкового командира. Как и у горцев, совершавших набеги, у российских полковых командиров на правом фланге Кавказской линии существовала четко сложившаяся система раздела «военной добычи». По свидетельству М. И. Венюкова, весь захваченный у черкесов скот распределялся на «разряды»: «бараны отдельно, телята и мелкие бычки отдельно и, наконец, крупный рогатый скот отдельно»⁴⁹⁶. Последний «разряд» шел в основном в «пользу полкового лазарета» или же «для обработки полковых пашен», заведенных на Кубани; «весь прочий скот» раздавался по частям войск.

Только внешне «военная добыча» полка подвергалась справедливому распределению. Между тем и она, добыча, также вела к выгодной экономии казенных расходов, поступавших к полковому командиру. По этой причине крайне строги были правила сложившейся системы раздела военной добычи. Венюков описал, как тот же Гейман, уличивший солдата в сокрытии барана, приказал нанести виновному 300 палочных ударов, при этом сам полковник, наблюдавший за исполнением своего приказа, каждый удар сопровождал возгласом: «Хорошенько!»

Совершенно очевидно, что за десятилетия тесное и весьма непростое взаимодействие, сложившееся между черкесами и российским командным корпусом, создало своеобразный русско-черкесский «мир». В нем обе стороны, находясь в «постоянном» противостоянии, а иногда и воюя, в равной мере «оберегали» его

как некую историческую реальность. Нельзя было, однако, не заметить, что «мир» этот выдался крайне хрупким, потому что образовали его слишком разные и слишком подвижные общественные системы – крепостническая Россия накануне крупных буржуазных преобразований и военно-демократическая Черкесия на стадии вызревания новой социальной структуры. Сама по себе проблема разрешения «черкесского узла», как в целом и Кавказской войны, не могла оставаться для России на уровне 1830 г. Она «перезрела» также и для черкесов, после 50-х гг. XIX в. переживавших самый сложный этап общественного излома. Пожалуй, по этим причинам российско-черкесский «мир», основанный на военно-политическом противостоянии и отживших свой век источниках материальной субстанции (казнокрадство, грабеж, набеги и пр.), напоминал снежную глыбу, способную легко превратиться в горную лавину. Стоило отряду кондотьеров появиться в Черкесии, а Турции и Англии приступить к поставкам вооружения и продовольствия горцам, как десятилетиями существовавший в неподвижности «мир противостояния» стал перерастать в войну между Россией и Черкесией.

Г. И. Филипсон, один из глубоко мыслящих русских генералов, служивших на Западном Кавказе, легко заметил глубокие перемены, происходившие в 1857 г. на Северо-Западном Кавказе. Уже летом этого года, после второй вооруженной вылазки отряда Лапинского и ополчения черкесов, он писал начальнику штаба Кавказского корпуса Милютину о том, что в Черкесии начались события «особенной важности»⁴⁹⁷. По его оценке, «снабжение горцев оружием и всеми военными средствами, доступными только современной европейской образованности, приняло вид системы»⁴⁹⁸. Генерал предсказывал, что «последствия нового порядка вещей», который несла с собой международная «система», «не трудно» было «угадывать» в неотдаленном будущем⁴⁹⁹. Он указывал прежде всего на технические и политико-тактические новшества, привносившиеся в отношения между Россией и Черкесией. По свидетельству Филипсона, ранее российско-черкесское взаимодействие основывалось главным образом на тактике «обороны», достаточно эффективной, поскольку горцы не располагали артиллерией. Стоит отметить: трофейные экземпляры русской артиллерии у черкесов были, но они ими не пользовались, так как применение пушек во время набега, требовавшего высокой динамичности, практически оказывалось невозможным. Начавшаяся

весной 1857 г. война черкесов во главе с Лапинским технически оснащалась Англией – «артиллерией, ракетами и штуцерами в изобилии»⁵⁰⁰. Безвозмездно горцы получали «воинские припасы» и «все необходимое» для ведения войны с Россией⁵⁰¹.

Немаловажную роль играла полная реорганизация тактики ведения боя, прежде приспособленной лишь к набегу, и освоение самой современной европейской методики ведения боевых действий. Генерал Филипсон считал, что эти новшества – в сочетании с воинственностью горцев – не только разрушали привычное русско-черкесское взаимодействие, но и ставили под угрозу весь Юг России. Этот факт принципиально изменившейся ситуации генерал Филипсон называл «новой фазой войны», грозившей серьезными последствиями: по его оценке, «сотня конгреговых ракет, пущенных ночью из-за Кубани», могла «обратить в пепел Екатерینодар»⁵⁰². Помешать такому сценарию развития событий на Юге России у Кавказской линии и командования на Кавказе не было достаточных средств.

Планы и проекты российского командования

Генерал Г. И. Филипсон, выступавший в роли главного, пожалуй, советника А. И. Барятинского по черкесской проблеме, был сторонником установления тщательного наблюдения и контроля над восточным берегом Черного моря, куда прибывали военные грузы из Англии и Турции. Наместник предлагал Филипсону изучить другой план, согласно которому в расчет брался наиболее выгодный вариант и для горцев, и для России. По мысли Барятинского, следовало открыть «горским племенам» максимальный торговый простор, вплоть до «торговли живым товаром» – «женщинами и детьми», но под российским контролем и запретом провоза оружия и боеприпасов⁵⁰³. «Под контролем» понималось следующее: прибывшие на восточный берег иностранные суда «осматриваются», а затем с российскими представителями отправляются к черкесам «для обмена своих товаров на горские произведения». Тем самым командование в Тифлисе предполагало «смягчать нравы» и «ослаблять дикую воинственность»⁵⁰⁴.

Как видно, генерал Филипсон и наместник, а с ним и Милютин говорили о черкесской проблеме на разных языках, меж тем как сама эта проблема вступала в новую стадию своего разрешения. Предположение Барятинского было вполне разумным, если бы оно было заявлено черкесам сразу же после заключения Адрианопольского мира. В новых условиях, когда в войне были заинтересованы не только Англия, Турция и флибустьеры, но и Сафарбей, Магомет-Амин и старшинская знать, вполне «созревшая» к установлению своей власти над общинниками, идея наместника звучала как анахронизм. Чтобы представить внутреннюю Черкессию, где крайне накалились социальные противоречия, достаточно упомянуть только об одном: за короткое время Магомет-Амин привел в личную феодальную зависимость до 1 тыс. общинников⁵⁰⁵ и уже в 1855 г. получил от турецкого султана чин «мирмирана» и «патент на начальствование всеми племенами от Черного моря до Чечни»⁵⁰⁶. Генерал Филипсон, естественно, не разделял с командованием устаревший тезис о том, что свободный доступ к восточному берегу Черного моря европейских торговцев будет способствовать «покорению горцев». Сам наместник не был уверен, что его предложения по Черкессии достаточно продуктивны, и

обращался к Филипсону с просьбой еще раз продумать «важную» проблему⁵⁰⁷.

Обсуждению подвергался и другой вопрос – организация российского крейсерства на Черном море. Его несколькими месяцами раньше поднимал А. И. Барятинский. С этим он обращался в Петербург, в частности к министру иностранных дел. А. М. Горчаков не поддержал довоенную систему организации на Черном море крейсерства, тем более идею «о формальном дипломатическом» объявлении блокады восточного берега. Выход он видел в другом – в введении на бывшей торговой линии обычных «административных мер», направленных на соблюдение «карантинно-таможенных постановлений»⁵⁰⁸. Не согласившись с министром, наместник апеллировал к великому князю Константину Николаевичу, но и тот объяснял, что крейсерская блокада берега невозможна в связи с тем, что по Парижскому договору Россия не имела права держать в Черном море более 2-3 корветов «зараз» – количество, явно недостаточное для морской блокады⁵⁰⁹. Возможно, с подачи Горчакова, против блокады берега Черного моря и заодно Черкесии приводился еще один любопытный аргумент: «в блокадном положении объявляется берег неприятельской земли», но и берег Черного моря, и самих черкесов Петербург не относил к «неприятельским». В связи с этим считалось, что горцы не воюют с Россией, а находятся в положении «восставших»⁵¹⁰. Зайдя «в канцелярский тупик», наместник и начальник штаба согласились с мнением Горчакова, но одновременно дали понять Филипсону, чтобы генерал против иностранных судов продемонстрировал что-нибудь «весьма решительное и блестящее»⁵¹¹.

Не получив еще этих распоряжений, Филипсон предложил командованию проект новых административных положений, вводимых для черкесов, восточного берега Черного моря и иностранных судов. Они отличались «демократическим либерализмом» в отношении горцев, коим разрешались выдача бесплатных заграничных паспортов и провоз товаров без таможенного досмотра. Торговым же судам производилась выдача письменных «дозволений», без взимания каких-либо пошлин, к тому же устранялись все мелкие придирки и проч.⁵¹² К каждому из этих и других пунктов – а их было 16 – Филипсон приводил не только свою аргументацию, но и в ряде случаев исторические справки – традиционность, например, для черкесов продажи людей в Турцию и на Ближний Восток (что не рассматривалось ими как нечто предосудительное), поезд-

ки в Мекку и т.д. Вместе с этим он оставался сторонником введения блокады⁵¹³, однако не той, которая существовала до Крымской войны, а более жесткой и эффективной⁵¹⁴. При этом он полагал, что вопрос о блокаде не стоит решать «дипломатически», а следует просто объявить о ней иностранным державам. Даже после разъяснения ему позиции министра иностранных дел и великого князя, а также распоряжений Барятинского генерал Филиппсон запрашивал, нет ли возможности официально пригласить правительства европейских держав и высказать им просьбу, чтобы они объявили своим подданным о неприятностях, которые могут произойти от незнания вводимого на берегу Черного моря административного режима⁵¹⁵.

В то время, когда Петербург и командование на Кавказе были заняты политико-дипломатическими и правовыми аспектами черкесской проблемы, Лапинский и его польско-черкесские отряды развивали свой военный успех. Судя по всему, наряду с нанесением российским войскам вооруженных ударов, Лапинский строил планы, связанные с овладением восточным берегом Черного моря, где он в ряде мест ввел свою систему пошлин и создавал опорные оборонительные пункты. Один из них он расположил в Геленджике – в наиболее посещаемой иностранными судами тихой гавани. Здесь он возвел «некий род батареи» с тремя тяжелыми орудиями⁵¹⁶. Генерал Филиппсон, выполняя поручение Барятинского, разгромил «укрепление» Лапинского, захватил три орудия и разогнал его отряд. В своем рапорте начальству штаба генерал назвал Лапинского «начальником контрабандистов». Это немало оскорбило кондотьера, очевидно, ожидавшего, что его будут вспоминать как освободителя горцев.

Рапортом Филиппсона Лапинский был раздражен еще и по другой причине: неожиданное появление российского десанта застало его врасплох, и он второпях оставил свои вещи, в которых содержался «патент» «на чин полковника», присвоенный ему на пути в Черкесию на пароходе «Кенгуру» Магометом-беем (Баня), венгерским кондотьером. Геленджик интересовал Лапинского не столько как укрепление со стратегическим значением, сколько как пункт взимания пошлин с прибывавших сюда торговых судов. Поэтому, рискуя еще раз быть поверженным, он возобновил здесь огневую точку⁵¹⁷.

Однако уже осенью 1857 г. Лапинскому все же пришлось расстаться с Геленджикским укреплением. На этот раз за орудиями,

установленными здесь, явились шапсуги, рассматривавшие их как «натухайские» (а с натухайцами они конфликтовали)⁵¹⁸. На геленджикском берегу оставались турецкие лавки, в которых продавались – наряду с обычными для того времени товарами – ружейные боеприпасы. Небольшой десантный отряд русских войск пытался прекратить эту торговлю, но в защиту палаток выступил крупный отряд горцев⁵¹⁹.

Было очевидно, что береговая линия, а не только Геленджик находится под пристальным наблюдением Лапинского и его черкесских отрядов. Ясным для командования становилось и другое – войну, организованную польскими наемниками и горцами под эгидой Англии и Турции, будет не просто остановить. Т. Лапинский и его главный соратник Магомет-бей (Баня), ранее намечавшийся командующим «добровольческих войск», хорошо видели нерешительность российского командования, действия которого носили слишком эпизодический характер и не имели сколько-нибудь серьезного успеха. Было также заметно, что в Петербурге, а, следовательно, и в Тифлисе не желают снова вступать в противостояние с европейскими державами. Этим пользовались организаторы военных действий в Черкесии, уверенность в успехе которых была достаточно высока. Только заметной растерянностью российских властей и самоуверенностью кондотьеров можно было объяснить предложение Магомета-бея, сделанное им еще летом 1857 г. российскому командованию. Тогда от имени Сафар-бея, Карабатыра, Магомета-бея (Мегмет-паша, Баня) и Хаджи-Измаила (Хаджи-Исмаил) к полковнику Левашеву обратился «горец» Ацик Мустафа, доставивший от них письмо для командования⁵²⁰. В письме российской стороне предлагались переговоры по поводу признания Россией самостоятельности натухайцев, которые бы управлялись «наследственным князем из туземцев под верховным владычеством императора всероссийского»⁵²¹. Таким образом, от российской стороны требовали отказа от Адрианопольского договора и признания практического преимущества в Черкесии и на Черном море Англии и Турции. Становилось очевидным, что, предоставив самостоятельность одному из племен, в данном случае натухайцам, необходимо было бы поступить так же и с другими горцами Черкесии. Уступив Черкесию, занимавшую на Западном Кавказе особое географическое положение, Россия как минимум значительно снизила бы свое реальное влияние на Юго-Западный Кавказ, а также на побережье Черного моря. В Петербурге расцени-

вали «письмо» как турецкую инициативу, поскольку в нем наряду с другими подписями стояла также подпись Измаил-паши – «главного почтальона» Турции⁵²².

К осени 1857 г. выявилась основная военно-политическая канва, в русле которой должны были развиваться события в Черкесии по сценарию Англии и Турции. Особенно настораживали непрекращавшиеся поставки оружия и боеприпасов. Донесение императорского консула послу Бутеневу о перевозе на турецком бриге «Дерваш» оружия и пороха в Черкесию, казалось, переполнило чашу терпения командования, так и не находившего реального пути выхода из создавшегося положения. На борту судна были поляки и черкесы, сопровождавшие груз. Накануне черкесы побывали у английского консула в Трапезунде Стивенса, наставлявшего их, как лучше доставить груз⁵²³. Набирала темпы сама война. Еще в первой половине августа из Адагума, «где все время на форпостах стояли 300 всадников и 800 человек пехоты», шапсуги двинулись «против русских» и приступили к «канонаде»⁵²⁴. Это отмечал сам Лапинский, создавший в Черкесии постоянно действовавшие войска.

После этих событий А. И. Барятинский вновь стал поднимать вопрос о военном контроле берега Черного моря и об усилении российских морских сил не только на побережье, но и вдоль всей границы, которую наместник указывал от Западной Грузии и до Азовского моря. Обращаясь к военному министру Сухожанету, он доказывал, что «берег этот не есть неприятельский и принадлежит нам неоспоримо по трактатам», а стало быть, на него не распространяется международное право⁵²⁵. Развивая эту мысль, наместник настаивал на признании черкесов «не воюющей» стороной, а «восставшей». А следовательно, считал Барятинский, Россия «может и должна принять такие меры, которые всякое правительство имеет право принимать в пределах своих владений для поддержания существующих карантинно-таможенных постановлений»⁵²⁶. Но Петербург по-прежнему или медлил, или же занимался изучением правовых норм, существовавших у других государств по применению военной силы на контролируемом ими морском берегу⁵²⁷.

В этих довольно сложных обстоятельствах, когда командование на Кавказе не имело определенных политических решений по черкесской проблеме (а последнюю Петербург все еще рассматривал фактически как международную), наместник по-

ручил Главному штабу Кавказских войск, лично его начальнику Д. А. Милютину, разработать демографические средства выхода из черкесского тупика. Смысл поручения наместника об усилении притока русского населения на Кубань как продолжение идеи Александра II заключался в создании из переселенцев сильного казачьего кордона, с помощью которого Россия покончила бы с войной и «покорила» черкесов⁵²⁸. Одновременно предполагалось «выходцев из Кавказских гор» «и вообще той части туземного народонаселения», которая была бы потеснена в «своем земельном довольствии», переселить на Дон⁵²⁹. Докладывая императору проект А. И. Барятинского, начальник Главного штаба, очевидно, имевший свой собственный взгляд на черкесскую проблему, помимо «Записки» на имя Александра II приложил «Дополнительное пояснение» к ней⁵³⁰.

Согласно «Записке», численность населения в Кавказском казачьем войске увеличивалась на «58 тыс. мужского пола»⁵³¹. Однако сложность такого масштабного переселения заключалась в том, что при уже сложившемся распределении земли, когда на одного казака приходилось 30 десятин, существовал острый недостаток земли – «около 1 миллиона десятин»⁵³². То есть при дополнительном заселении края 58 тыс. душ с одновременным разрешением земельного вопроса (ликвидация земельной нехватки) потребовались бы еще дополнительные 2 740 тыс. десятин земельных площадей⁵³³.

Генерал Филипсон, хорошо знавший казачий быт, видел выход в сокращении размера надела: вместо существовавших 30 десятин довести его до 15 на одного казака. По его мнению, казаки на Кубани и на Северном Кавказе не столько нуждались в земле, сколько в рабочих руках. В «Записке» отмечалось: чрезмерно большие участки земли, которыми наделялись казаки, серьезно повлияли на соотношение основных отраслей их хозяйства; указывалось, в частности, что казаки стали заниматься преимущественно скотоводством в ущерб земледельческой отрасли экономики⁵³⁴. Приводился пример с черноморскими казаками, имевшими наделы по 17 десятин и не жаловавшимися на недостаток земли. Предполагался и способ перераспределения земли: не меняя земельных владений полков, коим «земли даровал император», пополнять казачьи полки переселенцами так, чтобы происходило естественное перераспределение полкового надела.

Переселением значительной массы населения Барятинский думал решить две задачи: за счет переселенцев установить новое

«разделение очередей для наряду на службу» и тем облегчить казачеству правого фланга выполнение воинских обязанностей; водворением казаков на передовых линиях правого фланга добиться прочного утверждения российской власти на Северо-Западном Кавказе. На языке наместника его цель озвучивалась следующим образом: «Подвинуть вперед великое дело завоевания Кавказа и в то же время облегчить тяготы службы, лежащей на линейном казачьем войске»⁵³⁵. Более трудным, чем перераспределение земли, считался ответ на вопрос, «откуда взять ту массу населения», которая требовалась «для прочного занятия обширных» равнин⁵³⁶.

Размещение будущих переселенцев предполагалось «в пространстве между Адагумом, Кубанью и Черным морем» и, с другой стороны, «между рекою Белою и верховьем Кубани»⁵³⁷. Барятинский знал, что Черноморское и Кавказское казачество правого фланга не располагает «резервом», которым возможно было бы заселить «новые» территории. Сомнительным считалось и другое – поиски многочисленных желающих переселиться на «Кубань» из внутренних российских губерний: даже при наличии таких масс населения их как малоопытных и не знакомых с местными условиями пришлось бы селить в «тыловых» станицах, а жителей последних перемещать на передовые «рубежи», что создало бы немало других сложностей.

Традиционно Кавказская линия пополнялась и укреплялась за счет общекавказского казачества. Только с 40-х гг. XIX в. из этого «резерва» было переселено на «передовые линии 4258 семейств»⁵³⁸. Вместе с тем Донское казачество за это время «дало всего 702 семейства»⁵³⁹. В проекте Барятинского Донское казачество рассматривалось как основной источник пополнения казачьих полков правого фланга. Учитывалась, прежде всего, многочисленность его населения: если Кавказское казачье войско насчитывало около 14 тыс. душ, то Донское – 290 тыс. Во внимание принималась и занятость на военной службе: на правом фланге Кавказской линии каждый седьмой житель служил в казаках, на Дону – каждый одиннадцатый. По расчетам Барятинского, половину новых переселенцев «на Кубань» (из каждой станицы «по 150 семейств») должны были составить донские казаки⁵⁴⁰.

Стоит отметить: ориентация на Донское казачество как на основной резерв, пополнявший казачество правого фланга, вызывалась не только названными выше мотивами, на которые указывалось в «Записке» наместника. На Дону Барятинский предполагал

создание для горцев «особых колоний», своими благоприятными условиями привлекательных для заселения⁵⁴¹. «Мы должны, – считал наместник, – всеми средствами поощрять это стремление» горцев, «даровать выходцам возможные льготы и пособия, подчинить их быт порядку, наиболее примененному к народным их обычаям, и в особенности не подавать им ни малейшего повода опасаться зачисления в казачье сословие»⁵⁴². Переселенческий процесс Бярятинский представлял себе как постепенный⁵⁴³; от себя добавим – по мере завершения военных операций на Северо-Западном Кавказе.

«Дополнительное пояснение» к «Записке» наместника, представленное Д. А. Милютиным Александру II, было озаглавлено как «План покорения Северо-Западного Кавказа»⁵⁴⁴. Политически и даже терминологически «Пояснение» Милютина отличается от «Записки» Бярятинского, хотя в составлении той же «Записки» принимал участие начальник штаба. По Милютину, «завоевание края», т.е. Кавказа, «производится одним из двух способов – или покорением местных жителей с оставлением их на занимаемых землях, или отнятием у жителей земель и водворением на них победителей»⁵⁴⁵. По мысли начальника штаба, в покорении Кавказа Россия использует оба способа. Выбор способа и его применение к конкретному народу или племени зависели от уровня социальной организации. Первый способ, как считал Милютин, применялся «преимущественно к племенам и обществам, управляемым наследственными властями или аристократией», «за которыми мы стараемся утверждать поземельное владение для упрочения собственного нашего господства в крае». Второй – к тем «демократическим племенам, не имеющим ни властей, ни общественного порядка, для покорения которых представляется невозможным соглашение с целым народом»⁵⁴⁶.

К «аристократическим племенам» Милютин относил народы Закавказского края, «многие дагестанские владения», Кабарду, Осетию и «некоторые другие части» Кавказа, жители которых – в основном «высшее сословие» – «удержали за собою свои земли»⁵⁴⁷. К «демократическим» автор «Пояснения» причислял «полудикие племена» «за Кубанью и Терекон», т.е. черкесов, ингушей и чеченцев, в землях которых Россия продвигается вперед и «на отнимаемых у них землях» создает казачьи поселения⁵⁴⁸.

Очевидно, что Милютин, желая обосновать свой проект разрешения черкесской проблемы, исторически не совсем точно изла-

гал вопросы переселения горцев и создания казачьих поселений. Последние изначально возникали на «свободных землях». Что касается ингушей и чеченцев, то они, напротив, получали земли на Северном Кавказе от российских властей. Впрочем, вполне было возможно, что Милютин, касаясь народов «за Тереком», имел в виду более позднее время, когда российское правительство приступило к новому перераспределению северокавказских земель.

Далее, излагая «историю покорения» Кавказа, автор «Пояснения» напоминал императору о том, что «постепенное завоевание земель на северной стороне Кавказского хребта» довело Россию «с одной стороны, до Лабы, с другой – до Сунжи», но покорение края еще не кончилось⁵⁴⁹. Видя в продвижении России на Кавказ две разные формы завоевания, Милютин склонен был в политике России обнаружить два разных «требования», «которые», на его взгляд, «одно с другим смешивать не должно»: там, где дело идет о покорении жителей, должны «за покорением следовать заботы» о гражданском устройстве, «а где отнимается у неприятеля земля и жители стесняются далее к горам, там надобно заселять отнимаемые земли, без чего и самое завоевание их не имело бы никакой цели; для заселения же земель нужны переселенцы»⁵⁵⁰.

Причисляя вейнахские и черкесские племена к враждебно настроенным к России, Милютин считал возможным для правительства принять два разных решения. Для вейнахов, переселившихся «на Сунжу» и оказавшихся по своей воле в открытом пространстве, он допускал «покорение» «без общего перемещения туземного населения»⁵⁵¹. Но подобный «порядок» разрешения черкесской проблемы начальник штаба признавал «невозможным»⁵⁵². В обоснование этого он указывал на разрозненность черкесских племен, «тысячелетнюю привычку к безначалию, вольности и легкомысленной подвижности». По мысли Милютина, эти «черты» черкесов не позволяли надеяться, чтобы их когда-нибудь было возможно подчинить «правильному устройству и законным властям»⁵⁵³.

В связи с этим заметим: черкесы были как раз на той стадии общественного развития, когда у них обнаруживался достаточно высокий спрос на государственную реорганизацию традиционных форм власти: вспомним, как требовательно абадзехи обратились к Шамилю, чтобы он прислал им наиба, способного установить у них «правильное общественное управление». Но в отношении черкесов у Милютина более весомым является другой аргумент. Приведем его полностью: «К тому же эта часть Кавказа (Запад-

ный Кавказ. — М.Б.) представляет обширное поле для тайных политических происков европейских наших врагов, которые всегда будут подстрекать легкомысленных черкесов к бесконечной борьбе с нами и, в случае открытой войны, каждая враждебная нам держава найдет на восточном берегу Черного моря усердных союзников»⁵⁵⁴.

Милютин был уверен, «что в западной стороне Кавказа» Россия не сможет «упрочить свое владычество» без занятия «самой страны массою русского казачьего населения»⁵⁵⁵. Конкретизируя свою мысль, он указывал, что пространство Северо-Западного Кавказа должно «заселиться казаками азовскими, черноморскими и донскими»⁵⁵⁶. Черноморским и Донским казачеством начальник штаба думал занять «внутренность края», т.е. Черкесии⁵⁵⁷. Речь при этом у Милютина шла не о единовременной депортации, а о постепенном — «в течение нескольких лет» — военном давлении и о «доведении» черкесов «до крайнего стеснения», когда бы они сами стали переселяться в Россию⁵⁵⁸.

Несомненно, Милютин понимал, сколь жесток был его проект, основанный на насилии. Как бы оправдывая себя, он ссылаясь на колонизацию европейцами Америки, повлекшую за собой «истребление почти всех первобытных там жителей»⁵⁵⁹. При этом он подчеркивал, что «обязанности к человеческому роду требуют, чтобы мы заблаговременно приняли меры для обеспечения существования даже враждебных к нам племен»⁵⁶⁰.

Дискуссия в высших кругах

Обсуждение и «Записки» А. И. Барятинского, и «Пояснения» Д. А. Милютина началось сразу же после подачи их императору. Первым на них откликнулся в «частном письме» наместнику генерал, начальник штаба 1-й армии П. Е. Коцебу. Он разделял идеи той части проекта кавказского командования, где ставился вопрос об усилении на Северном Кавказе, в том числе на правом фланге, казачьего сословия. Вместе с тем он подверг резкой критике «Пояснение» Милютина, меры коего в отношении черкесов привели бы, по мнению Коцебу, «к ожесточеннейшей, чем когда-либо, борьбе, которая прекратилась бы разве только с обращением Кавказа в пустыню»⁵⁶¹.

По оценке генерала, какие бы цветущие колонии на Дону ни были для черкесов созданы, они не привлекут их. Он был уверен, что «ни богатство, ни роскошь, ни негa не заставят их бросить родной свой край»⁵⁶². Коцебу «решительно отвергал» возможность переселения кавказских горцев в Россию, рассматривая его «опасным в видах успокоения Кавказа»⁵⁶³. Вообще, переселение казаков на Кавказ, по его мнению, должно было производиться «соразмерно с поземельным довольствием» и без «крайнего стеснения племен». Подчеркивая эту мысль, генерал считал, что «опасно» «отнимать» у горцев «самую надежду на получение когда-либо поземельной собственности»⁵⁶⁴. Коцебу отвергал в целом концепцию разрешения черкесской проблемы, предложенную Милютиным. Последний спешил изложить свои «возражения» оппоненту. На тезис Коцебу: «На северном склоне Кавказа нет достаточного пространства... для водворения многочисленного русского народонаселения» – Милютин отвечал, что задача состоит не в поисках свободных земель, а в том, как «найти людей» для заселения «значительного пространства»⁵⁶⁵. Что касается главного вопроса – черкесского, то Милютин уточнял, что в его «Пояснении» речь идет не «о средстве для очищения земель», «будто бы недостающих для новых казачьих поселений, а, наоборот, о цели», «для которой пространства, ныне занимаемые неприятелем, заселяются русским воинственным народом, через что уменьшается сила горцев»⁵⁶⁶.

Обсуждая один и тот же вопрос, Коцебу и Милютин фактически говорили о разном, поскольку первый из них рассуждал как

гуманист, другой же – скорее с позиции российского государственника, не утруждавшего себя заботами о «полудиких» горских племенах.

Однако проблема ставилась видными русскими генералами столь остро, что Александр II принял решение о создании Особого комитета, находя, что обсуждаемый вопрос – «важное дело»⁵⁶⁷. В Комитет вошли главным образом оппоненты Барятинского и Милютина, подвергавшие жесткой критике тифлисский штаб Кавказского командования. В частности, членами Комитета были генералы Н. Н. Муравьев (Карский), П. Е. Коцебу, Н. И. Вольф и др. Позиция Муравьева была невыразительна, она касалась главным образом технических вопросов, связанных с переселением из русских губерний на Кавказ; он предлагал «очистить внутренние губернии от праздношатающихся людей, как то: неслужащих обер-офицерских детей, отставных чиновников, семинаристов, «бедных дворян» и т.д.»⁵⁶⁸

Наказной атаман войска Донского, генерал Хомутов, затронул только часть проекта, касавшуюся переселения «на Кавказ с Дона» «100 офицерских и 7500 казачьих семейств»⁵⁶⁹. По оценке наказного атамана, «мера эта... столько же неудобна в отношении к донцам, как и в отношении к горцам»⁵⁷⁰. Его возражения, однако, больше основывались на заботах о судьбе казаков Дона, якобы «особо» привязанных к своей земле. Что касается горцев, то он указывал лишь на то, что донские станицы могут в год принимать не более «200 семейств»⁵⁷¹.

Более остро вопрос о горцах ставил другой член Особого комитета, генерал Н. И. Вольф. «Предложения» Милютина о переселении горцев «на равнины Донской земли» он расценивал не как «покорение» горцев, «а истребление непокорных кавказских племен, потому что исполнение подобного проекта повело бы к самой воинственной, непримиримой борьбе»⁵⁷². На его взгляд, «ни один горец не согласится на предлагаемое переселение и скорее предпочтет смерть, чем решится оставить родину»⁵⁷³.

Подчеркнем, что, несмотря на односторонность в отдельных оценках или же на их неполноту и «местный окрас», единый текст «Мнения Комитета» отличался не только государственным подходом к вопросу, но и глубоким пониманием проблемы, а также высокой для того времени гражданской позицией. «Мнение Комитета» – это развернутое изложение всей черкесской проблемы, мы же остановимся на некоторых его положениях, относившихся

главным образом к самим черкесам. Преамбула содержит положительную оценку предложений, связанных с «колонизацией на Кавказе». Однако там же резко осуждается «окончательное отнятие у закубанцев... всех лучших их пахотных и пастбищных их мест». Подобное действие, по мнению членов Комитета, «поставило бы» горцев «в самое крайнее положение и побудило» бы их «к единодушному против нас восстанию»⁵⁷⁴. До сих пор, заключали они, власти «остановили развитие нашего казачьего поселения», ограничивая его «пределами Сунжою и Лабою», «но не отнимали окончательно сих равнин и предгорий у туземцев», «а, напротив, по мере изъявления ими покорности, поощряли всеми средствами выход их из горных ущелий и водворяли их опять, на плоскости, под надзором наших укреплений»⁵⁷⁵.

Особенно любопытными были суждения членов Особого комитета по поводу закубанских (горских) черкесов. По их оценкам, «ни в понятиях, ни в общественном устройстве закубанских племен... нет ничего такого, что бы лишало» Россию «надежды на постепенную их покорность»⁵⁷⁶. Они указывали, что «племена эти, имея аристократическое сословие, т.е. дворянство или старшинские фамилии, весьма уважаемы и влиятельны в народе»⁵⁷⁷. Члены Комитета считали, что горных черкесов легче привести в покорность, «нежели чеченцев». Аргументируя эту мысль, они отмечали, что, например, у абадзехов «общественный союз лучше скреплен, у них более единодушия, более мудрые народные учреждения, нежели в обществах Левого крыла, и мюридизм здесь развит гораздо слабее»⁵⁷⁸. Со столь же серьезным знанием вопроса члены Комитета указывали на ошибки командования на Кавказе, допущенные в отношении горных черкесов. Среди них – отнесение Правого фланга ко второстепенному и концентрация основных воинских сил на усиление вооруженного давления на дагестанских горцев и Чечни⁵⁷⁹. Осторожно и со знанием обстановки члены Комитета подошли и к вопросу о «политических происках европейских врагов» России. Они считали это неизбежным из-за проблемы Черного моря, вызывавшей международную напряженность в Европе и на Ближнем Востоке. Члены Комитета ссылались также на слабость морских сил России, не позволявших ей изменить военно-политическое положение как на Черном море, так и в Черкесии.

Возвратясь к вопросу о колонизации Закубанского края, члены Комитета приводили финансовые расчеты, не позволявшие Рос-

сии реализацию проекта, предусматривавшего переселение столь значительной массы населения. Они рекомендовали командованию и правительству развивать русскую колонизацию в Закубанском крае, соотнося ее с реальными возможностями государства. Члены Комитета, однако, еще больше, чем финансовыми расходами, были обеспокоены судьбой горных черкесов. Они подчеркивали, что предвидят «весьма опасные последствия» от «исполнения подобной суровой меры», каковой считали переселение горцев в любой его форме⁵⁸⁰. Повторяя свою главную мысль о горных черкесах, члены Комитета заявляли: «Припоминая глубокую привязанность горцев к родине, к своим ущельям, к усвоенным ими обычаям и образу жизни и то, что они смотрят на всякое удаление из своих гор как на жесткую ссылку, нельзя сомневаться, чтобы они не предпочитали смерть водворению на степях Донской земли, и можно утвердительно сказать, что не только целые племена, но и одиночные семейства не решатся покориться на этих условиях и что это повело бы не к покорности, а к их истреблению»⁵⁸¹.

Приведенный пассаж из заключения Особого комитета, в который входили русские генералы, служившие на Кавказе, еще раз напоминает о том, что российский генералитет и офицерство, «дети русского дворянства», русской аристократии, воспитанные на традициях «золотого века» русской культуры, заслуживают куда более высокой оценки, а не банальных «прокурорских» обвинений, бытующих в околонушной историографии проблемы.

Впрочем, не отвлекаясь от темы, отметим и другое, не менее важное обстоятельство. Выступая против экспатриации черкесов, «Особый комитет» указывал на опыт Шамиля, широко занимавшегося переселением (мухажирство) горцев в имамат. Несмотря на «фанатизм», жестокие казни и обещания вернуть их на прежние места проживания, горцы убегали из имамата и возвращались на родину⁵⁸². В «Заключении» Особый комитет сформулировал свое мнение следующим образом: «Переселение враждебных нам племен Правого крыла, имеющих изъявить покорность, на земли войска Донского Комитет признает невозможным»⁵⁸³. Александр II направил представленные ему материалы и «Заключение» наместнику Кавказа с резолюцией: «Прежде окончательного решения важного сего дела, считаю необходимым сообщить все ген.-адъют. кн. Барятинскому и потребовать его заключения»⁵⁸⁴.

Барятинский же не спешил с ответом. Было видно, что крайне амбициозный наместник, которому история преподнесла великую

честь «подвести итоги» Кавказской войны (и он это хорошо чувствовал), оказался явно уязвлен суровой критикой, обрушившейся на него со стороны Особого комитета. Заметно было также, что главнокомандующий на Кавказе, готовый скорее к апофеозу, чем к неприятной критике, ставшей достоянием императора, не желал признавать ни торопливости, ни глубокой ошибочности своих «проектных» решений, да и в целом не собирался оправдываться перед Петербургом. Барятинскому потребовалось время, чтобы остыть и предложить «нечто новое».

Только в середине лета 1858 г., находясь на лечении в Боржоми, он направил на имя генерал-адъютанта С. И. Васильчикова, управляющего Военным министерством, свое «Отношение» к новому «Заключению» Особого комитета. По тону и содержанию ответ наместника свидетельствовал, что он осознавал свой слишком явный «промах» и глубоко его переживал; напомним, в военной тактике Барятинский любил «постоянно тревожить противника» и «постоянно идти на риск». Подобная тактика, возможно, оправдывала себя на войне, но была неприменима в политике, при решении сугубо гражданских проблем, требовавших основательных размышлений, исключавших риск. С обидой писал Барятинский, что Комитет «выставил» его соображения в таком виде, как будто он «предлагает систему действий для покорения кавказских горских племен, основанную на истреблении всего туземного населения»⁵⁸⁵. Он посчитал, что ему «приписывают» «бесчеловечное намерение», и по этой причине не находил нужным оправдываться⁵⁸⁶. Дальнейшее изложение сути проблемы содержало новые уточнения к проекту, представленному ранее императору. Ссылаясь на Екатерину II и Николая I, Барятинский напоминал об основной политике России на Кавказе, где «заселение передовых линий казачьими станицами» есть «единственное средство к прочному занятию равнин и вместе с тем к обузданию горского населения»⁵⁸⁷. Такая политика сместила Кавказскую линию «на Сунжу и Лабу».

Как бы строго придерживаясь традиционной, по мысли Барятинского, системы, в «Записке» он имел в виду «подвинуть» Кавказскую линию «далее на р. Белую, а с другой стороны, заселить угол между низовьями Кубани и берегом Черного моря»⁵⁸⁸. В ответе Барятинский сузил не только территориальный масштаб «колониализации», но и вопрос о горных черкесах. В новом объяснении он нарочито отмечал, что в своей записке подразумевал горных чер-

кесов – уже «покорившихся», а потому не желавших оставаться у себя на родине (где бы их укоряли) и просивших командование о переселении⁵⁸⁹. Фактически оправдываясь перед императором, наместник писал, что «если бы предложение мое состояло действительно в том, чтобы переселять на Дон целые племена кавказские, то, конечно, я не удивился бы возражениям... Но я повторяю, что подобная мера была далека от моих мыслей...»⁵⁹⁰. И здесь же подчеркивал еще раз, что «речь идет о водворении только являющихся к нам с покорностью выходцев из гор»⁵⁹¹.

В конце своего ответа Барятинский, то ли довольный тем, как он парировал аргументы своих оппонентов, то ли вновь впадая в обидчивость, с явной негативной интонацией заключал: «Если предложенный мною способ решения этого вопроса окончательно отвергнут, то я прошу сообщить мне другой какой-либо способ решения... так как предмет вынужденной переписки есть дело первостепенной важности»⁵⁹². Стоит отметить: члены Особого комитета, отвергая первоначальный проект наместника, собственно, также указывали пути решения актуальных проблем. В сущности, повторяя их и делая эти предложения своими, Барятинский еще раз демонстрировал недовольство Комитетом.

Затребованное от наместника «Заключение» Александр II рассматривал лично. В своем «секретном» предписании, ничего не упоминая о Комитете, император «одобрял» «предположения» Барятинского, на самом же деле – предложения членов Особого комитета. В предложении наместнику Александр II детально (возможно, не без участия Комитета) изложил свои поручения относительно «развития русского населения в Закубанском крае». Император требовал, «чтобы это развитие было соразмерно с поземельным довольствием, которое можно доставить вновь водворяемым казакам без крайнего стеснения туземцев»⁵⁹³. Отдельно было сказано и о тех черкесах, о коих «беспокоился» Барятинский (т.е. о желавших принять российское подданство), и о том будущем «устройстве», которое предусматривал для них Александр II.

Несмотря на слишком канцелярский стиль, стоит привести (в силу его важности) пункт «а» предписания царя о горных черкесах: «...отдельных выходцев из гор, вовсе не требуя от них переселения, ибо подобная попытка могла бы иметь самые вредные последствия для спокойствия края, расселять, по вашему усмотрению, по мирным аулам или в участках, которые останутся свободными между Кубанью и Лабою, и в особенности отдельными

аулами при фортах на Белореченской и Адагумской линиях, а по мере успокоения края и впереди, и позади этих линий, как то было в Большой и Малой Чечне, где подобные поселения оказали большую пользу, потому что жители эти служат для нас хорошими лазутчиками, проводниками, посредниками в сношениях с непокорными племенами и, так сказать, приготавливают покорность сих последних»⁵⁹⁴. Александр II не исключал переселения горцев и на Дон, но туда рекомендовал отправлять «только пленных или бежавших из своих аулов и желающих по каким-либо причинам оставить край и переселиться на Дон»⁵⁹⁵.

Несомненно, царские указания имели важное значение для наместника, однако, действуя в не столь уж жестких рамках этих предписаний, Барятинский имел немалые возможности гнуть свою собственную линию. Так он поступал и с М. С. Воронцовым, когда указания последнего были одними, а действия Барятинского в Чечне – совсем другими. На фоне заметных военных успехов на Левом крыле Кавказского фронта все еще «новый» наместник чувствовал себя достаточно уверенно, понимая, что победное продвижение российских войск на Северо-Западном Кавказе всегда будет оцениваться по высшей шкале.

Пока велась дискуссия по черкесской проблеме, Барятинский был занят подготовительными мерами, связанными с будущими военными операциями. Собственно, у наместника не было выбора при обстоятельствах, когда Черкесия во главе с польскими наемниками приступила к системным боевым действиям. Уместно напомнить, что в боевых столкновениях черкесские ополчения, как правило, численно превосходили российские войска; им удавалось наносить тяжелые удары своему противнику, о которых кавказское командование старалось не сообщать в Петербург. В начале 1858 г. Барятинский все еще был слишком занят Левым крылом Кавказского фронта, где имамат Шамиля дал уже серьезные трещины и где он ожидал немалого успеха. Вместе с тем наместник энергично занимался Северо-Западным Кавказом. Очевидно, что по мере того, как у него развязывались бы руки в Дагестане и Чечне, он намеревался перебросить свои силы в Черкессию и здесь завершить Кавказскую войну.

Но вернемся к его подготовительным действиям на Северо-Западном Кавказе, раскрывавшим стратегические замыслы наместника. В новых условиях на Большом Кавказе, когда явно обозначился спад военного напряжения на Северо-Восточном Кавказе и

очевидной стала стратегическая приоритетность Западного Кавказа, от командующего требовались не просто обычные перемены в дислокации войск, но полная управленческая реорганизация Отдельного Кавказского корпуса. В связи с этим в апреле 1858 г. последовал указ императора, согласно которому вместо бывшего Отдельного Кавказского корпуса создавалась Кавказская армия, «над которой» начальствовал «Главкомандующий»⁵⁹⁶.

В Кавказскую армию входили все войска, расположенные «в Кавказском крае». Среди пяти вновь образованных «отделов» сохранялись «Правое крыло Кавказской линии» и «Левое крыло Кавказской линии» в качестве двух самостоятельных отделов. В перечне «Отделов» Правое крыло выносилось на первое место⁵⁹⁷. Помимо военно-структурных и штатных перемен реорганизация Отдельного Кавказского корпуса предусматривала усиление «военной власти» в Управлении над гражданским населением. Отданное в 1840 г. начальнику Кавказской области и командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории гражданское управление по указу Александра II концентрировалось в руках главнокомандующего⁵⁹⁸. В развитие собственной «кавказской концепции» Барятинский «для заведования мирными» горцами учреждал «военное Управление покорными племенами Кавказа»⁵⁹⁹. Другой «разряд» горцев, к которым относились «немирные», причислялся к «особому штату» полицейского управления. К этому «разряду» принадлежали главным образом черкесы.

К 1858 г. обстановка в Черкесии более чем прояснилась. Было очевидно, что при открытости восточного берега Черного моря не только невозможно было остановить войну, но при этом существовала и реальная опасность превращения этой войны из «черкесской» в русско-англо-турецкую. Сторонник установления жесткого контроля на кавказском побережье Черного моря, Барятинский добился у Петербурга «инструкции», в основу которой лег английский правовой режим по надзору за морским берегом. Согласно этой инструкции, на берегу Черного моря – в Анапе, Сухуми, Редуте, а позже и в Поти – устанавливались карантин и таможни, куда должны были следовать все иностранные суда⁶⁰⁰. Последним воспрещалось «подходить ко всякому другому месту» на побережье. Осмотру подвергались только суда, вызывавшие подозрение по поводу провоза оружия и боеприпасов. На восточном прибрежном пространстве Черного моря вводилось российское крейсерство.

Однако ослабленный морской флот России не мог обеспечить надлежащим контролем черкесский берег Черного моря, куда ежедневно прибывали иностранные суда. К общей инструкции была приложена «Секретная инструкция»⁶⁰¹, которая отличалась либерально-осторожными установками с призывами к российским крейсерам не «порождать» для правительства «неприятных объяснений с чужими державами»⁶⁰².

Другой важной задачей Барятинский считал для себя укрепление Кавказской и Лабинской линий. Главное средство решения ее он видел в переселении русского населения на Кубань и создании новых казачьих станиц. Уже в феврале 1858 г., когда еще продолжалось обсуждение переселения русского населения на Кубань и в Закубанье, наместник приступил к реализации своего проекта. Вначале «на Урупе и Тегенях» он основал 4 станицы и заселил туда 2021 казачью семью, перемещавшуюся из «бывших станиц Никольской и Александровской, из Кавказского Линейного и Донского казачьих войск»; затем – более 1500 казачьих семей наместник «водворил» «на вечные времена» на Лабинской линии, наиболее уязвимой на правом фланге⁶⁰³. Новые потоки переселения продолжались на протяжении 1858 и 1859 гг. Целью их являлось соединение Кавказской и Лабинской линий и создание мощного Кордона, способного не только противостоять черкесским ополчениям, но и обеспечивать резервным войсковым ресурсом российское командование. Одновременно возводились новые укрепления. На берегу Суджукской бухты было заложено укрепление Константиновское, на Мало-Лабинской линии – Псебайское. Под прикрытием Кордона и укреплений возводились новые шесть казачьих станиц, казаки которых служили в составе Урупской бригады линейного казачьего войска⁶⁰⁴. К подготовительным мерам повышения обороноспособности российских войск Барятинский относил также дорожное строительство. Наметилось строительство дороги в долине Теберды, вновь вынашивалась идея прокладки дороги по кавказскому берегу Черного моря до Сухуми: генерал Филиппсон сомневался в целесообразности строительства сухумской дороги⁶⁰⁵. Рассматривались также вопросы о вырубке лесных массивов и прокладке дорог в сторону горной Черкесии, позволявших повысить маневренность войск⁶⁰⁶.

Уже летом 1858 г. четко вырисовывались «контуры» плана наместника – укрепление прежде всего позиции командования в равнинных районах Северо-Западного Кавказа, покорение мес-

тных «племен», затем наступательные действия против горных черкесов и выселение их на равнину с размещением переселенцев главным образом в «мирных» черкесских аулах на равнине. Осенью 1858 г. российско-казахьи отряды открыли наступательные действия, ставя перед собой задачу наладить прямое сообщение между укреплением Майкопским и верхней частью Лабы. Этим удавалось легче «принудить» «горцев», обитавших за Кордоном по речкам Адагуму и Белой, к покорности⁶⁰⁷.

Создав в относительно доступных северных районах Черкесии кордонно-линейную полосу, Барятинский отсекал «горных» черкесов от «равнинных». Последние считались «мирными», но наместник, все же, направил к ним войска, чтобы окончательно привести их в «покорность». Первыми готовность к «покорности» выразили бжедухи, затем за ними последовали темиргоевцы, махошевцы, егерукаевцы, бесленаевцы, закубанские кабардинцы и шахгиреевцы⁶⁰⁸. Уже весной 1859 г. старшины бжедухов «низших сословий», находившиеся в социальном противостоянии со своими «князьями и дворянами», явились к наказному атаману Черноморского войска и объявили о своем решении принять присягу российскому правительству. Уверенный в своем военном превосходстве, Барятинский не вступал с ними в переговоры без принятия присяги «всеми поголовно» и «выдачи аманатов»⁶⁰⁹. После «внутренних» обсуждений представители от каждого аула бжедухов обратились к генералу Л. И. Кусакову и высказали ему свое решение «покориться правительству безусловно»⁶¹⁰.

Примеру низших сословий последовала «аристократия»⁶¹¹. В начале июня 1859 г. в Екатеринодаре состоялась встреча и переговоры между генералом Филипсоном и «депутацией всех бжедугских племен». Кроме присяги и выдачи аманатов генерал потребовал от них, «чтобы народ поселился к осени» этого же года «в больших аулах от 250 до 300 дворов на указанных» командованием мест; концентрацией населения в больших поселениях российские военные власти думали высвободить значительную территорию для переселения горных черкесов, «когда бы они также были покорены». Депутация бжедухов согласилась и на переселение⁶¹². Вслед за бжедугскими старшинами переговоры с генералом Филипсоном вела также общая «депутация» всех других племен северной (равнинной) Черкесии. На тех же условиях 23 июля 1859 г. присягу приняли представители этой депутации. Однако само переселение принявших присягу племен было перенесено на весну

1860 г. из-за того, что местное население успело заготовить сено, а на новом месте не было уже такой возможности⁶¹³.

В действиях Барятинского, в то время успевшего блокировать Шамиля, чувствовалась не только самоуверенность, но и поспешность, оттого и непродуманность многих решений. Как и на Северо-Восточном Кавказе, где Шамиль подготовил все для организации государственной власти, наместник торопливо создавал государственные структуры власти у племен, только что присоединенных к России; так, среди бжедухов было учреждено «приставство по особому штату», т.е. фактически по типу милицейского управления⁶¹⁴. Приставу придавалась охранная стража из 10 милиционеров. Пристав, управлявший «народом в полицейском отношении»⁶¹⁵, действовал через аульных старшин, назначаемых военными властями. Свои внутренние общественные дела бжедухи могли рассматривать по адату, за исключением преступлений, разбиравшихся по российским законам. Применение шариатских судебных установлений допускалось лишь «в спорах родителей с детьми, родных братьев и сестер и в брачных делах». Но существовало секретное предписание приставу, чтобы он «вывел» «совсем из употребления суд по шариату»⁶¹⁶. Намеренно отстраняя от общественных дел духовенство, и без того враждебно настроенное к российским властям, командование искусственно создавало дополнительную социальную сложность. Именно духовенство станет одной из тех сил, которые будут провоцировать местное население к мухаджирству. Отныне бжедухам запрещались сколько-нибудь тесные отношения с горцами, в частности с абадзехами⁶¹⁷. Тем самым командование добивалось экономической блокады горной Черкесии, воевавшей с Россией. Для бжедухов также ограничивались пункты «проезда» на русскую территорию. Лишь на определенных проездах разрешалось устраивать торговые сделки.

Проблема исторической ориентации горцев. Последнее письмо имама

То, чем занимался Барятинский на северной окраине Черкесии, возможно, было оправданно в военном отношении. Однако его старания «обуздать необузданных» скорее напоминали попытку с ходу оседлать мустанга. Общество черкесов, где российская неволя могла рассматриваться только как позор, не готово было к «усвоению» тех кардинальных перемен, которые внедрялись российской стороной. Среди черкесов, не отличавшихся расположением к России, нововведения Барятинского значительно расширяли почву для массового отторжения российской идеологии покорения. Заметно было также, что наместник настойчиво желает видеть перед собой только одного противника – черкеса – и демонстративно отворачивается все же от основного врага – «международного», действовавшего более продуманно, а временами и изощренно. Барятинский не учитывал, что все его «действия-промахи» будут находиться в поле зрения заморского противника и использоваться им максимально.

Весенние и осенние «крутые» перемены Барятинского, обострившие обстановку не только на равнине Черкесии, но и в горной ее полосе, вызвали немалый интерес в Турции. Уже ранней весной 1859 г. в горную Черкесию пожаловал Омер-бей, адъютант сераскера (военного министра) Риза-паши⁶¹⁸. Омер-бей, убух по происхождению, в свое время был продан в Турцию. Никогда ранее не посещавший свою родину, он прибыл в Черкесию под предлогом навестить родственников. В Турции Омер-бей состоял на военной службе, являлся кадровым офицером. Естественно, не ограничившись поездкой к убухам, Омер-бей посетил также абадзехов и «распространял слухи» о том, что Парижский трактат признал Черкесию независимой и предоставил ей свободу торговли с Турцией⁶¹⁹. Деятельность турецкого офицера, посетившего ряд других районов Северо-Западного Кавказа, стала известна командованию. По поводу ее чрезвычайный посол России в Турции М. Б. Лобанов-Ростовский сделал заявление самому военному министру Риза-паше. Последний этим известием был «смущен», уверяя, что он наставлял своего адъютанта «не вмешиваться в дела страны»⁶²⁰. Но у командования, а затем и у посла было письмо – обращение черкесов к турецкому правительству,

изобличавшее военного министра в причастности к политической деятельности Омер-бея.

Любой народ, как бы цивилизован и мудр он ни был, в переходный период «общественной стихии» в абсолютном большинстве своем теряет историческую ориентацию. Несмотря на временный характер этого явления, для народа, потерявшего «ветрила», создаются альтернативные условия, в которых не просто разглядеть свою собственную историческую перспективу. Наблюдая за событиями на Северо-Западном Кавказе, Шамиль сравнивал черкесов, метавшихся то в одну, то в другую сторону, «со стадом баранов». Сам Лобанов-Ростовский, плотно занимавшийся черкесской проблемой, считал, что политические шараханья горцев не что иное, как «безнадежное положение, в котором находится непокорное народонаселение черкесской земли»⁶²¹. Об этой необычайной растерянности, сопровождавшейся идеологическим напряжением, спровоцированным десятилетними усилиями «пропагандистов» разных стран, свидетельствовало письмо, которое через Омер-бея черкесы передали военному министру Турции⁶²².

Из пространного текста стоит привести только один пассаж – его концовку. «Ваш адъютант, – обращались черкесы к Риза-паше, – уверял нас также, что очень желаете, по мере возможности, прислать нам все предметы, в которых мы чувствуем существенную необходимость, и он нам дал понять, что, если мы продержимся еще некоторое время, не давая повода России подозревать о наших отношениях и не делая ни малейшей попытки к примирению, это послужит нашему преимуществу; что вы окажете нам, таким образом, большую услугу и что во всех отношениях вы нам окажете свое покровительство и тайную помощь. Это также можно заключить по общим выражениям вашего письма. Эта помощь и благосклонность с вашей стороны придадут нам, без всякого сомнения, большую силу. Мы перечислили вашему адъютанту все предметы, необходимость которых мы здесь чувствуем; он вам представит подробный перечень их, и мы просим вас доставить по ним все, что окажется возможным; мы уверяем также, что, согласно вашим приказаниям, все мы решили не сдаваться еще некоторое время и продолжать войну»⁶²³. Первой шла подпись Магомета-Амина, всего же «петицию», обращенную к турецкому министру, подписали 44 влиятельных старшины Черкесии.

Исследователь не располагает полными сведениями о той идеологической работе, которая выполнялась «радетелями» горцев. Это было время самой энергичной деятельности турецких властей, опасавшихся мирного разрешения черкесской проблемы; у «черкесских берегов усилилось движение контрабандных кочерм»⁶²⁴, привозивших не только оружие, но и более «опасный» для будущей Черкесии «груз» – идеологию непримиримости с Россией и организации мухаджирства горцев в Турцию. По справедливому замечанию Н. Бэрзедж, в этот период «агенты Порты начинают массированную пропаганду среди черкесов за переселение с Кавказа в Османскую империю»⁶²⁵. «Нельзя жить в иноверном государстве и подчиняться иноверному правительству – или погибнем в борьбе, или переселимся в мусульманскую страну», – внушали черкесам турецкие эмиссары⁶²⁶. «Переселение – наша судьба. Если это угодно Аллаху, наш долг принять его», – утверждали черкесы, потерявшие вконец в навалившемся на них историческом хаосе. Под рефрен сравнений с судьбою пророка Мухаммеда, совершившего «хиджру» из Мекки в Медину, в Черкесии стала господствовать идея – «переселимся в мусульманское государство, соберемся с силами, вернемся на Родину и отвоюем ее»⁶²⁷.

Эта довольно коварно трактуемая идея также была подброшена эмиссарами из Турции. В Порте было немало «стратегов», желавших спровоцировать горцев Северного Кавказа к переселению в Османскую империю, создать из них особое войско и вернуть все то, что турки потеряли в войнах первой трети XIX в. В турецких правительственных кругах планы организации из горцев своей армии были всегда. Но переселение с Северного Кавказа целых народов являлось, похоже, новым «проектом». Еще недавно один из венгерских туркофилов Мехмет-бей не без ведома турецкой стороны предлагал России признать независимость Черкесии при «вечном» российском покровительстве. Но в новых обстоятельствах, при которых актуальным стало переселение черкесов в Турцию, тот же Мехмет-бей, остававшийся сторонником независимости Черкесии, был арестован Лапинским как «уличенный в измене»⁶²⁸. В свете этой установки для Османской империи важным являлось сопротивление черкесов России.

Как и следовало ожидать, первыми на Западном Кавказе пожелавшими покинуть родину и совершить хадж были жители южной Черкесии – абазинцы, у которых социальные отношения достигли достаточной четкости. Стоит особо подчеркнуть: идеология «от-

торжения России» основывалась не на одной турецко-английской пропаганде. Она имела более глубокие, внутренние мотивы. Сформировавшаяся в прослойку феодальных владетелей, имевших уже собственных зависимых крестьян, старшинско-узденская знать опасалась, что российская власть лишит их приобретенных привилегий, а потому ориентировалась на переселение в Османскую империю, надеясь сохранить там свой социальный статус. В первое время, когда российское командование, контролировавшее берег Черного моря, запрещало переселение в Турцию, горцы уезжали, прикрываясь желанием совершить хадж в Мекку. Те же абазинские старшины весной 1859 г. обратились через своего пристава к генералу Филипсону, чтобы тот разрешил им «отправиться с их крестьянами» в Мекку «для поклонения гробу пророка Магомета»⁶²⁹. Но крестьяне «путешествия этого предпринимать не желали», и становилось очевидным, куда и по какой причине решили уехать со своей родины абазинские старшины⁶³⁰. Подобный же социальный мотив (что и у абазинской знати) был распространен на Северном Кавказе повсеместно. Меньше всего он проявлял себя в Дагестане благодаря существовавшей там системе имамата: гениальность Шамиля в том и состояла, что он успел создать государство, четко обозначив тем самым историческую перспективу народам Дагестана. После имама сформированная им государственная система сравнительно легко трансформировалась, влившись в российскую государственную систему.

Весной 1859 г. вслед за абазинцами и карачаевцами, оказавшимися в условиях «полицейско-приставского» режима, покинуть собственную страну решили 257 семейств нижнеприкубанских черкесских аулов, которым, согласно приказу командования, предстояло переселиться и соединиться с другими аулами для их укрепления⁶³¹. В связи с явно наметившейся в Черкесии тенденцией к переселению в Турцию, командование наспех разработало «Положение» для эмигрантов. Горцам объявлялось, что «они должны проситься в отпуск, а не о переселении в Турцию, что в последнем случае отказывать им, объясняя, что это не дозволяется государственными законами и с принявшими подданство других держав будет поступлено, как с изменниками при появлении их в наши пределы, а имущество будет конфисковано и крепостные люди (холопы) получают свободу»⁶³².

Самым продолжительным сроком пребывания «в отпуске» считался год. Продление его было в компетенции консула стра-

ны, куда выезжала семья. Разрешалось брать с собой не только членов семьи, но и зависимых людей (холопов), однако имевших к тому желание⁶³³.

В конкретных условиях, созданных на северной (равнинной) окраине Черкесии «по-лицейско-приставской» системой, запретительный характер «Положения» относительно поездок в Турцию, отдававший тоном оккупанта, мог только подстегивать черкесов к эмиграции. Барятинский, нередко пытавшийся найти среди горцев социальную опору России, в случае с черкесами напрочь забывал об этой важной стороне российской политики на Кавказе. Что касается запугивания, объявления «изменниками» тех, кто оставался без оправдательных мотивов более года за границей, то это оказывалось не чем иным, как запрещением вернуться на родину. Однако, как показала дискуссия по черкесской проблеме, нельзя было сбрасывать со счетов то несомненное влияние, которое часть генералитета оказывала на характер официальных решений по поводу судьбы черкесского народа. Во всяком случае, хотя проект Барятинского и претворялся в жизнь, но с оглядкой на Петербург.

Созданные в ходе упорных боев Адагумская и Белореченская линии серьезно меняли обстановку в горной Черкесии. Важное значение для командования имела «опустошительная осенняя экспедиция» 1858 г., поставившая натухайцев «в бедственное положение»⁶³⁴. Натухайцы пытались вести с командованием переговоры о мирном «покорении России», но на них постоянно оказывалось политическое давление со стороны Константинополя и самого Сафар-бея⁶³⁵. В деле дальнейшего продвижения российских войск в Натухае сказывалась также незавершенность Адагумской линии, не приведшей еще к «совершенному» отделению «земли натухайцев» от «земли шапсугов»⁶³⁶. Между последними – натухайцами и шапсугами – наблюдалась не столько единство в противодействии российским войскам, сколько обострение внутренних противоречий.

Слабость Адагумской линии позволила Карабатыру Занoko «с большим скопищем» шапсугов «ходить по земле натухайцев и грабить всех тех», кто был подозреваем в связях с российским командованием или пытался склонить народ к покорности России⁶³⁷. Вооруженные удары, наносимые шапсугами натухайцам, были столь значительны, что у последних были «перебиты или переселились к шапсугам» их «лучшие люди», т.е. старшины⁶³⁸. Россий-

ское командование, готовое к мирным переговорам, не находило более среди нутухайцев влиятельных людей, с которыми было бы возможно вести переговоры.

Чтобы защитить ослабленных военными действиями нутухайцев, генерал Филипсон, у которого те вызывали «сострадание»⁶³⁹, в следующем 1860 г. думал полностью перекрыть Адагумской линией возможные пути перехода шапсугов к нутухайцам и тем самым прекратить их грабительские походы. Филипсон считал, что в случае признания английской стороной права России «на Северо-Восточный берег Черного моря» и «безусловной покорности нутухайцев», нужно бы «изменить принятую систему относительно этого края» и «вместо заселения» «казачьего сословия» «большими аулами» разместить в «крае» «покорных нутухайцев»⁶⁴⁰. В 1859-1860 гг. генерал склонен был к активным действиям, рассматривая это время как переломное в разрешении черкесской проблемы.

Вскоре, однако, из штаба Кавказской армии поступило «строго секретное» предписание, согласно которому на Правом фланге следовало проявлять «осторожность» и «отложить» до «другого, более благоприятного времени всякие новые предприятия»⁶⁴¹. Д. А. Милютин мотивировал свой приказ «смутными политическими обстоятельствами в Западной Европе», угрожавшими нарушением «российского нейтралитета» и возможной «внешней войной»⁶⁴². В связи с этим начальник Главного штаба Кавказской армии требовал на Правом фланге «обратить все средства» и «самые энергичные усилия» к закреплению занятых позиций и обрести «положение», обеспеченное достаточной прочностью⁶⁴³.

Несмотря на эти предписания командования и относительную вялость военных событий, в Черкесии происходили существенные перемены. К этому времени относился полный разлад в лагере Сафар-бея и Лапинского. Лапинский решил покинуть Сафар-бея и перейти к Магомету-Амину, находя его более привлекательным военачальником. Возможно, такой переход был связан с другим, более важным обстоятельством. Как отмечалось, в последний год турецкие власти были недовольны Сафар-беем и постепенно меняли свою ориентацию на наиба Шамиля. Приезде Лапинского Магомет-Амин был немало рад, однако дела наиба были ненамного лучше, чем у Сафар-бея.

Чисто внешне все обстояло, казалось, благополучно. Лапинский был восхищен внешностью наиба – его лицом, «красиво и

благородно» окаймленным бородой и носившим «отпечаток лезгинской расы»⁶⁴⁴. Польский кондотьер находил у Магомета-Амина «высокую интеллигентность»; впрочем, такого же мнения придерживались представители российского командования, встречавшиеся с ним. Другого мнения был Шамиль. Помимо ранее сказанного стоит добавить: Шамиль не мог не видеть поверхностность внутренних преобразований, проведенных Магометом-Амином, их исламско-шариатскую необеспеченность и, конечно же, чрезмерную ориентированность на Турцию и Англию.

Лапинский застал абадзехов, среди которых находился Магомет-Амин, в тяжелом положении. По оценке самого наиба, «горько» сетовавшего на османское правительство, Черкесия приблизилась «к гибели, благодаря интригам» Константинополя⁶⁴⁵. Магомет-Амин «откровенно объяснял» «затруднительность своего положения»⁶⁴⁶; по его свидетельству, среди абадзехов, которых он возглавлял, «былое повиновение исчезло, мехкеме стоят запущенными и пустыми, интриги со всех сторон смутили здравый рассудок народа»⁶⁴⁷. Последнее замечание Магомета-Амина о «потере здравого рассудка народом» было, пожалуй, главным итогом англо-турецкой пропаганды и военных действий России. В тот момент, когда наиб Шамиля рассказывал Лапинскому о политической ситуации в Абадзехии, «большая часть абадзехов, особенно равнинных», уставших и разоренных от военных действий, «хотела войти в сношения с русскими; пши и уорки больше» не боялись контактов с российскими властями⁶⁴⁸. Вместе с тем зимой и весной 1859 г. Магомет-Амин еще надеялся изменить положение. На сообщение Лапинского, что ожидается прибытие оружия, боеприпасов и увеличение польского отряда, наиб Шамиля бурно реагировал, заявляя, что и он сможет повысить численность своих сил, объединившись с войсками Шамиля, – и тогда им будет обеспечен общий успех.

В связи с этими надеждами Магомета-Амина польский офицер задал наибу вопрос, что он, наиб, ответил, когда Шамиль «запрашивал» у него, «не может ли он в случае необходимости явиться» в Черкесию. «Магомет-Амин объяснил, что он отсоветовал это шейху Шамилю», полагая, что имам увидел бы народ, который «еще и через 20 лет» не станет исламским⁶⁴⁹. По мысли Магомета-Амина, Шамиль, в случае приезда в Черкесию, был бы «принят некоторыми с энтузиазмом, большинством же – с недоверием» и нашел бы в этой стране «могилу для своей славы»⁶⁵⁰. Наиб ут-

верждал, что он нашёл себе среди абадзехов врагов из-за своего «рвения к служению Аллаху и его пророку»; по его свидетельству, «вначале» он «предполагал, что магометанство, раз введенное в Черкесии, сохранится так же прочно, как и в Дагестане, но в действительности это оказалось не так»⁶⁵¹.

В середине апреля 1859 г. на Адагуме расположился российский военный корпус «из 16 батальонов и 12 сотен казаков и от крепости Адагум двинулся до устья речки Бакан». Здесь был разбит русский лагерь и начаты работы по возведению крепости. По оценке Лапинского, «это был последний смертельный удар натухайцам, сообщение которых с шапсугами теперь совершенно прервалось»⁶⁵². Летом этого же года Магомет-Амин получил письмо от Шамиля, в нём имам сообщал о последних «известиях» из Дагестана. Шамиль писал своему наибу, «что всякий порядок в Дагестане нарушился, что введенное им устройство совершенно поколеблено и ему больше никто не хочет повиноваться»⁶⁵³. Подобные сообщения, поступавшие из Дагестана, также не добавляли оптимизма в оценке перспектив продолжавшейся войны.

По свидетельству Т. Лапинского, «вечером 14 августа» Магомет-Амин явился к нему, «попросил всех присутствовавших» у него людей выйти «и, когда они остались одни», «вытащил какое-то письмо и прочел его взволнованным голосом. Это было письмо от его главы и учителя – от Шамиля, но военнопленного»⁶⁵⁴. В этом сообщении, очевидно, все было так, как вспоминал об этом Лапинский. Неточность была лишь в дате, 14 августа 1859 г. Шамиль еще не был «военнопленным», и письмо, о котором сообщает кондотьер, имам писал много позже, когда уже был в Калуге. Не внушает доверия и другая дата – 27 ноября, с которой было опубликовано письмо Шамиля⁶⁵⁵. Свои письма имам чаще не датировал, возможно, по этой причине последнее письмо к Магомету-Амину приурочено к такому важному событию, как переговоры, начавшиеся в ноябре 1859 г. между командованием и наибом Шамиля. Т. Лапинский был уверен, что Шамиль сочинял свое письмо «под влиянием и под контролем русских». Действительно, все письма имама (особенно вначале) подвергались проверке. Однако он писал то, что находил нужным, и никому не позволял, чтобы на него влияли; Шамиль с раздражением относился к попыткам продолжить Кавказскую войну в Дагестане и Чечне. Он не одобрял также события, происходившие в Черкесии. Высказываясь по поводу сопротивления горцев на Большом Кавказе, он не забывал

подчеркнуть мысль о том, что имам – в России, а стало быть, пора заключать мир.

В письме к Магомету-Амину Шамиль обратился также к «абад-зехам, шапсугам, убыхам и натухайцам», их «правителям, ученым, старшинам и начальникам». «Я и вы вели войну с русскими, – писал Шамиль, – но Богу угодно было отдать меня в их руки и покорить жителей Дагестана их власти – всех до одного»⁶⁵⁶. И здесь же Шамиль переходит к описанию того благородства, с которым к нему относится русский император. Он сообщает черкесам о необычайных привилегиях, пожалованных ему, и житейских удобствах, созданных для него в Калуге.

Шамиль не удержался в письме и от того, чтобы не рассказать об увиденном «в Москве, Петербурге, в Царском Селе и в приморской сильной крепости Кронштадте». Сообщая, что ему показали «все войска, огромные орудия и другие военные снаряды и принадлежности», Шамиль в деликатной форме давал понять о бесполезности войны с могущественным государством. Особо восторженно отзывался имам об Александре II. «Я убедился, – писал он, – что государь самый добрый из правителей нашего мира; в нем нет гордости» (высокомерия. — М.Б.). Основной смысл письма Шамиль выразил предельно кратко и ясно: «Заклучите мир и покоритесь государю»⁶⁵⁷ – и напомнил, что «русские покончили с Дагестаном», и если Россия будет вынуждена вооруженной силой добиться того же в Черкесии, «тогда ваше положение будет тяжело»⁶⁵⁸.

«Мнение и совет» имама, прошедшего более сложный путь войны, чем черкесские лидеры, заключались в рекомендации прекратить войну. Лапинский расценивал письмо как «пространную мольбу», а сам факт его появления – «неясным объяснением обстоятельств»⁶⁵⁹. Свое письмо Магомету-Амину Шамиль действительно писал в пору, когда его пребывание в России, длившееся немногим более двух месяцев, оставляло еще много неясностей. Разлученный с семьей, надломленный последними событиями войны, Шамиль своими интонациями в письме передавал состояние, полное человеческой грусти. Но именно эта грусть внушала читателю ощущение обреченности и бесперспективности войны с Россией – и оттого письмо имама обладало особым воздействием. «Бывалый» Лапинский хорошо заметил и это. Назвав письмо «мольбой», он просил Магомета-Амина «держатъ это письмо в тайне»⁶⁶⁰. Но о письме уже знали – эта новость, по свидетельству

самого Лапинского, «распространилась, как пожар»⁶⁶¹. Накануне, по замыслу Магомета-Амина и Лапинского, было объявлено о собрании горцев; в нем должны были принять участие не только черкесы, но и другие жители Большого Кавказа – осетины, сваны и т.д. Собрание состоялось, однако большая часть собиравшихся в нем участвовать так и не явилась – помешала «фатальная новость», как назвал Лапинский письмо Шамиля.

Магомет-Амин вслед за абадзехскими старшинами декларировал, как правило, про-турецкую ориентацию. При этом он крайне критически оценивал политику Порты в Черкесии. В этом он следовал не только за Шамилем, но и за той инерцией, которую наблюдал у самих абадзехов. Несомненно, имело значение особое покровительство, оказываемое турецким правительством Сафар-бею, при негативном отношении к Магомету-Амину. Для последнего главным ориентиром всегда оставался имам Шамиль. Прекращение войны в Дагестане и пребывание имама в России были для наиба решающими обстоятельствами, склонившими его к переговорам с российским командованием. Переговоры начались еще в середине ноября 1859 г.

20 ноября Магомет-Амин вместе с «почетными старшинами и депутатами от всех сословий», «в числе от 1500 до 2 тыс. человек», приняли присягу верности России «в русском лагере»⁶⁶². Генерал Филипсон, при котором состоялась присяга, «оставил» Магомета-Амина с абадзехскими старшинами, «но без всякой власти»⁶⁶³; наиб Шамиля должен был отправиться в Тифлис для встречи с Барятинским. В подтверждение своей присяги на другой день абадзехи выдали командованию аманатов. По мнению Филипсона, осенью 1859 г. после присяги абадзехов «на северной покатоности Кавказского хребта не осталось ни одного непокорного племени»⁶⁶⁴. В декабре 1859 г. Барятинский, совершая поездку по Северному Кавказу, встретился в Ставрополе с «абадзехской депутацией, состоявшей из 13 почетнейших старшин и младшего брата Магомета-Амина». Наиб Шамиля по просьбе старшин, опасавшихся, что он «затмит» их, не поехал на эту встречу⁶⁶⁵.

В январе 1860 г. по договоренности с абадзехскими представителями российские войска во главе с генералом Филипсоном прошли через Абадзехию «до Каменного моста», «и во все время» «народ оставался миролюбивым». Из своего «военного продвижения» среди абадзехов генерал сделал вывод. «Смею положительно уверить, – писал Филипсон главнокомандующему, – что

покорность, принесенная абадзехами, искренна и при терпении и справедливой снисходительности может обратиться в то, что мы называем безусловною покорностью»⁶⁶⁶. Призыв Филипсона к «справедливой снисходительности» был не случаен – ему, как никому другому, была хорошо известна приверженность Барятинского к излишне воинственным средствам разрешения черкесской проблемы. В рапорте к главнокомандующему он дополнительно сообщил и о Магомете-Амине. Генерал Филипсон был одним из выдающихся аналитиков Кавказской войны. Называя наиба Шамиля «умным человеком», он указывал и на его «жадность к корысти», благодаря которой тот «составил себе» «значительное состояние». Именно на это обстоятельство генерал надеялся, полагая, что Магомет-Амин будет верен своей присяге. По мысли Филипсона, только с помощью русского правительства наиб мог удержать свое богатство и «прочнее устроить свое благосостояние»⁶⁶⁷. Генерал находил возможным использовать Магомета-Амина в «окончательном устройстве края»⁶⁶⁸. По просьбе абадзехских старшин генерал Филипсон разрешил бывшему наibu Шамиля оставаться в Абадзехии в качестве «духовной особы», но без исполнения наибских функций⁶⁶⁹.

Административное устройство натухайцев

Еще в декабре 1859 г. не стало Сафар-бея, считавшегося «предводителем» натухайцев. По оценке генерала Филипсона, «в последнее время старик не имел никакого значения в народе»⁶⁷⁰.

Несколько раньше, в 1858 г., когда Сафар-бей продолжал сотрудничать с Лапинским, к Филипсону приезжал Мацок Мустафа, сын Сафар-бея, и предлагал голову своего отца. Русский аристократ, человек благородный, Филипсон, назвал Мацока «негодяем» и, естественно, не согласился на сделку⁶⁷¹. В феврале 1860 г. генерал Бабич во главе с Адагумским отрядом предпринял «движение» к натухайцам и привел их «к присяге на подданство» России. По представлениям Бабича, народонаселение натухайцев составляло «не менее 60 тыс. душ обоего пола»⁶⁷². В соответствии с провозглашенными Барятинским принципами это население «должно» было «одновременно водворяться большими аулами» в местах, на которых указало бы командование. Филипсон ставил также вопрос об учреждении среди натухайцев российского административного управления. Созданием «больших аулов» командование преследовало размещение жителей в сравнительно легкодоступных для войск местах и организацию контроля над населением. Только внешне подобная мера могла казаться карой не очень суровой, между тем столь серьезные перемещения населения разрушали хрупкую социальную стратификацию, сложившуюся среди горцев. Именно это болезненнее всего переносилось старшинской знатью, мечтавшей стать феодальной аристократией.

В административном отношении Филипсон предлагал создать отдельный Натухайский округ «под начальством генерала-майора»⁶⁷³. Создание для крупных черкесских племен самостоятельных округов, по мысли Филипсона, сохраняло бы особенности традиционного общества каждого племени, и они легче преодолевали бы свою неприязнь к русским. По российским меркам, общая конструкция окружного и местного самоуправления содержала в себе два достаточно важных для обеих сторон – русских и горцев – элемента прямого и непрямого управления. То есть в создавшемся административном аппарате были представлены не только российские интересы, но и интересы самих горцев, в том числе определенной прослойки горской знати. Схема окружной власти имела следующую конфигурацию:

Штат управления Натухайского округа⁶⁷⁴

Наименование чинов	Число чинов	Содержание в год					
		Одному				Всем	
		жалованье		столовых			
		руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Начальник округа генерал-майор	1	по чину		980	70	980	70
Помощник его из русских штаб-офицеров	1	по чину		420	30	420	30
Наибов, управляющих частями округа, из туземцев	3	500	–	–	–	1500	–
При начальнике округа старший адъютант	1	по чину		140	10	140	10
Словесный переводчик обер-офицер из горцев	1	по чину		–	–	–	–

Как видно, натухайцы «по географическому удобству» разделялись на три «части», каждая из которых являлась наибоством во главе с наибом. Последний назначался из «почетнейших старшин», избранных народом в «правительство»⁶⁷⁵. К наibu относились «политические и полицейские» функции. Он непосредственно подчинялся начальнику округа, имевшему право сменить его. Для реализации своей власти наibu была придана «конно-вооруженная команда» из десяти человек; команда находилась на казенном содержании. Местную аульскую власть возглавляли старшины. Предполагалось образование крупных поселений – по 250-300 семей в ауле; во главе каждого из них предусматривался «общинный старшина». Если аулы были невелики, их объединяли под управлением общинного старшины. Последний «избирался народом» и утверждался начальником округа⁶⁷⁶. Для натухайцев учреждался суд двух уровней – «народный», (окружной), действовавший под председательством начальника округа, и «общинный» – под председательством старшины.

Стоит отметить, что ни начальник округа в «народном суде», ни старшина в «общинном суде» не имели «начальства», т.е. какой-либо особой власти над судом. Их права ограничивались «только голосом» и находились в положении, равном со всеми другими членами суда⁶⁷⁷. Кроме председателя в народный суд входили

Главный кадий и три депутата «от народа»⁶⁷⁸. Общинный суд состоял из старшины и двух его членов, избравшихся «жителями общины»⁶⁷⁹.

Натухайская модель административного и судебного управления, вводимая в горных районах Черкесии, предполагала большую свободу, чем организация полицейской власти на равнине. Объяснялось это крайним недовольством, которое выражали жители равнины российской администрацией. Учитывалась, естественно, также особая «вольность», которой традиционно обладали горцы. Однако главным фактом в организации государственной власти в Черкесии следует признать другое – стремление Петербурга к разрешению черкесской проблемы, к установлению мира среди горцев и налаживанию цивилизованной экономической жизни. На этом этапе российское правительство не вынашивало планов экспатриации местного населения. Напротив, российское командование, имевшее явные военные успехи как на Северо-Восточном, так и на Западном Кавказе, верило в необратимость процесса «мирного покорения» черкесов и вынашивало не только планы «сбалансированной» организации власти среди горцев, но и схемы вовлечения их в экономическую систему Российской империи.

В связи с установлением российской модели власти необходимо подчеркнуть еще одно не менее важное обстоятельство – соответствие или несоответствие российской власти структурам общественной жизни и повседневности черкесов. Нельзя было не отметить, что командование стремилось совместить прямое управление с непрямым, т.е. сочетать в сфере властных структур как российские интересы, так и интересы горцев. При этом внешнем «балансе», казавшемся для того времени безупречным, не замечалось главное – российская система власти накладывалась на черкесское общество «сверху» как нечто искусственное, что напоминало операцию трансплантации на живом организме. При таком учреждении власти, практиковавшемся российским командованием, обнаруживался явный разрыв между характером «природы» власти и показателями уровня стадиальности черкесского общества. Идеальная форма власти для такого общества, как черкесское, должна была «вырастать» изнутри, представляя собой результат собственного социального развития.

Российская власть разрушала военный быт черкесов и их военную организацию с ее набеговой практикой, т.е. важнейшие эле-

менты общественной жизни. В этом отношении вводившаяся Магометом-Амином среди абадзехов власть, несмотря на свою примитивность, могла рассчитывать на большой успех; наиб Шамиля не только не разрушал военной организации своих «подданных», а, наоборот, совершенствовал эту систему, доведя войну до органичности постоянно действующей функции общественного организма. Несоответствие российской администрации базовым основам горской общественной жизни, о которых ранее было сказано в работе, содержало в себе предпосылки не только для дальнейших конфликтов с Россией, но и для продолжения идеологической работы по отторжению Черкесии от России.

Англо-турецкая пропаганда и проблемы переселения

Осенью 1859 г. Т. Лапинский решил «положить конец» своему «предприятию» в Черкесии⁶⁸⁰. Кондотьер объяснил причины, по которым покидал Черкесию. По его описанию, «все лето летали тучи саранчи, опустошавшей посевы. В результате этого вскоре начался убийственный падеж скота, захвативший не только рогатый скот, но и овец и коз, и, наконец, даже домашнюю птицу, так что в некоторых местностях почти не осталось животных»⁶⁸¹. Вскоре это несчастье сменилось другим – «начала свирепствовать холера». Солдаты Лапинского, страдавшие лихорадкой и не имевшие лекарств, оказались перед многими угрозами. Эти и другие обстоятельства были, как объяснял Лапинский, причиной, по которой он покидал Кавказ.

Лапинский умалчивал о той военной опасности, которой угрожало ему продвижение российских войск в Черкесии. Он хорошо осознал, что командование, закончив войну с Шамилем, перебросит крупные силы на Западный Кавказ и ему не придется больше надеяться на сколько-нибудь заметный военный успех. Отъезд Лапинского, оставившего в Черкесии небольшую часть своего отряда⁶⁸², имел важное значение для российского командования. Однако надеяться на серьезные последствия этого факта, как и на то обстоятельство, что не стало Сафар-бея, не приходилось. По сообщению русского консула в Трапезунде, уже в самом начале января 1860 г. известный нам Мустафа Мацок на французском пароходе вез турецкому султану письмо шапсугов с просьбой, «чтобы сын Сеферпаши, Карабатыр, был назначен их начальником на место отца»⁶⁸³.

Подобных обращений, связанных с желанием возглавить шапсугов и убыхов, все еще не покорившихся российским властям, было немало⁶⁸⁴. Среди авторов обращений были не только черкесы, но и люди «неизвестные» (нечеркесы), не объяснявшие, «к какому племени» они принадлежат»⁶⁸⁵. Российское командование, не предпринимая военных действий, пыталось наладить переговорный процесс с убыхами. Последние, однако, раскололись на две «партии» – сторонников принятия российской «покорности» и противников ведения переговоров с командованием. Первую партию возглавлял Хаджи-Керендух, усилия которого погашались другой партией: «недовольных» во главе с Измаил-беем – Бара-

кай-ипа Дзиашом (Дзиамом)⁶⁸⁶. Последний извещал убыхов, «что скоро Турция и Англия опять объявят России войну» и что поэтому они «должны продолжать борьбу и не покоряться хотя бы в течение настоящей зимы»⁶⁸⁷. А. И. Барятинский доносил в Петербург, что в результате стараний Измаил-бея, а также писем из Турции, присланных убыхам, с сообщением о скорой войне с Россией переговоры с убыхами были безуспешными⁶⁸⁸.

Весной 1860 г. генерал Филипсон совершил поездку в «катухайский округ», где происходили «волнения». Здесь ему стало известно, что «в горах» среди шапсугов и абадзехов разъезжали «три европейца», возбуждавшие местное население против России⁶⁸⁹. «Пришельцы из Константинополя» предсказывали не только войну Англии и Турции с Россией, но и прибытие в Черкесию англо-турецких войск⁶⁹⁰. Раздавались также угрозы в адрес тех племен, что приняли присягу верности России или вели переговоры с командованием о мире и покорности⁶⁹¹.

Под влиянием событий, происходивших среди абадзехов и шапсугов, в волнение пришли и натухайцы. Они явились к генералу Филипсону и просили разрешить им оставаться в прежних аулах и не принуждать к переселению в большие аулы, в «открытые» места. Со своей стороны натухайцы обещали не совершать более вооруженных набегов⁶⁹². Угрозы генерала о новых военных действиях, «истреблении» и даже «изгнании» горцев из их «земель» успокоили натухайцев; старшины обратились к Филипсону и «просили простить им безрассудный их поступок»⁶⁹³.

В этих осложнившихся условиях генерал огласил свою прокламацию, в которой подтвердил основные принципы управления натухайцами, а также льготы, предоставляемые им: в числе последних назывались освобождение в течение трех лет от налога и введение его по истечении этого срока в размере трех рублей с каждого двора «на содержание управления, школ и других общепользных в народе учреждений»⁶⁹⁴. Несмотря на подобные льготы и вполне приемлемые налоги – к ним относились и обещания оказать черкесам продовольственную помощь, – иностранные миссионеры находили в Черкесии приют. Осенью 1860 г. сюда из Турции прибыл офицер Фунч. Пароход последнего «останавливался в Вардане». Отсюда он вместе с местными старшинами и «князьями» направился «для совещаний» в Туапсе. Здесь с представителями «непокорных племен» прибрежных районов обсуждался вопрос «об изыскании средств к противодействию» России на Западном Кавказе⁶⁹⁵.

Главнокомандующий Кавказской армией А. И. Барятинский хорошо знал Северо-Восточный Кавказ, Западный же Кавказ знал меньше. Несмотря на это, он нередко высказывал оригинальные суждения по черкесской проблеме. Милитаристский пафос, во власти которого находился фельдмаршал, не мешал ему видеть реальные перспективы развития событий на Западном Кавказе. При этом нельзя было не обратить внимание на стремление Барятинского соотнести внутренние социальные явления в горской среде с характером военно-политических процессов. Еще весной 1860 г., когда наметился серьезный перелом на Западном Кавказе и, казалось, российское командование ожидают крупные успехи, Барятинский в письме военному министру высказывал свои сомнения по поводу оптимистических надежд на развитие событий в Черкесии. Он отмечал, что «прекращение войны» на Северо-Восточном Кавказе «имело сильный отголосок и среди племен закубанских»⁶⁹⁶; следствием этого он считал покорение абадзехов и нутхайцев. Но наместник не надеялся на «продолжительность» такого развития политических событий. «Опасно было бы для нас, – предупреждал Барятинский Петербург, – слишком доверяться такому, по-видимому, благоприятному настроению умов в этом крае, и я поставлю себе долгом выразить откровенно, что здесь далеко еще нельзя считать дело наше оконченным»⁶⁹⁷. Объясняя причины своего «безрадостного» прогноза, Барятинский ссылаясь не на нехватку войск – их стало вдвое больше, чем было раньше, – а на внутренние различия в общественной организации среди народов Северо-Восточного Кавказа и Черкесии. «Между народами восточной и западной половины Кавказа есть огромная разница», – писал Барятинский военному министру⁶⁹⁸. Здесь же он высказывает ключевую мысль, важную для исследователя Кавказской войны: «В Дагестане мы нашли уже глубоко вкорененные начала гражданственности и привычку к повиновению властям, даже к самовольному тяжкому игу»⁶⁹⁹.

Давая такую оценку внутренней организации власти в Дагестане, Барятинский, несомненно, имел в виду государственные основы, заложенные Шамилем. Продолжая мысль наместника, стоит особо подчеркнуть, что, создав имамат, Шамиль подготовил Дагестан к государственно-управленческой интеграции с Россией и тем внес неоценимый вклад в дело дальнейшего – относительно благоприятного – развития русско-дагестанских отношений. Иную картину Барятинский видел на Северо-Западном Кавказе.

«На Западе, писал он, – напротив того, народы раздроблены на мелкие общины или семейные союзы, не управляемые никакими властями, не имеющие между собою никакой связи гражданской. Племена эти издревле привыкли к необузданной свободе»⁷⁰⁰. А. И. Барятинский указывал на слабые «основы» политической деятельности Магомета-Амина и Сафар-бей. Их влияние среди черкесов он определял как «нравственное», жиздившееся на «идеологии вражды» к русским. «Каждый из них, – подчеркивал наместник, – был в своем кругу как бы знаменем... для отчаянной борьбы» с Россией, и на этой платформе происходило непрочное объединение отдельных общин и племен⁷⁰¹. Шамиль тоже противостоял России, но его глубокие внутренние преобразования и шариатская идеология были приоритетными, объединив различные «вольные» общества и племена в государственное образование в форме имамата. Сафар-бей и его сын добивались власти, чтобы сколотить собственность, но они еще были далеки от разрешения таких масштабных общественно-стратегических задач, какие ставил перед собой имам Шамиль. Попытки Магомета-Амина копировать «образ» своего духовного наставника были также безуспешны, поскольку наиб чисто механически переносил опыт Шамиля на черкесскую почву. Барятинский опасался, что военные действия в Черкесии могут затянуться. «Много еще нам предстоит работать лопатами и топорами, чтобы стать в то положение, когда присяга шапсугов, убыхов и даже абадзехов может быть признана фактом действительным и благонадежным», – заключал наместник⁷⁰².

Другим аналитиком положения в Черкесии выступал Теофил Лапинский. Он не обладал высокими регалиями, являлся по-прежнему прапорщиком «в австрийской артиллерии»⁷⁰³, но хорошо знал Черкесию. Вернувшись в Европу, он был «удивлен» тем, что европейская пресса в один голос отмечала победное завершение Россией военного покорения черкесов. Как и Барятинский, он был другого мнения, предвидя, что война может принять затяжной характер.

Покинув черкесов, Лапинский составил развернутую «Записку», которая была потом доставлена из Константинополя капитаном Франкини в Главный штаб Кавказской армии. У нас нет данных об обстоятельствах, при которых появилась «Записка», но, судя по ее содержанию, кондотьер совершил очередную сделку; на этот раз свои услуги он предложил России. По его мысли, вполне совпадавшей с высказываниями Барятинского, «бесчисленные участки и 100 дворов представляют столько же маленьких респуб-

лик, не признающих над собою никакой власти»⁷⁰⁴. В этом он видел «причину, почему страна не может придти к благоустройству и почему русское правительство не может полагаться» на присяги черкесских старшин⁷⁰⁵. У шапсугов Лапинский не находит князей. Влияние Сафар-бея, по его мнению, основывалось на его титуле «паша», присвоенном ему турецким правительством. Характеризуя его сына, Карабатыра, он называет его «бездарным», не пользовавшимся «ни малейшим весом между своими соотечественниками»⁷⁰⁶. Несмотря на это, Лапинский советовал российскому командованию «склонить» Карабатыра «на свою сторону и отослать вовнутрь России, иначе, – писал он, – тот может поддерживать вредное волнение в крае при содействии Турции»⁷⁰⁷.

Кондотьер доносил российскому командованию, что духовенство в Черкесии – «заклятый враг России; оно могло бы быть весьма опасным, ежели бы не утратило в последнее время за жадность и обманы доверие народа»⁷⁰⁸. «Наиб Магомет-Амин, – писал Лапинский, – нажил себе много врагов лихоимством, совершаемым под личиною святошества, и был вынужден начать переговоры из опасения быть убитым черкесами»⁷⁰⁹. Лапинский считал, что правительство русское должно было считать себя «счастливым», что Англия, Франция и Турция недооценили в Крымской войне значение Черкесии. Лапинский предупреждает: «Кто может ручаться, что в случае новой войны ошибка эта снова не повторится?» «Поэтому, – рекомендует он, – Россия должна во что бы то ни стало покорить земли шапсугов и убыхов, ежели она желает спокойно владеть кавказскими провинциями»⁷¹⁰. Кондотьер наставлял своих бывших «русских врагов» пока оставить абадзехов в покое, «усыпляя их надеждами», но взяться за покорение шапсугов и убыхов, «обезоружив» или «изгнав» их из Черкесии⁷¹¹. По его убеждению, «с убыхами же и шапсугами мир ни к чему не поведет», разве что если Европа лет 40 не будет вмешиваться в разрешение черкесского вопроса. Повторяя свою мысль об усилиях, направленных на разоружение этих племен, Лапинский настоятельно советует «изгонять их из прибрежной полосы Черного моря»⁷¹².

Еще недавно вместе с черкесами сражавшийся против русских войск, он рекомендует предложить убыхам и шапсугам четыре разных условия: 1. Возвратиться к христианской религии. 2. Переселиться вглубь России. 3. Сложить оружие. 4. Переселиться во владения турецкого султана⁷¹³. Он был уверен, что ни на одно условие черкесские племена не согласились бы, и поэтому единс-

твенным выходом он считал применение силы⁷¹⁴. Хорошо зная черкесские местности, а также слабые и сильные, стороны обороны черкесов, Лапинский в своей «Записке» дает подробную схему, по которой должны действовать войска генерала Филиппсона, чтобы покорить «непокорных». «Сакли черкес», «встречаемые русскими войсками», он предлагал сжечь, «а экспедиции, предпринимаемые из лагерей и укреплений, должны производиться чаще и с большей энергиею, чем это делалось до настоящего времени»⁷¹⁵. Считая это главной задачей, Лапинский рекомендует перебросить войска из Дагестана и довести их в Черкесии до 25 тыс.⁷¹⁶ По его мнению, «несколько хороших стрелковых батальонов при корпусе принесли бы огромную пользу»⁷¹⁷. Он уверен, что именно таким способом будут созданы необходимые условия черкесам «выселиться во владения турецкого султана»⁷¹⁸.

Политический и воинский цинизм Лапинского, виновного в развязывании войны в Черкесии, этим не ограничивался. Хорошо зная прибрежную жизнь черкесов и их торговлю с Турцией, он, в свое время наладивший взимание пошлины с турецких судов, советует российскому командованию больше уделить внимания контролю над береговой линией. Лапинский отмечал неэффективность действий российских властей, пытавшихся прекратить турецкую военную помощь. По его данным, которые он считал «официальными», только в 1859 г. от Анатолийского берега отчалило в Черкесию 2300 кочерм, из них погибло только 34, застигнутых бурей или же захваченных «русскими катерами»⁷¹⁹. В борьбе с морской контрабандой Лапинский советует российскому командованию «иметь при флотилии 600 искусных хорошо и легко вооруженных стрелков, которые при первой возможности высаживались бы на берег, нападали и сжигали бы аулы, лежащие близ морского берега»⁷²⁰. При этом кондотьер объясняет, что, расправляясь с прибрежными черкесами, не следует пользоваться пушками – «гром русских пушек, причиняющих мало вреда, дает знать черкесам, что русские пришли и служит им сборным сигналом»⁷²¹. Он указывает на беспечность черкесов на побережье и советует этим воспользоваться.

Лапинский подробно знакомил российское командование с людскими ресурсами черкесов, обращая внимание на их военный потенциал: по его подсчетам, на 100 дворов приходилось от 160 до 180 хорошо вооруженных воинов, из них от 60 до 70 – на «хороших конях»⁷²². Все черкесские племена, по свидетельству Лапинского, могли выставить войско «до 80 тысяч» «хорошо вооруженных во-

инов, в том числе конных – «от 28 до 30 тысяч»⁷²³. Вооружение черкесского воина состояло из кинжала (хъамы, камыл), шашки, пистолета (шокнгкеци) и винтовки (шоинг); редкий черкес не обладал таким набором снаряжения⁷²⁴. Завершая свою «Записку», Лапинский предлагал российскому командованию учесть свои собственные ошибки, допускаявшиеся еще с 1828 г., и перейти к новой тактике решительных действий. «Повторяю еще раз, – писал он, – что мы считаем возможным покорение этого края, но будем считать страну занятой и покоренной только тогда, когда племя будет изгнано или обезоружено и когда вдоль берега Черного моря будут поселены русские колонии». Кондотьер убеждает командование в том, что если оно будет придерживаться «старой системы», то «дела русских» через 30 лет будут в том же состоянии, как и «30 лет тому назад». «Записка» Лапинского завершалась ключевой мыслью: «С таким народом сила ведет ко всему, строгость – ко многому, а снисхождение – к отрицательному результату»⁷²⁵.

Сложно комментировать «Записку» Лапинского, доставленную в Главный штаб Кавказской армии. Объяснение ее сопряжено с поисками дополнительных сведений, связанных с обстоятельствами ее появления. Нельзя предполагать «предательство», «подкуп» и проч. как единственные побудительные мотивы, послужившие причиной написания такой «Записки»; не исключено было, например, что «Записка» Лапинского – «провокация» турецкой стороны, видевшей в конце 50-х гг. XIX в. разрешение черкесской проблемы в депортации местного населения. Воздерживаясь от оценок «Записки» и ее автора, отметим в ней главное – Лапинский объективно воспроизводит положение, в котором находилась Черкесия на рубеже 50 – 60-х гг. XIX в. Не подлежит сомнению и другое – не только Барятинский, склонявшийся к тем же решениям, которые предлагал кондотьер, но и его оппоненты не могли не считаться с теми реальностями, которые умный польский авторитет со знанием дела обрисовал в «Записке». Во всяком случае, было очевидно, что с начала 1860 г. российское командование заметно радикализировалось, как никогда ранее став приверженцем силовых методов решения черкесского вопроса. Дальнейшие события в Черкесии разворачивались так, словно «сценарий» Лапинского, предложенный им в «Записке», послужил Барятинскому основой для его «режиссерской» работы.

В феврале 1861 г. в письме военному министру А. И. Барятинский сообщал, что ему «явилась мысль о совершенной перемене

системы действий в этом крае»⁷²⁶. «Мысль», о которой сообщал фельдмаршал, формулировалась так, словно фраза была заимствована у Лапинского. Что же касается новой «системы действий», то под этим он подразумевал прежде всего колонизацию Черкесии. «Извольте знать, – писал Барятинский министру, – что с весны этого года будет начата в больших размерах система занятия горного и предгорного края казачьим народонаселением»⁷²⁷. Наместник изменил направление колонизации. Вместо «колонизации» «с двух противоположных оконечностей» (с севера и с юга), как это планировалось раньше, он решил «двигаться» «от Лабы на запад»; только в 1861 г. в пространстве между Лабою и Белою он намерен был устроить 17 казачьих станиц. Барятинский не сомневался, что в течение 5-6 лет дело дойдет и до заселения казачеством «земли нутухайцев»⁷²⁸.

Вслед за продвижением на Лабинском направлении Барятинский думал приступить к колонизации «приморских долин», предназначая их для «азовских казаков»⁷²⁹. В 1861 г. российское командование занималось главным образом колонизацией Северо-Западного Кавказа. Эта проблема, как стратегическая, была согласована наместником с Александром II.

Однако генерал Н. И. Евдокимов, заменивший Филипсона на Западном Кавказе и ставший командующим войсками Кубанской и Терской областей, доносил, что «распоряжение о переселении» казаков «на новые места» встречено «с неудовольствием» у самих казаков и «не обходится в подобных случаях без вредных внушений»⁷³⁰. Главные тяготы для казаков Кубанского войска состояли не только в том, что они переселялись «на передовую линию», полную тревоги и вооруженных конфликтов, но и в крайнем разорении, которому они подвергались. В «Приговоре общества станицы Старо-Щербиновской» описывались масштабы хозяйственного обнищания, к которому приводили казачество распоряжения Барятинского. «Всякого рода переселение, – писали казаки, – есть погибель для нас и окончательное разорение»; они жаловались, что им приходится «идти почти нищими в неведомый им край, подвергаясь всем невыгодам горького своего положения», и что не знают, как «успокоить рыдающие семейства»⁷³¹. Под «Приговором» подписались 770 казачьих семейств⁷³². Подобные обращения поступали и от других станиц, жителям которых предписывалось переселиться на «передовые линии»⁷³³. Российские власти, видевшие остроту проблемы (волевое решение их угро-

жало тяжелыми последствиями), были вынуждены взять на себя частичное возмещение убытков, наносимых казакам, – 672 руб. на одно хозяйство⁷³⁴. Но и в этом случае казаки роптали, не желая переселяться в черкесские земли. Они ссылались на «гористость местности», не пригодной для хлебопашества. В Кубанском казачестве начались волнения. В них участвовали не только бедные слои, но и «дворянство»⁷³⁵. «В станице Александровской, – доносил Евдокимов, – волнение было огромное; народ обезумел...»⁷³⁶.

Генерал Евдокимов, наказной атаман Кубанского казачьего войска, был вынужден приостановить переселение. Но здесь уже вмешался сам император, разделявший планы главнокомандующего. Он направил свой рескрипт лично генералу Евдокимову. Выговаривая прославленному герою Кавказской войны, император изложил свою позицию в решении черкесской проблемы; это решение он связывал с исполнением предначертанного плана о русском заселении Закубанского края⁷³⁷. Что касается положения кубанского казачества, расплачивавшегося за «исполнение плана» дорогой ценой, то император властно заявлял: «Переселение вперед наших линий, конечно, не может не быть тягостным; но это переселение есть жертва, приносимая верноподданными для блага отечества»⁷³⁸. Александр II напомнил казакам их главную государственную миссию – «оберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам, и заселять отнимаемые у них земли». Конкретизируя эту мысль, он пояснял, что и ранее казаки «постепенно оттесняли неприятеля в горы» и заселяли «оставленные им земли»⁷³⁹. Несмотря на свои жесткие заявления, император в том же рескрипте смягчил политику насильственного переселения казачества, угрожавшую серьезными волнениями на Юге России. Наиболее важным для судеб казачества решением царя являлось его указание о том, чтобы «заселение это производить в ежегодно потребном числе семейств, преимущественно из охотников», т.е. добровольцев; «недостающее же затем число семейств распределять по ближайшему усмотрению главнокомандующего Кавказской армией на все Войско, но преимущественно на удаленные от передовой линии станицы»⁷⁴⁰. Таким образом, Александр II фактически отменил как насильственное переселение целых казачьих станиц, так и форсированный характер этого переселения; тем самым на Юге России было снято социальное напряжение среди казачества, созданное Барятинским.

Развязка черкесской драмы

Официально до 1862 г. А. И. Барятинский еще считался наместником, но с 1861 г. обязанности его выполнял генерал-адъютант Г. Д. Орбелиани. Таким образом, из руководства Кавказской армией ушли главнокомандующий и начальник Главного штаба – два наиболее радикально настроенных в решении черкесской проблемы деятеля. Назначение Г. Д. Орбелиани на должность главнокомандующего предполагало намерение императора активнее участвовать в черкесских делах. Важной переменной следовало считать назначение начальником Главного штаба генерала Г. И. Филипсона, придерживавшегося своей собственной позиции в разрешении черкесского вопроса.

В связи с приходом Филипсона в Главный штаб стоит упомянуть об одной очень важной детали. Еще осенью 1860 г. во Владикавказе «состоялось совещание высшего кавказского начальства во главе с князем Барятинским»⁷⁴¹. На нем главным вопросом был «план военных действий в Закубанском крае»⁷⁴². Генерал Филипсон изложил свой взгляд на черкесскую проблему, отличный от позиций других участников совещания. Он подчеркивал мысль о том, что «горское население западной половины Кавказа совершенно отлично от населения восточной: к нему вовсе не применим тот образ действий, который привел к таким успешным результатам в Чечне и Дагестане, что крутые меры против шапсугов и убыхов только доведут эти многочисленные племена до ожесточения и даже, быть может, вызовут вмешательство европейских держав, особенно Англии, которая не признает прав России на восточный берег Черного моря»⁷⁴³.

Не менее оригинальной, чем оценка особенностей черкесской ситуации, была и конструктивная часть суждений Филипсона. По его мнению, в Черкесии следовало действовать «мерами кроткими»⁷⁴⁴. Он был уверен, что «при содействии» Магомета-Амина было возможно достигнуть во всем Западном Кавказе «такой же степени покорности», какая уже достигнута среди абадзехов и натухайцев⁷⁴⁵. Российскую власть Филипсон предлагал «упрочить» «занятием некоторых укрепленных пунктов, проложением дорог, рубкою просек, введением управления, сообразно быту и нравам туземных племен, в духе гуманном, не препятствуя торговым сношениям прибрежных горцев с Турцией»⁷⁴⁶.

На совещании во Владикавказе на Филипсона обрушился генерал Евдокимов – единомышленник Барятинского, повторивший план главнокомандующего: «Решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселиться на открытые равнины, позади казачьих станиц, или уходить в Турцию»⁷⁴⁷. Исполнение такого плана в течение 2-3 лет Евдокимов брал на себя⁷⁴⁸. Д. А. Милютин, военный министр, также являвшийся оппонентом Филипсона, отзывался о последнем как о «человеке умном, опытным и деловом»⁷⁴⁹. «Кончив первым курс Военной академии в 1835 г., – свидетельствовал Милютин, – Филипсон был на счету лучших офицеров Генерального штаба»⁷⁵⁰. Он, по мысли военного министра, не мог сойтись с князем Барятинским в пору, когда последний приступил к силовому решению черкесской проблемы и штаб Кавказской армии оказался «на переходном положении»⁷⁵¹. В начале 1861 г. генерала Филипсона⁷⁵² сменил генерал-адъютант, профессор Николаевской академии Генерального штаба А. П. Карцов.

Еще весной 1861 г., когда главнокомандующий взялся за масштабную колонизацию Черкесии, Барятинский взбудоражил не только казачество Юга России, но и черкесские племена, хорошо осознававшие последствия подобной казачьей колонизации. Как реакция на его военно-политические действия в июне 1861 г. «для восстановления власти» «и для учреждения независимости» в Черкесии был создан Совет, на который тогда же были приглашены «все черкесы»⁷⁵³. На этом Совете черкесскими племенами был образован «чрезвычайный союз» и учрежден «меджлис из 15 человек, улемов и умных людей»⁷⁵⁴. Меджлису было придано «звание» «великого» «свободного собрания». По его решению в Черкесии создавались «12 округов», во главе которых определялись «муфтий и кадий, а также муфтар (старшина)»⁷⁵⁵. Окружное руководство обязано было исполнять «повеления» меджлиса и действовать заодно «с великим заседанием» (собранием). Были определены формы организации военной службы и несения налоговых сборов.

«Очевидные собранность и единение», проявленные в короткое время в деле организации административного управления разрозненными черкесскими племенами, свидетельствовали прежде всего о вмешательстве «сторонних сил». Впрочем, сами черкесы об установлении у них государственной власти сообщили «Английской державе» через английского консула в Сухуми Диксона⁷⁵⁶.

По сведениям генерала Орбелиани, исполнявшего обязанности главнокомандующего, в начале лета 1361 г., когда в Черкесии проходили процедуры организации государственной власти, среди черкесов находились «три иностранца», прибывшие «с целью возбудить их к общему против» России «союзу»⁷⁵⁷. Генерал также сообщал военному министру, что «иностранцы обещали помощи западных держав», но только в том случае, если они, черкесы, создадут свой «союз» – в сущности, антироссийский⁷⁵⁸. Орбелиани указывал и на другую причину, подтолкнувшую черкесские племена к антироссийскому союзу. Он связывал ее с учреждением «на левом берегу р. Лабы новых казачьих поселений»⁷⁵⁹.

В середине августа 1861 г. представители Черкесского союза обратились к российскому командованию с заявлением об учреждении у них «управления над великим черкесским народом»⁷⁶⁰. За этим последовали «требования и угрозы». От имени Союза черкесы требовали прекратить разборку дорог, вернуть бесланеевцев на свои прежние места жительства⁷⁶¹. Среди «дерзко» угрожавших командованию были не только шапсуги и убыхи, но и абадзехи, ранее принявшие присягу и считавшиеся покорными России. На обвинения генерала Евдокимова в нарушении ими присяги абадзехи, накануне совершившие набеги «в пределы» российской границы, «отвечали просьбою дать им возможность послать своих депутатов в Петербург» к императору. Без всякой дипломатии старшины заявляли, что, убедившись в позиции «русского государя», они решат, кто из них будет покорным России и станет выполнять его волю, кто покинет Черкессию и уедет в Турцию, а кто продолжит с оружием защищать свою свободу⁷⁶².

Не получив согласия у генерала на поездку в Петербург, черкесские представители просили разрешить им встретиться в Тифлисе с наместником. Трем старшинам (от каждого племени по одному представителю) было дано право поехать к генералу Орбелиани. В Тифлисе старшины трех племен подали прошения на имя командующего Кавказской армией. Жалуясь на генерала Евдокимова, «двинувшегося» к ним с войсками, они просили простить им прежние вины, «происшедшие от недоразумения и молодежи нашей». Требования черкесских представителей были те же – «не производить постройки укреплений и станиц», сохранить за ними их земли и разрешить им встретиться с императором⁷⁶³.

Генерал Орбелиани вручил им письменный ответ, состоявший из четырех пунктов: 1. Предоставление каждому переселенцу чер-

кесу земли. 2. Соблюдение свободы верования. 3. Не брать черкесов в казаки. 4. Предоставление каждому селению и округу права «выбирать из среды своей судей и старшин». При этом Орбелиани подчеркивал: «Покорные получают лучшие земли, непокорные будут лишены... жилища, и стада их будут уничтожены»⁷⁶⁴.

Несомненно, что английское вмешательство в российско-черкесские военно-политические процессы произошло в самый ответственный и острый момент и имело тяжелые для черкесской стороны последствия. После переговоров генерала Орбелиани с черкесами Александр II поручил Д. А. Милютину представить свое «мнение» по вопросам о возможном заключении с черкесами договора об образовании Черкесского Союза и о предстоящей встрече императора с представителями Черкесии. От ответа Милютина зависел по существу характер дальнейшего развития черкесских событий. «Долговременный опыт, – писал Милютин императору, – научил нас, как мало существенного значения могут иметь всякие переговоры и договоры с горскими народами... В этом отношении племена Западного Кавказа еще менее чем другие, могут подчиняться каким-либо договорам»⁷⁶⁵. Критически отнеся военный министр и к Черкесскому союзу; связывая его с внешним влиянием, он подчеркивал и другое – непрочность такого «союза», поскольку, на его взгляд, «племена эти слишком привыкли к независимости и разрозненности, слишком мало знакомы с гражданским устройством и властью»⁷⁶⁶.

Здесь же следует заметить, что часто повторявшийся среди генералов тезис о том, что у черкесов не было гражданского устройства, был порожден по меньшей мере ошибочным представлением. Черкесское общество как человеческое общежитие по-своему являлось гражданским, вполне сбалансированным «устройством», но оно принадлежало другой эпохе, нежели общество Милютина. Последующие оценки военного министра, высказанные им в «Записке», предназначенной Александру II, звучали как приговор черкесским племенам. Желание черкесов встретиться с императором и заключить мир Милютин расценивал по-своему. «Горцы, – писал он, – видят близкий и неминуемый конец вековой борьбы; они чувствуют, что вскоре могущественное казачье население совсем задавит их. Они делают последнее усилие соединиться против» России «и прежде, чем поднять еще раз оружие, делают попытку приостановить капор» русских⁷⁶⁷. Продолжая эту мысль, Милютин делал акцент на той опасности, которая будто бы грозила России.

«Быть может, – отмечал Милютин, – даже есть при этом тайный расчет протянуть борьбу до новой европейской войны, ожидаемой с нетерпением нашими врагами – внешними и внутренними»⁷⁶⁸.

Напомним, «Записка» Милютина составлялась в августе 1861 г., когда Россия после отмены крепостного права была социально накалена до «предела» и когда подобная война, о которой писал военный министр, могла стать для страны катастрофой. Угроза новой «европейской войны» придавала последним фразам Милютина особый смысл, с которым не мог не считаться император. «Мы должны настойчиво продолжать заселение края казаками, – писал министр, – ибо не могу отступить от своего всегдашнего убеждения, что, только вытеснив туземцев из гор и заняв их место казаками, можем прочно утвердиться в крае, водворить в нем спокойствие и не опасаться уже потерять Кавказ при первом разрыве с морскими державами»⁷⁶⁹. «Потерять Кавказ» в случае «европейской войны» считалось самой малой ценой, которую Россия могла заплатить в случае новой войны.

В историографии вопрос о переселении черкесов из горных районов на Кубань освещается крайне предвзято и рассматривается так же, как и переселение в Турцию, – в виде «трагической страницы». Между тем такому же переселению на равнины Северного Кавказа подверглись осетины, чеченцы, ингуши и карабулаки, рассматривавшие эту акцию российских властей как благодеяние. На самом деле российское правительство, преследуя собственные цели, подобным переселением фактически создавало для горцев новые условия, более выгодные для их экономического роста.

Не соответствует также действительности и утверждение, будто для черкесских переселенцев на Кубани выделялись «болотные места». Всего российское правительство для горных черкесов предназначило 864 тыс. десятин, из них 50 тыс. относились к болотистым, где никто не заселялся и не проживал⁷⁷⁰. Учитывая сложность военно-политического положения в Черкесии и нежелание горцев к переселению, российские власти отводили черкесам «особые земли», «нисколько не уступавшие» «чеченской плоскости» и превосходившие своим плодородием «самые лучшие части России»⁷⁷¹. Напомним: толщина гумуса в бывшей Кубанской области составляет 1,5-2 метра и относится к уникальным природным явлениям. В горных местностях черкесы в среднем на одну семью имели 1 десятину пахотного участка, остальное составляли

луга и лес; на равнине на каждую семью выделялось земли «от 4 до 5 десятин на душу»⁷⁷². Если учесть, что черкесские семьи были «большими», то фактически переселенцы становились владельцами крупных земельных участков; чеченцы, также переселенцы, земли которых уступали по плодородию, наделялись «до 3 десятин на душу» и рассматривали себя вполне состоятельными⁷⁷³. При определенном для черкесов наделе на левом берегу Кубани российское правительство могло разместить 157 тыс. душ мужского пола.

К началу 1862 г. вместе с бжедухами горных черкесов было 161 300 душ мужского пола. В связи с нехваткой удобной земли на левом берегу Кубани, бжедухов, коих насчитывалось 10 тыс. душ мужского пола, намечалось расселить в Пятигорском уезде, где для переселенцев выделялось 409 638 десятин⁷⁷⁴. Сами по себе «административные формы» переселения не содержали ни особой режимности, ни условий, ущемлявших права и свободы переселенцев. Бесспорным являлось и другое: в России, в стране с евразийской организацией «исторической автономности» народов, черкесы на новом месте имели перспективы сохранения этнической и государственной целостности и могли стать важным экономическим и культурным потенциалом России и Кавказа.

В конце 50-х — начале 60-х гг. среди многих народов Северного Кавказа наметился переселенческий процесс — в Турцию и страны Ближнего Востока. Традиционное объяснение его сводится к колониальной политике России и религиозно-провокационной деятельности турецких властей. Не отвергая ни того, ни другого объяснения, стоит отметить, что каждый народ, захваченный этим процессом, имел к тому свои внутренние предпосылки. Например, массовый исход в Турцию карабулаков, ранее поселившихся на равнине и успешно занимавшихся земледелием, был вызван разбойными нападениями на них чеченцев. Осетинское движение к переселению в Турцию было связано с феодальной оппозицией, опасавшейся потерять свои земельные владения и зависимых крестьян. На этой же почве развивалась феодальная фронда в Кабарде, выступая за переселение в единоверную Турцию.

Гораздо больше внутренних мотивов было у горных и равнинных черкесов. Находясь в состоянии войны с Россией, навязанной черкесам «третьими силами», они, с одной стороны, подпадали под общую волну переселенческого движения в Турцию, с другой — оказывались «во власти» устойчивой идеологии конфронта-

ции с Россией. О второй причине стоит сказать отдельно. Как уже отмечалось, черкесское общество, общество переходной стадийности, становилось на путь новых общественных процессов в условиях традиционной (а не религиозной!) идеологии «закрытого общества», «отстраненного» – до поры до времени – от внешнего мира и занятого разбойными набегами и торговлей людьми. Это не только отдаляло черкесское общество от любой формы интеграции с Россией, но и предполагало неотвратимое противостояние. Последнее обуславливало активное вмешательство в черкесское урегулирование Англии, Турции и Франции, порождало среди горцев высокую степень доверия к этим державам. Российско-черкесскому противостоянию способствовала также внутренняя социальная расколотовость черкесского общества, охваченного глубокими внутренними противоречиями. Из-за этих противоречий – между знатью старшинской и так называемой дворянской – черкесская проблема обрела четкие международные очертания. Развязанная в 1857 г. польскими флибустьерами и их заморскими покровителями война вызвала вооруженное давление России на черкесов, поставив последних перед выбором: или «переселение в Россию», или же – в Турцию.

На начальном этапе переселения в Турцию официальные власти России противились этому движению черкесов и ограничивали их поездки даже в Мекку. Еще летом 1857 г. Милютин спустил генералу Евдокимову предписание, согласно которому паспорта на отъезд в Мекку выдавались представителям племен, считавшихся «покорными» России. Тогдашний начальник штаба требовал «строго следить за отъезжающими в Турцию»⁷⁷⁵.

Российское правительство, знавшее о стремлении черкесов переселиться в Турцию, опасалось международных осложнений. Двухлетняя война черкесов во главе с Явлинским в 1859 г. усилила переселенческие процессы среди черкесов. К весне этого года официально в Турцию переселились 257 семейств⁷⁷⁶. Летом 1859 г. вводились ограничения к переселению черкесов⁷⁷⁷. Несмотря на это, к ноябрю 1859 г. число черкесских переселенцев составило 533 семейства⁷⁷⁸. Нет данных о социальном составе переселенцев (что хорошо объясняло бы характер переселенческого движения), однако сами зависимые от знати беженцы заявляли о «безнаказанности своих собственных беев, которые их грабили и которые увлекают их теперь за собой в Турцию»⁷⁷⁹.

В начале 1860 г. турецкое правительство выразило послу России недовольствие по поводу переселения черкесов в Турцию. Не исключено, что это было дипломатическим маневром, вызванным желанием возложить ответственность за переселение на Россию. Последняя в свою очередь ужесточила условия для тех, кто, приняв турецкое подданство, желал вернуться обратно – их ссылали в Сибирь⁷⁸⁰.

Весной 1860 г. российское командование, желая ограничить переселение в Турцию, запретило «переселяться сухим путем»⁷⁸¹. Однако переселение принимало характер стихии. В связи с этим командование предписало генералу Евдокимову «иметь строгое наблюдение за недопущением» в Кубанской области «учреждения никаких ни денежных, ни натуральных налогов и повинностей» с черкесов, дабы не провоцировать их к переселению⁷⁸². Той же весной последовало «циркулярное» предписание о «беспрепятственном пропуске» возвращавшихся на родину черкесов, имевших не просроченные паспорта⁷⁸³. Тогда же были ужесточены условия и для переселения в Турцию, и для возвращавшихся обратно в Россию⁷⁸⁴. Для черкесов, желавших отправиться в Турцию, были закрыты Керчь и крымские порты.⁷⁸⁵

Летом 1861 г. главнокомандующий Кавказской армией извещал Петербург о том, что черкесы «все без исключения увольнялись в Турцию под предлогом путешествия в Мекку на поклонение гробу Магомета, для чего им выдавались паспорта на продолжительные отпуска»⁷⁸⁶. Не принявшие турецкого подданства и имевшие отметки в паспортах русского консула могли вернуться «законным порядком»⁷⁸⁷.

Уже в середине 1861 г. многие переселенцы, столкнувшиеся с необычайными трудностями в Турции, «с крайней настойчивостью» стали «искать случаев к возвращению на родину»⁷⁸⁸. Этому в немалой степени способствовали слухи, распространявшиеся в Турции, о том, что «русское правительство всем возвращающимся дает деньги и медали»⁷⁸⁹. В связи с этим консулы обязывались объявлять возвращенцам, что они не будут более «водворяемы» «на прежние места», а будут отправлены «на поселение в Россию»⁷⁹⁰. Основными районами поселения для возвращавшихся были Дон и Оренбургский край. Однако осенью 1861 г. разрешили поселение «испытавших бедствия в Турции» и на Кавказе⁷⁹¹.

К этому времени черкесам, как и многим другим горцам Северного Кавказа, стало ясно, сколь жестоко они были обмануты

не только турецкими властями, но и местными функционерами, призывавшими к переселению в единоверную Турцию. Тогда же Северо-Западный Кавказ посетил Александр II. Он высадился на Тамани, куда навстречу ему «прибыло более 500 мирных и немирных черкесов»⁷⁹². Узнав, кто в толпе, император, пренебрегая безопасностью, сам направился к ним. «При приближении монарха черкесы все как один схватились за оружие и, положив его на землю», почтительно склонили головы. Вышедший вперед старейшина обратился к императору с приветствием. Выступавший сказал: «Прикажите, государь, и мы все готовы исполнять всякие ваши повеления. Мы будем строить дороги, укрепления, казармы для войск ваших и клянемся, что будем жить с ними в мире и согласии. Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды»⁷⁹³. Александр II обещал черкесам сделать «все возможное», он и позже интересовался их судьбой. Но Барятинский и Милютин убедили его в «неверности горцев своему слову». К этому добавилась антироссийская политическая кампания, которую развернула в Турции и Лондоне черкесская диаспора.

Летом и осенью 1862 г. «черкесская проблема» переживала завершающую стадию своего разрешения. На этом этапе (вплоть до весны 1864 г.) она приобрела особо болезненные формы. Уже в 1862 г. Милютин писал «о массе войск», сосредоточенной в Кубанской области и почти в полном составе занятой рубкой просек, кладкой дорог и очисткой местности для возведения на ней казачьих станиц⁷⁹⁴. По свидетельству Милютина, «почти все прежнее население гор», зимовавшее в верховьях Кубани и Белой, переселилось на Закубанские равнины или же «ушло на южный склон Кавказского хребта с намерением переселиться в Турцию»⁷⁹⁵. Сопротивление «до крайности» продолжали такие крупные племена, как абадзехи и шапсуги⁷⁹⁶. «Глухое противостояние» оказывали натухайцы. Для них в пределах Натухайского округа было выделено 100 тыс. десятин земли, на которой им предлагалось поселиться. Однако они по-прежнему продолжали жить хуторами в закрытых и малодоступных местах⁷⁹⁷. По свидетельству генерала Евдокимова, для натухайцев, как относительно более мирных, предполагалось предусмотреть в Черкесии «правильную оседлость» и «позаботиться о гражданском» их развитии; по мысли генерала, они сопротивлялись этому, опасаясь «цивилизации»⁷⁹⁸.

Осенью 1862 г. вооруженное давление российских войск заметно усилилось. Именно тогда началось массовое переселение

черкесов в Турцию. Исполнявший обязанности наместника генерал Орбелиани, не желая проявлять «излишнюю жесткость», был вынужден снять ограничения, существовавшие для переселенцев, предоставив последним возможность отправиться в Турцию из всех пунктов русского побережья⁷⁹⁹. Тогда же отряды шапсугов сначала напали на российский пост (Георгиевский), а затем крупным ополчением решили вторгнуться в Натухайский округ, чтобы «поднять все население натухайцев» и расправиться с новыми казачьими станицами⁸⁰⁰. Крупное сражение, происшедшее между российскими войсками и черкесами, привело к «огромным» жертвам⁸⁰¹.

«Черкесский меджлис», созданный еще в 1861 г., продолжил свою политическую деятельность за рубежом. Он собирался в турецком городе Токхане. В него входили Карабатыр Заноко, Измаил-Баракай, Биш-хан-эфенди, Хасан-эфенди, Ибрагим-Ага – всего 15 человек⁸⁰². В деятельности меджлиса «секретно» принимал участие также Измаил-паша. Турецкая сторона была представлена также военными, призывавшими к «священной войне с Россией». С помощью английских и турецких политиков, в частности уже знакомого нам Уркарта, в Турции было организовано черкесское движение, направленное на объединение ранее разрозненных племен⁸⁰³. Созданные Национальный совет и Комитет в Константинополе находились в постоянных отношениях с другим Комитетом, образованным в Лондоне Уркартом, ставшим официальным представителем черкесов в английском парламенте и в публичной деятельности⁸⁰⁴.

Турецкие и английские организаторы черкесского движения за рубежом рекомендовали Национальному совету организовать ополчение «с различной военной иерархией», ввести среди переселенцев налогообложение для сбора средств и войны с Россией, установить штрафы для не желающих создать мастерские по ремонту оружия⁸⁰⁵. Совет выпустил также Прокламацию-манифест с обвинениями в адрес России, с заявлением «о неизбежном падении Российской империи и о будущем признании независимости кавказской провинции». Одновременно была составлена «Декларация», согласно которой «восставшие черкесы... объединились и дали клятву продолжать войну или же, в случае поражения, массово эмигрировать»⁸⁰⁶. Черкесские функционеры из Национального Совета, вернувшиеся из Лондона вместе с польскими эмигрантами, направили в Черкесию Прокламацию с призывами объединиться для «борьбы не на жизнь, а на смерть с Россией»⁸⁰⁷.

Однако наиболее здравомыслящие черкесы понимали опасность для судеб Черкесии продолжения войны с Россией. Тот же Измаил-паша (Измаил-бей), немало усилий приложивший для разжигания войны в 1857 г., в начале 1863 г. был против продолжения войны и эмиграции своих соотечественников. Он хорошо знал «состояние дел в Турции», «слабость своего правительства» и не доверял «новым обещаниям» турецких властей⁸⁰⁸. По свидетельству военного советника посольства России в Турции В. А. Франкини, среди черкесских руководителей было немало таких, кто с недоверием относился к своим зарубежным покровителям. Некоторые из них «после неудачи» в Лондоне «убедились в том, что им в дальнейшем нечего ждать от Европы»⁸⁰⁹. «Они понимают, – писал военный советник, – что одиноки и останутся одинокими в борьбе против России»⁸¹⁰.

Вместе с тем основная масса старшинской знати, в сущности определявшая судьбы не только переселившихся в Турцию, но и остававшихся еще на родине черкесов, по-прежнему связывала решение черкесской проблемы с турецким правительством. В начале 1863 г. 28 представителей черкесского Комитета обратились к Турции с просьбой об оказании военной помощи Черкесии и о принятии ее в турецкое подданство⁸¹¹. Одновременно Комитет выступал к черкесам с призывом к непримиримой борьбе. «Воззвание Комитета» дает представление о масштабах и цинизме той лжи, жертвами которой становились массы черкесского народа. В «Воззвании», датированном январем 1863 г., утверждалось, например, будто от черкесов «русские войска и народ находятся в страхе и бедствии», что Российское государство «клонится к разрушению и большая часть войск и народ разбегаются в разные места», и что «все это служит доказательством их близости к гибели»⁸¹². Черкесам, все еще сопротивлявшимся многотысячным российским войскам, внушалась ложь о том, будто Швеция, Норвегия, Дания, Польша, Венгрия, Грузия, Дагестан, Персия, Таттария «и даже Индия» находятся с Россией «в споре» по поводу «возвращения прежних» своих «прав»⁸¹³. Терпевших бедствие черкесов Комитет убеждал, что «теперь именно настало время освобождения вашего отечества»⁸¹⁴. «Воззвание» заканчивалось припиской: «Мы знаем, что сделаем после этого с русскими при помощи королей», столь же ложной, как и то, что «русский народ», а не черкесский «терпел бедствие». Что же до королей, то действительно все те же англо-польско-турецкие покровители до

последнего пытались разжечь костер войны, становившейся для черкесов все более трагической. В ноябре 1863 г. при поддержке «польского агента Подайского, имевшего дружеские связи с английским консулом Стивенсом, на восточный берег Кавказа было доставлено около 1 тыс. бочонков пороха»⁸¹⁵.

Со своей стороны российское командование, будто доказывая свой военный потенциал, приступило в Черкесии к широкомасштабным военным действиям. Оно непримиримо требовало переселения или на Кубань, или же в Турцию. Основная масса черкесского населения, оказавшаяся в условиях необычайной катастрофы, устремилась в Османскую империю, что надолго предрешило их собственную историческую судьбу. Русский историк И. Дроздов, довольный подобным исходом закончившейся в мае 1864 г. Кавказской войны, писал: «Чувствуешь невольное уважение к неприятелю, который, при своей относительной малочисленности, мог столько десятков лет бороться с исполином...»⁸¹⁶.

Вместо заключения

В XIX в. Черкесия была мощным этническим массивом, сложившимся как общественно-политическое образование, что заметно отличало ее от других этнических сообществ Северного Кавказа. Несомненно, этно-антропологической основой черкесской общности послужило население одного из наиболее развитых земледельческих центров древней Алании, созданных в свое время в азово-донских степях. Имея вполне зрелую феодальную социальную организацию, донские аланы под давлением монголо-татар отступили на Северо-Западный Кавказ и восточное побережье Черного моря, расселившись по соседству со средневековой Кабардой. Таким образом произошла кардинальная смена географических зон (вместо плодородных донских степей черкесы попали в неудобные для хозяйственной деятельности лесистые, болотистые субтропики и суровые западные отроги Большого Кавказа), этнических наименований (аланское население стало известно под этнонимом «черкесы»), политического контекста (жестоким ударом истории стало для них татарское иго). С XIV и вплоть до начала XVII в. Крымское ханство удерживало Черкесию в вассальном подчинении, требуя от нее ежегодной дани – шести тысяч рабов. В этих экстремальных географических и общественно-политических условиях происходила потеря государственных начал, складывавшихся в Алании начиная со II в. Деградация коснулась также социальной стратификации черкесского общества.

В середине XVI в. черкесская знать, установив тесные политические контакты с Москвой, пыталась играть важную роль в освобождении своей страны от крымско-татарского засилья. Добившись у Ивана Грозного эффективного военно-политического союза против крымского хана, Черкесия могла бы избежать крайних форм этнической раздробленности и создания примитивной конфигурации мелких военно-политических объединений. Иван Грозный, занятый строительством евразийской государственности и ориентированный на важнейшие направления западной и восточной политики, не брался военным способом реализовать объявленное им российское подданство Черкесии.

В XVI в. черкесское общество во второй раз в своей истории становилось на путь военно-демократического развития. Социальный вес набирало родовое старшинство, вступившее в тор-

говые отношения с Российским государством, наладившее прибрежную торговлю на Черном море. Этот слой черкесского общества превращался в основного участника вооруженных набегов на соседей. На протяжении XVI-XVII вв. произошло фактическое восстановление традиционных воинских институтов, что позволило черкесским конфедератам ставить перед Крымским ханством вопрос о своей независимости. В свою очередь, Бахчисарай предпринимал лихорадочные усилия для ужесточения своего безраздельного господства в Черкесии. Таким образом, крымский хан объективно способствовал активизации и самоорганизации военно-политических сил черкесских обществ, которые становились способными наносить ощутимые удары Крыму. Бросив вначале сорокатысячное войско, позже – стотысячную армию, хан пытался удержать свои позиции в Черкесии. В обоих случаях черкесы подвергли крымские войска полному уничтожению.

С XVIII и до середины XIX в. в Черкесии успешно развивались скотоводство, орговля (в том числе работорговля) и набеговая система, которая стала одной из доходных статей экономики. На основе этих достижений выделилась старшинская знать, бравшая на себя роль основной политической силы. Именно этой знати Черкесия была обязана созданием милитаристского сообщества, состоявшего из четырех конфедератов. Сохранение этой военно-политической конструкции становилось фатальной необходимостью, поскольку с ней были тесно увязаны социальные интересы формировавшегося нового сословия.

После заключения между Россией и Турцией Адрианопольского договора остро встал вопрос о Черкесии. С точки зрения международного права, его решение относилось к компетенции Петербурга. Однако благодаря несговорчивости черкесской стороны, отвергавшей любые проекты, в том числе вполне мирные и цивилизованные, более тридцати лет российско-черкесские отношения переживали глубокий военно-политический кризис. Основная его причина заключалась в требовании Петербурга о прекращении вооруженных набегов не только на русскую границу, но и на соседей, в том числе внутри Черкесии. По сути это ключевое требование, его исполнение фактически означало бы разрушение главного каркаса, на котором зиждилось уникальное для XIX в. черкесское мироздание, концентрировавшее в себе все стороны общественной и духовной жизни. Было очевидно, что преодолеть столь прочный внутренний барьер невозможно; княжеская элита,

периодически обнаруживавшая российскую политическую ориентацию, не имела в Черкесии сколько-нибудь серьезного влияния на принятие судьбоносных решений. Пользуясь этим, главными игроками на политическом поле Черкесии явились Турция, Англия и до 1855 г. Франция. Султанское правительство изначально выпутало сторонником переселения черкесов в Турцию. Расчет был прост. С помощью черкесских военных сил Османская империя надеялась вернуть свое влияние на Кавказе. Англию устраивал другой сценарий – превращение российско-черкесского противостояния в затяжную войну. Одновременно он вовлекала в этот план Францию, готовясь вместе с ней и Турцией к Крымской войне.

Оказавшись в водовороте острых международных противоречий, Черкесия, вдобавок имевшая свои собственные внутренние социальные коллизии, окончательно растеряла не только исторические ориентиры, но и национальные интересы. По воле международных политических сил она вступила в войну с Россией и тем самым навсегда лишила себя перспективы быть в составе евразийской государственности, где, несомненно, могла бы иметь свою национальную автономию. И к нашему времени на фоне исторической судьбы черкесов еще не улеглись политические страсти вокруг образа Черкесии прошлого. Автор настоящих строк не располагает данными о современном положении черкесской диаспоры в Турции. Однако он допускает, что в каких-то конкретных аспектах черкесская проблема, может быть, все еще остается нерешенной. Несмотря на это, следует признать – согласно международному праву, она целиком и полностью является прерогативой турецкого правительства.

Примечания

1. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис. 1909. См. Приложение – указатель войсковых частей.
2. Там же.
3. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп. 1994, с. 36.
4. Общее историко-топографическое описание Кавказа. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе. 1967, с. 103.
5. Спенсер Э. Указ. соч., с. 121.
6. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989, с. 346–349.
7. Спенсер Э. Указ. соч., с. 121.
8. АКАК, т. VII, с. 904.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Герцен А. И. Былое и думы. М., 1973, т. 3, с. 346.
15. Там же.
16. Лалинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик. 1995, с. 69.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же, с. 73.
22. Там же.
23. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик. 1974, с. 270.
24. Там же.
25. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. Краснодар, 1989, с. 15–16.
26. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая пол. XIX в.) М. 1967, с. 51.
27. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар. 1913, т. II, с. 28–30.
28. Дубровин Н.Ф. Черкесы (адыге). Краснодар. 1927, с. 27.
29. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М. 1923, с. 199.
30. Там же.
31. Гарданов В. К. Указ. соч.
32. Джимов Б. М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800–1868)//УЗАНИИ. 1970, т. II.
33. Меретуков М. А. Семейная община у адыгов// УЗАНИИ. 1970, т. XI, с. 10.
34. Там же, с. 241,246.
35. Там же, с. 113.
36. А.С. Марзей в оригинальной монографии приводит обширный материал, свидетельствующий о раннем зарождении у западных адыгов набеговой практики, получившей в последующем широкое развитие. К сожалению, автор меньше соотносит набеги с их стадийной обусловленностью и больше уделяет внимания мифологизированным представлениям о набегах (Марзей А. С. Черкесское наездничество. М. 2000).
37. Адыге, балкарцы и карачаевцы... с. 50.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же, с. 117.
41. Там же.

42. Там же, с. 123.
43. Там же, с. 121.
44. Там же, с. 124.
45. Там же, с. 154.
46. Там же, с. 163.
47. Там же, с. 216.
48. Там же, с. 242.
49. Там же.
50. Там же.
51. Там же, с. 244.
52. Там же, с. 327.
53. Там же.
54. Там же.
55. Там же.
56. Званба С. Т. Зимние походы убыхов на Абхазию//Этнографические этюды. Сухуми. 1995.
57. Там же, с. 43.
58. Там же, с. 44.
59. Там же.
60. Набег был рискованным предприятием, и потому подготовка к нему выглядела как священнодействие (Услар П. Кое-что о словесных произведениях горцев//ССК. 1868. Вып. 1, с. 38).
61. Званба С. Т. Указ. соч., с. 47.
62. Там же, с. 51.
63. Там же, с. 53.
64. Там же.
65. Там же.
66. Там же, с. 43.
67. Адыги, балкарцы и карачаевцы..., с 200.
68. Там же.
69. Там же.
70. Хан-гирей. Указ. соч., с. 305.
71. Там же.
72. Званба С. Т. Указ. соч., с. 45.
73. Там же.
74. Хан-гирей. Указ. соч., с. 307.
75. Там же, с. 308.
76. Там же, с. 307.
77. Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX в.//Торнау Ф. Ф. Секретная миссия в Черкесии русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик. 1993./М. 1976.
78. Торнау Ф. Ф. Секретная миссия..., с. 180.
79. Там же, с. 181.
80. Там же.
81. Там же, с. 182.
82. Там же.
83. Там же.
84. Там же, с. 183.
85. Там же, с. 297.
86. Там же, с. 323.
87. Там же.
88. Там же.
89. Там же, с. 291.
90. Там же, с. 292.
91. Там же, с. 226.
92. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999, с. 187.
93. Торнау Ф. Ф. Указ. соч., с. 174.
94. Бларамберг И. Указ. соч., с. 187.
95. Там же, с. 187-188.

96. Там же, с. 152.
97. Там же, с. 175.
98. Там же, с. 191.
99. Там же.
100. Там же, с. 124.
101. Там же, с. 125.
102. Там же.
103. Там же, с. 126.
104. Там же, с. 135.
105. Там же.
106. Там же, с. 136.
107. Лапинский Т. Указ. соч., с. 77.
108. Там же, с. 102.
109. Там же, с. 101.
110. Там же, с. 102.
111. Там же.
112. Там же, с. 104.
113. Там же.
114. Там же, с. 105.
115. Там же.
116. Там же, с. 106.
117. Там же, с. 108.
118. Там же, с. 107-108.
119. Там же, с. 149.
120. Там же, с. 108.
121. Там же, с. 183.
122. Там же.
123. Там же.
124. Там же.
125. Там же, с. 193.
126. Там же, с. 193-194.
127. Там же, с. 194.
128. Там же.
129. Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа/КС. 1900. Т. XXI, 96.
130. Лапинский Т. Указ. соч., с. 197.
131. Там же.
132. Там же, с. 198.
133. Там же, с. 196.
134. Там же, с. 197.
135. Там же, с. 199.
136. Там же, с. 45.
137. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Тифлис, 1914, с. 18; см. также: Сталь К. Ф. Указ. соч., с. 70-75.
138. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой пол. XIX в. Краснодар. 1989, см. гл. 3.
139. Торнау Ф. Ф. Секретная миссия..., с 41.
140. Там же, с. 41-42.
141. Там же, с. 47.
142. АКАК. Т. VII, с. 888.
143. Там же.
144. Там же.
145. Там же.
146. Там же.
147. Там же.
148. Лапинский Т. Указ. соч., с. 98.
149. АКАК. Т. VII, с. 892.

150. Там же.
151. Там же.
152. Там же.
153. Там же.
154. Там же, с. 893.
155. ШССТАК, с. 19.
156. Там же.
157. Там же, с. 24.
158. Лалинский Т. Указ. соч., с. 210.
159. Там же, с. 210-211.
160. АКАК. Т. VII, с. 894.
161. Там же, с. 893.
162. Там же.
163. Там же, с. 894.
164. Там же.
165. Там же, с. 895.
166. Там же.
167. Там же.
168. Там же.
169. Там же.
170. Там же.
171. Там же, с. 896.
172. Там же.
173. Там же, с. 898.
174. Там же.
175. Эсадзе С. Покорение... с. 33.
176. Там же, с. 34.
177. Там же, с. 36.
178. АКАК. Т. VII, с. 902.
179. Там же.
180. Эсадзе С. Указ. соч., с. 37.
181. АКАК. Т. VII, с. 902.
182. Там же.
183. Там же, с. 901-902.
184. Там же, с. 902.
185. Там же, с. 909.
186. Там же.
187. Там же.
188. Там же.
189. Там же.
190. Там же, с. 908.
191. Там же. Т. VIII, с. 359.
192. Там же.
193. Там же.
194. Киняпина Н. С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г.//Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М. 1958.
195. Бушуев С. К. Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836-1837 гг.)//Красный архив. Т. 5 (102). 1940, с. 190.
196. ШССТАК, с. 46.
197. Там же, с. 49.
198. Там же.
199. Там же, с. 50.
200. Там же.
201. Там же, с. 52.
202. Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи. Сборник документов. Нальчик, 2001, с. 27-30.
203. Там же, с. 27.

204. Там же.
205. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе//КС. Т. II. Тифлис, 1877, с. 416.
206. Проблемы Кавказской войны... с. 27.
207. ШССТАК, с. 52.
208. Там же, с. 53.
209. Там же, с. 52.
210. Там же.
211. Там же.
212. Там же, с. 53.
213. Там же, с. 58.
214. Там же, с. 54.
215. АКАК. Т. VIII, с. 360.
216. Там же.
217. Там же, с. 859.
218. Там же.
219. Бушуев С. К. Англо-русский инцидент... (Приложение), с. 195.
220. АКАК. Т. VIII, с. 859.
221. Там же.
222. Бушуев С. К. Англо-русский инцидент... (Приложение), с. 195.
223. Бушуев С. К. Из истории... с. 33.
224. Там же, с. 34.
225. ШССТАК, с. 109.
226. Там же, с. 110.
227. АКАК. Т. VIII, с. 385.
228. Там же.
229. Там же, с. 359.
230. Там же.
231. Там же.
232. Там же.
233. Там же.
234. Там же.
235. Там же, с. 896.
236. Там же, с. 359.
237. ШССТАК, с. 111.
238. Там же.
239. Там же, с. 135-136.
240. Там же, с. 135.
241. Там же, с. 144.
242. Там же, с. 170.
243. Там же.
244. Там же, с. 171.
245. Там же, с. 172.
246. АКАК. Т. IX, с. 248.
247. Там же, с. 249.
248. Там же.
249. Там же.
250. Там же, с. 253.
251. Там же, с. 252.
252. Там же.
253. Там же.
254. Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе//КС. Т. X. Тифлис. 1886, с. 499.
255. АКАК. Т. IX, с. 250.
256. Дроздов И. Указ. соч., с. 499.
257. АКАК. Т. IX, с. 252.
258. Там же.

259. Там же.
260. Там же.
261. Там же.
262. Там же.
263. Там же.
264. ШССТАК, с. 191.
265. Там же, с. 192.
266. АКАК. Т. IX, с. 252.
267. Там же.
268. Там же.
269. ШССТАК, с. 192.
270. Там же.
271. АКАК. Т. IX, с. 255.
272. Там же, с. 265.
273. Там же, с. 256.
274. Там же, с. 255.
275. Там же, с. 265.
276. Там же.
277. Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837-1847//Осада Кавказа. СПб. 2000, с. 156.
278. АКАК. Т. IX, с. 265.
279. Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 158.
280. АКАК. Т. IX, с. 415.
281. Там же, с.304.
282. Там же.
283. ШССТАК, с. 195.
284. АКАК. Т. IX, с. 498-504.
285. Там же, с. 499.
286. Там же, с. 500.
287. Там же, с. 501.
288. Там же.
289. Там же, с. 499.
290. Там же, с. 266.
291. Там же, с. 498..
292. Там же.
293. Там же, с. 505.
294. Там же.
295. Там же.
296. Там же.
297. Там же.
298. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960, с. 308, 309.
299. АКАК. Т. IX, с. 505.
300. Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 134.
301. Там же, с. 133.
302. Там же.
303. Там же.
304. Там же, с. 136.
305. Ольшавский М.Я. Записки 1844 и другие годы. Осада Кавказа. СПб. 200, с. 265.
306. АКАК. Т. IX, с. 500.
307. Покровский М. В. Из истории... с. 112-145.
308. Там же.
309. АКАК. Т. IX, с. 660-661.
310. Там же, с. 660.
311. Там же, с. 661.
312. Там же.
313. Там же.
314. Там же.
315. Там же, с. 662.

- 316. Там же.
- 317. Там же.
- 318. Там же.
- 319. Там же.
- 320. Там же, с. 664.
- 321. Там же.
- 322. Там же.
- 323. Там же.
- 324. Там же.
- 325. Там же.
- 326. Там же, с. 507.
- 327. Там же.
- 328. Там же, с. 508.
- 329. ШИСТАК, с. 198.
- 330. Там же, с. 199.
- 331. АКАК. Т. IX, с. 509.
- 332. Там же, с. 508.
- 333. Там же.
- 334. Там же, с. 509.
- 335. Там же.
- 336. ШИСТАК, с. 204.
- 337. Там же.
- 338. Там же, с. 203.
- 339. Там же, 211.
- 340. Там же.
- 341. Там же, с. 212.
- 342. Там же, с. 208.
- 343. АКАК. Т. IX, с. 518
- 344. Там же.
- 345. Там же, с. 520.
- 346. Там же.
- 347. Там же.
- 348. Там же, с. 523.
- 349. Там же.
- 350. Там же.
- 351. Там же.
- 352. Паста – блюдо, приготовленное из муки.
- 353. Буза – спиртной напиток.
- 354. АКАК. Т. IX, с. 524.
- 355. Там же.
- 356. Там же.
- 357. Там же. Т. X, с. 569.
- 358. Там же.
- 359. Там же, с. 572.
- 360. Там же, с. 571.
- 361. Там же.
- 362. Там же.
- 363. Там же, 573.
- 364. Там же.
- 365. Там же, с. 684.
- 366. Там же, с. 573.
- 367. Там же.
- 368. ШИСТАК, с. 251
- 369. Там же.
- 370. Там же.
- 371. Там же.
- 372. АКАК. Т. X, с. 573.

- 373. Там же, с. 587
- 374. Там же.
- 375. Там же, с. 588.
- 376. Там же.
- 377. Там же.
- 378. Там же.
- 379. Там же.
- 380. Там же.
- 381. Там же.
- 382. Там же.
- 383. Там же, с. 589.
- 384. Там же.
- 385. Там же.
- 386. Там же.
- 387. Там же.
- 388. Там же, с. 589-590.
- 389. Филиппсон Г. И. Указ. соч., с. 165.
- 390. АКАК. Т. X, с. 590.
- 391. Там же.
- 392. Там же.
- 393. ШССТАК, с. 280; ДГСВК, с. 529.
- 394. ШССТАК, с. 280.
- 395. АКАК. Т. X, с. 590.
- 396. Там же
- 397. Там же. Т. XII, с. 1522.
- 398. Там же. Т. X, с. 589.
- 399. Там же.
- 400. Там же.
- 401. Там же, с. 590.
- 402. ДГСВК, с. 546.
- 403. АКАК. Т. X, с. 663.
- 404. Там же.
- 405. Там же.
- 406. Там же.
- 407. Там же.
- 408. Там же.
- 409. Там же.
- 410. Там же, с.664.
- 411. Там же, с. 665.
- 412. Лапинский Т. Указ. соч., с. 281.
- 413. Там же, с. 8.
- 414. ШССТАК, с.468.
- 415. Там же.
- 416. Там же.
- 417. АКАК. Т. XII, с. 709.
- 418. Там же, с. 710.
- 419. Там же.
- 420. Там же.
- 421. Там же, с. 711.
- 422. Там же, с. 711-712.
- 423. Там же, с. 713.
- 424. Там же, с. 714.
- 425. Там же.
- 426. Там же.
- 427. Там же.
- 428. Там же.
- 429. Там же.

430. Там же.
431. Там же.
432. Там же.
433. Там же.
434. Там же.
435. Там же.
436. Карлгоф Н. Магомет-Амин//Кавказский календарь на 1861 г. Тифлис. 1860, с. 100.
437. АКАК. Т. XII, с. 717.
438. Там же, с. 718.
439. Там же.
440. Там же.
441. Там же.
442. Там же, с.719-720.
443. Лапинский Т. Указ. соч., с. 290.
444. Там же, с.291.
445. Там же, с. 297, 301, 303-304.
446. Там же, с. 307.
447. Герцен А. И. Указ. соч., с. 359.
448. Лапинский Т. Указ. соч., с.307-308.
449. Там же, с. 307.
450. Там же, с. 308.
451. Там же.
452. Там же, с. 309.
453. Там же, с. 310.
454. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II, с. 552.
455. Лапинский Т. Указ. соч., с. 312.
456. Там же.
457. Там же.
458. Там же.
459. Там же, с. 319.
460. Мехмет-бей. Высадка в 1857 году на Черкесский берег польско-английского десанта// КС. Т. XI. Тифлис. 1887, с. 575.
461. Там же, с.574; Проблемы Кавказской войны... с. 83.
462. Там же.
463. По сей день под этой дымовой завесой находятся не только исторические факты, но и «доморощенные» историки, тиражировавшие русофобскую идею о виновности России в черкесской трагедии, умалчивая при этом об английских и турецких усилиях в Черкессии, спровоцировавших Россию на крайние меры. В столь одностороннем подходе к проблеме, расчитанном на политико-пропагандистский эффект, особенно преуспели М. Кандур, Р. Трахо и Н. Бэрзэдж.
464. Мехмет-бей. Указ. соч., с. 575.
465. Там же.
466. АКАК. Т. XII, с. 723.
467. Там же.
468. Там же, с. 723-724.
469. Там же, с. 724-725.
470. ШССТАК, с.469.
471. Там же, с. 470-471.
472. Там же, с. 471.
473. Лапинский Т. Указ. соч., с.339 и др.
474. Там же.
475. Мехмет-бей. Указ. соч., с. 579.
476. ШССТАК, с. 472.
477. Там же.
478. Там же.
479. Там же.
480. Там же, с.471.

481. Там же.
482. Там же, с. 473.
483. Там же.
484. Там же.
485. Лапинский Т. Указ. соч., с. 339-340.
486. Там же, с. 340.
487. Там же, с. 343.
488. Там же, с. 344.
489. Там же, с. 347.
490. АКАК. Т. XII, с. 733.
491. Там же.
492. Там же.
493. Веников М. И. Кавказские воспоминания//Осада... СПб., 2000.
494. Там же, с. 608-609.
495. Там же, с. 609.
496. Там же, с. 607.
497. АКАК. Т. XII, с. 732.
498. Там же.
499. Там же.
500. Там же.
501. Там же.
502. Там же.
503. Там же, с. 734.
504. Там же.
505. Там же, с. 832.
506. Там же.
507. Там же, с. 735.
508. Там же, с. 739.
509. Там же.
510. Там же.
511. Там же, с. 740.
512. Там же, с. 742-743.
513. Там же, с. 742.
514. Там же.
515. Там же, с. 748.
516. Лапинский Т. Указ. соч., с. 330.
517. АКАК. Т. XII, с. 733.
518. Там же, с. 752.
519. Там же, с. 753.
520. Там же, с. 733.
521. Там же.
522. Там же.
523. ШССТАК, с. 476.
524. Лапинский Т. Указ. соч., с. 341.
525. АКАК. Т. XII, с. 746.
526. Там же, с. 746-747.
527. Там же, с. 754-755.
528. Там же, с. 757.
529. Там же.
530. РГВИА, ф. 38, д. 351, л. 62.
531. АКАК. Т. XII, с. 757.
532. Там же.
533. Там же.
534. Там же, с. 758.
535. Там же.
536. Там же.
537. Там же.

538. Там же.
539. Там же.
540. Там же, с. 759.
541. Там же, с. 760.
542. Там же.
543. Там же, с. 759-760.
544. РГВИА, ф.38, д. 351, л. 62.
545. Там же; АКАК. Т. XII, с.762.
546. РГВИА, ф. 38, д. 351, л.62.
547. Там же.
548. Там же, л. 63-63 об.
549. Там же, л. 63.
550. Там же.
551. АКАК. Т. XII, с. 762.
552. Там же.
553. Там же, с. 762-763.
554. Там же, с. 763.
555. Там же.
556. Там же.
557. Там же.
558. Там же.
559. Там же.
560. Там же.
561. Там же, с. 760.
562. Там же.
563. Там же.
564. Там же.
565. Там же, с. 761.
566. Там же.
567. Там же, с. 767-768.
568. Там же, с. 774.
569. Там же.
570. Там же.
571. Там же.
572. Там же, с. 773.
573. Там же.
574. Там же, с. 769.
575. Там же.
576. Там же.
577. Там же.
578. Там же.
579. Там же.
580. Там же, с. 771.
581. Там же.
582. Там же, с.771-772.
583. РГВИА, ф. 38, д. 351, л. 153; АКАК. Т. XII, с.772.
584. АКАК. Т. XII, с. 768.
585. Там же, с. 779.
586. Там же.
587. Там же.
588. Там же.
589. Там же, с. 780.
590. Там же.
591. Там же, с. 782.
592. Там же, с. 783.
593. Там же, с. 790.
594. Там же, с.791.

595. Там же.
596. ПСР – II. Т. XXXIII СПб., 1859, с.367.
597. Там же.
598. Там же, с. 370.
599. Там же, с. 367.
600. АКАК. Т. XII, с. 764.
601. Там же, с. 764-765.
602. Там же, с. 764.
603. Там же, с. 765.
604. Дубровин Н. Ф. Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825-1864). СПб. 1906, с. 336.
605. АКАК. Т. XII, с. 776.
606. Там же, с. 783-785.
607. Дубровин Н. Ф. Кавказская война... с. 337.
608. АКАК. Т. XII, с. 824.
609. Там же.
610. Там же.
611. Там же, с. 824-825.
612. Там же, с. 825.
613. Там же.
614. Там же.
615. Там же.
616. Там же.
617. Там же.
618. Там же, с.806.
619. Там же.
620. Там же, с. 807.
621. Там же, с. 808.
622. Там же, с. 809.
623. Там же.
624. Там же.
625. Бэрзэдж Н. Указ. соч., с.103.
626. Там же.
627. Там же.
628. Щербина Ф. А. Указ. соч., с. 554.
629. Проблемы Кавказской войны... с. 84.
630. Там же.
631. Там же, с. 84-85.
632. Там же, с. 85.
633. Там же.
634. Там же, с. 108.
635. Там же.
636. Там же.
637. Там же, с. 109.
638. Там же.
639. Там же.
640. Там же.
641. АКАК. Т. XII, с. 814.
642. Там же.
643. Там же.
644. Лалинский Т. Указ. соч., с. 399.
645. Там же.
646. Там же.
647. Там же.
648. Там же.
649. Там же, с. 400.
650. Там же.

- 651. Там же.
- 652. Там же, с. 402.
- 653. Там же, с. 404.
- 654. Там же, с. 411.
- 655. АКАК. Т. XII, с. 827.
- 656. Там же.
- 657. Там же.
- 658. Там же.
- 659. Лапинский Т. Указ. соч., с. 412.
- 660. Там же.
- 661. Там же.
- 662. АКАК. Т. XII, с. 828.
- 663. Там же.
- 664. Там же.
- 665. Там же, с. 829.
- 666. Там же, с. 832.
- 667. Там же.
- 668. Там же.
- 669. Эсадзе С. Покорение... с. 70.
- 670. АКАК. Т. XII, с. 833.
- 671. Там же.
- 672. Там же.
- 673. Там же.
- 674. Там же, с. 846.
- 675. Там же, с. 834.
- 676. Там же.
- 677. Там же.
- 678. Там же, с. 846.
- 679. Там же, с. 834.
- 680. Лапинский Т. Указ. соч, с.414.
- 681. Там же, с. 415.
- 682. АКАК. Т. XII, с. 830.
- 683. Там же.
- 684. Там же, с. 844.
- 685. Там же.
- 686. Там же, с. 837.
- 687. Там же.
- 688. Там же, с. 845.
- 689. Там же, с. 853.
- 690. Там же.
- 691. Там же.
- 692. Там же.
- 693. Там же.
- 694. Там же, с. 855.
- 695. Проблемы Кавказской войны... с. 107.
- 696. АКАК. Т. XII, с. 844.
- 697. Там же.
- 698. Там же.
- 699. Там же.
- 700. Там же.
- 701. Там же.
- 702. Там же.
- 703. Там же, с. 846.
- 704. Там же, с. 847.
- 705. Там же.
- 706. Там же.
- 707. Там же.

708. Там же.
709. Там же.
710. Там же, с.848.
711. Там же.
712. Там же.
713. Там же.
714. Там же.
715. Там же.
716. Там же.
717. Там же.
718. Там же.
719. Там же.
720. Там же, с. 848-849.
721. Там же, с. 849.
722. Там же.
723. Там же.
724. Там же.
725. Там же.
726. Там же, с. 871.
727. Там же.
728. Там же.
729. Там же.
730. Там же.
731. Там же, с. 873.
732. Там же, с. 873-874.
733. Там же, с. 876-878 и др.
734. Там же, с. 880.
735. Там же, с. 901.
736. Там же.
737. Там же, с. 915.
738. Там же.
739. Там же.
740. Там же, с.916.
741. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая пол. XIX – начало XX в.: Сб. документов. Нальчик, 2000, с. 28.
742. Там же.
743. Там же, с. 28-29.
744. Там же, с. 29.
745. Там же.
746. Там же.
747. Там же.
748. Там же, с. 30.
749. Милютин Д. А. Воспоминания//Осада Кавказа, с. 589.
750. Там же.
751. Там же.
752. Подробнее о Г. И. Филипсоне см.: АКАК. Т. X, с. 32.
753. АКАК. Т. XII, с. 923.
754. Там же.
755. Там же.
756. Там же, с. 922.
757. Там же, с. 925.
758. Там же.
759. Там же.
760. Там же.
761. Там же.
762. Там же.
763. Там же, с. 926.

764. Там же, с. 927.
765. Там же, с. 933.
766. Там же.
767. Там же.
768. Там же.
769. Там же.
770. Там же, с. 982.
771. Там же.
772. Там же.
773. Там же.
774. Там же, с. 983.
775. Трагические последствия... с. 13.
776. Проблемы Кавказской войны... с. 84.
777. Там же, с. 85-86.
778. Там же, с. 87.
779. Трагические последствия... с. 14.
780. Проблемы Кавказской войны... с. 116.
781. Трагические последствия... с. 18.
782. Проблемы Кавказской войны... с. 117.
783. Там же.
784. Там же, с. 118-119.
785. Там же, с. 121.
786. Трагические последствия... с. 34.
787. Там же.
788. Там же.
789. Там же, с. 35.
790. Там же.
791. Там же, с. 48-49.
792. Эсадзе С. Покорение... с. 79.
793. Там же.
794. Трагические последствия... с. 55.
795. Там же, с. 55-56.
796. Там же, с. 56.
797. АКАК. Т. XII, с. 1010.
798. Там же.
799. Там же, с. 1012.
800. Там же, с. 1018.
801. Там же, с. 1019; подобные бои произошли также летом 1862 г. между р. Лабой и Белой (АКАК. Т. XII, с. 1004).
802. Трагические последствия... с. 56-57.
803. Там же, с. 58.
804. Там же.
805. Там же, с. 59-60.
806. Там же, с. 63.
807. Там же, с. 64.
808. Там же, с. 65.
809. Там же, с. 61.
810. Там же, с. 62.
811. Там же, с. 68-70.
812. Там же, с. 71.
813. Там же, с. 72.
814. Там же.
815. Там же, с. 75.
816. Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // КС. Т. II. Тифлис, 1877, с. 457.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Мартынов

Кавказ раздора. Вместо предисловия 3

• Предварительные замечания 5

• Этногенез (происхождение) черкесского народа.
Эдмонд Спенсер о средневековом названии
страны черкесов и «черкесских зайцах» 9

• Свидетельства генерала, князя Бековича-Черкасского
о происхождении черкесов 11

• Этногенез черкесов по Теофилу Лапинскому 13

• Этноним «адыгэй», «адыгэ» 15

• Индоевропейскость черкесов 17

• Территория. Население 18

• Занятия: скотоводство, земледелие и война как ремесло 19

• Набег как система, как общественный уклад 21

• Жесткий сценарий набега 24

• Образ жизни: «Любовь к приключениям
и рыцарским подвигам» 30

• Русский кордон 40

• Отношение черкесов
к Адрианопольскому договору 1829 года 41

• Планы России в Черкесии 42

• Активность Турции в Черкесии 44

• Предложение черкесам о переселении в Турцию 46

• Завершенность черкесского мироздания 48

• Ответы Джембулата и Алхаза абадзехам 52

• Черкесия – «Ключ к Персии и Индии»	53
• «Бумага» английского королевского капитана Лейсона, адресованная черкесам	55
• Шхуна «Виксен» – провокация Лондона в Черкесии	58
• Британские интересы в «краю разочарования»	59
• Горцы на тропе войны	63
• Голод и торговля: «Теперь дерись кто хочет, а я еду домой» ..	71
• Кто вы: друзья ли наши или враги?	84
• По законам войны	94
• На пороге «новой фазы войны»	105
• Планы и проекты российского командования	115
• Дискуссия в высших кругах	125
• Проблема исторической ориентации горцев. Последнее письмо имама	136
• Административное устройство натухайцев	147
• Англо-турецкая пропаганда и проблемы переселения	151
• Развязка черкесской драмы	160
• Вместо заключения	172
 Примечания	 175

INTERNATIONAL INSTITUTE OF NEWLY ESTABLISHED STATES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ НОВЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ

Марк Блиев

Черкесия и черкесы XIX века.
Краткий очерк истории

Отпечатано в ФГУП "ПИК ВИНТИ",
140010, Люберцы, Московская обл., Октябрьский пр., 403.
Телефон: (495) 974-69-76

Формат 60х90 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 12.
Тираж 1000 экз. Заказ № 4859.

Блиев Марк Максимович – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания.

Научные интересы М.М. Блиева унаследованы от его учителей – известных кавказоведов Б.В. Скитского и С.К. Бушуева. Его ранние исследования были связаны с проблемами присоединения Осетии к России, русско-осетинскими и русско-кавказскими отношениями. Итогами их явились издание фундаментальных монографий: «Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII - 30-е гг. XIX вв.)» (Орджоникидзе, 1970), «Кавказ и Средняя Азия в политике России в XVIII - XIX вв.» (Москва, 1984) и публикация в 1976-1984 годах двухтомного сборника документов «Русско-Осетинские отношения в XVIII в.» Опубликованные М.М. Блиевым в журналах «Вопросы истории» и «История СССР» статьи, как и его монографии, содержат оригинальные научные подходы и относятся к числу лучших теоретических достижений советского кавказоведения. Особую известность получила его статья «Кавказская война: социальные истоки, сущность», напечатанная в журнале «История СССР» в 1983 году. По ней проводились научные конференции, ее комментировали зарубежные ученые. К достижениям М.М. Блиева следует отнести также издание крупной монографии – «Кавказская война» (М., 1994). Она вошла в список обязательной литературы для исторических факультетов университетов России. В 1999 году, по данным газеты «Время», указанная монография была признана одной из самых читаемых в России книг. Всего М.М. Блиевым опубликовано 14 монографий, в том числе учебников и учебных пособий, и более 200 научных и научно-популярных статей. Итогом его кавказоведческих изысканий явилась многоплановое исследование «Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации» (М., 2004). По широте привлеченных исторических источников, глубине и профессиональности исторических и концептуальных построений оно, несомненно, является уникальным историографическим фактом российской науки.

Высокой оценки заслужила педагогическая деятельность профессора М.М. Блиева. Его лекции по русской историографии и истории народов Кавказа пользуются неизменным успехом у студенчества. С лекциями по проблемам истории Кавказа он приглашался на исторический факультет Московского и Ростовского университетов, выезжал в Англию и Китай.

За крупный вклад в отечественную науку М.М. Блиев удостоен почетных званий «Заслуженного деятеля науки Северной Осетии», «Заслуженного деятеля науки Южной Осетии», «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Он награжден «Орденом Почета» Российской Федерации, «Орденом Почета» Республики Южная Осетия. Серебряной медалью имени И.А. Ильина «За развитие русской мысли» Русской Православной Церковью.

Dziglo

978-5-8041-0574-8

804 105748